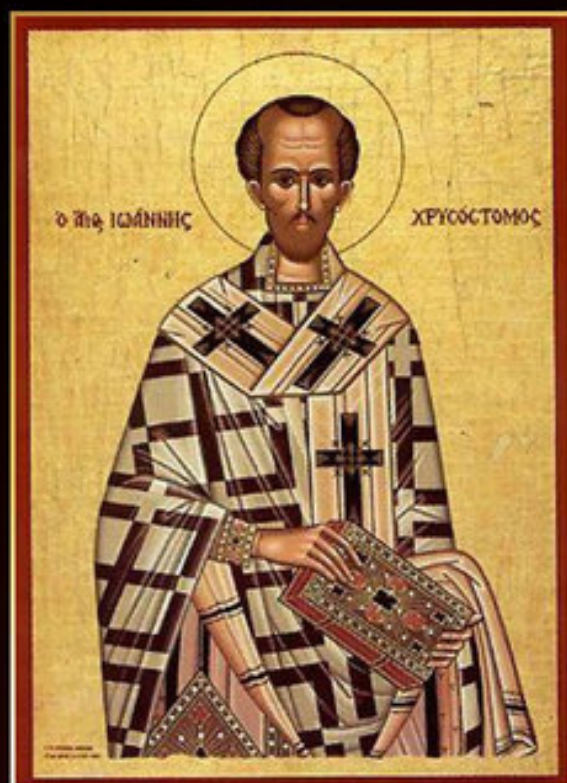

СВЯТИТЕЛЬ Иоанн Златоуст

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ТВОРЕНИЙ Том I

Святитель Иоанн Златоуст

Полное собрание творений. Том I

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

2015

Златоуст С.

Полное собрание творений. Том I / С. Златоуст —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого», 2015

Иоанн Златоуст (347–407) известен как величайший христианский мыслитель, один из троих Учителей церкви (наряду с Василием Великим и Григорием Богословом), сооснователь Константинопольского патриархата, человек, вера которого была сильнее мук и смерти. Данная книга представляет собой электронный вариант первого тома 12-томного Синодального издания «Полного собрания творений святителя» Иоанна Златоуста, которое было выпущено в Российской империи с 1895 по 1906 гг. Тексты, представленные здесь, посвящены духовным и религиозным проблемам, содержат размышления и поучения о внутреннем богатстве человека, о телесной и духовной чистоте, о моральности и любви к Богу.

© Златоуст С., 2015
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого, 2015

Содержание

Том I (Часть 1)	5
К ФЕОДОРУ ПАДШЕМУ УВЕЩАНИЕ 1-е	9
К ТОМУ ЖЕ ФЕОДОРУ УВЕЩАНИЕ 2-е	30
К ВРАЖДУЮЩИМ ПРОТИВ ТЕХ, КОТОРЫЕ ПРИВЛЕКАЮТ К МОНАШЕСКОЙ ЖИЗНИ	35
СЛОВО ПЕРВОЕ	36
СЛОВО ВТОРОЕ К НЕВЕРУЮЩЕМУ ОТЦУ	44
СЛОВО ТРЕТЬЕ К ВЕРУЮЩЕМУ ОТЦУ	56
СРАВНЕНИЕ ВЛАСТИ, БОГАТСТВА И ПРЕИМУЩЕСТВ ЦАРСКИХ С ИСТИННЫМ И ХРИСТИАНСКИМ ЛЮБОМУДРИЕМ МОНАШЕСКОЙ ЖИЗНИ	82
О СОКРУШЕНИИ	86
СЛОВО ПЕРВОЕ К ДИМИТРИЮ МОНАХУ	87
СЛОВО ВТОРОЕ К СТЕЛЕХИЮ	99
К СТАГИРИЮ ПОДВИЖНИКУ, ОДЕРЖИМОМУ ДЕМОНОМ	107
СЛОВО ПЕРВОЕ	
К ТОМУ ЖЕ СТАГИРИЮ О ТОМ, ЧТО УНЫНИЕ ХУЖЕ ДЕМОНА СЛОВО ВТОРОЕ	124
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Святитель Иоанн Златоуст

Полное собрание творений

Том I (Часть 1)

I. Увещения к Феодору Падшему

УВЕЩАНИЕ ПЕРВОЕ. Скорбь о падении души друга. Не нужно отчаиваться в возможности восстания. – Надежда как цепь, привязывающая нас к небу. – Примеры восстания падших грешников. – Навуходоносор. – Ахав. – Манассия. – Ниневитяне. – Добрый разбойник. – Покаяние как всеочищающая сила. – Усилия демона ввергнуть нас в отчаяние. – Всякое покаяние находит себе вознаграждение. – Радости рая. – Муки ада. – Душа Феодора, болящая любовью к Гермione. – Исцелимость болезни. – Нетрудность покаяния. – Пример молодого Финикса. – Пример престарелого монаха. – Упование на милосердие Божие.

УВЕЩАНИЕ ВТОРОЕ. Возвращение Феодора и ответ на него. – Непозволительность попечения о семейных делах человеку, посвятившему себя на служение Богу. – Бегство из воинства Христова. – Необходимость заглаживания греха. – Слабость человеческой природы. – Падение и восстание. – Пример Давида. – Суетность благ мира сего. – Неудобства, связанные с царством, славой, богатством и браком. – Брак, при всей его священности, есть прелюбодеяние в деле Феодора. – Заботы семейной жизни. – Свобода последователей Христа. – Единственное несчастье для христианина – оскорблять Бога. – Заключение.

II. К враждующим против тех, которые привлекают к монашеской жизни

СЛОВО ПЕРВОЕ. Наказание противящимся Богу. Пример в лице народов, препятствовавших восстановлению храма после плена вавилонского. – То же и с противниками монашества. – Подробности гонения на иноков. – Сожаление о неразумии гонителей. – Они более вредят себе, чем гонимым. – Пример ап. Павла и Нерона. – Греховность гонительства. – Сравнение гонителей монашества с гонителями апостолов. – Постигшее их наказание. – Свидетельство И. Флавия. – Для спасения недостаточно одной веры; необходимы и добрые дела. – Число подлежащих осуждению. – Пример из истории всемирного потопа. – Извращенность мира.

СЛОВО ВТОРОЕ: К неверующему отцу. Истинно богатый тот, кто презирает все. – Мы прославляемся более добродетелью, чем богатством. – Тому, кто все оставил, никто не расположен вредить, да и не может, если бы захотел. – Кто пренебрегает всем земным, тот легче утешается в лишениях. – Христиане особенно процветают, когда находятся в угнетении. – Кратковременность наслаждений. – История отшельника, отец которого был язычник.

СЛОВО ТРЕТЬЕ: К верующему отцу. Необходимо заботиться о спасении ближнего. – Небрежение о детях есть зло. – Законы о воспитании детей даны от Бога. – Добродетель зависит от внутреннего расположения. – Различные степени спасения. – Развращение нравов. – Необходимость строгого любомудрия. – Необходимость законов и наказаний в государстве. – Жизнь иноков уподобляется ангельской. – Зло нечестия в соединении с красноречием. – Слова Сократа у Платона в начале его апологии. – Святые мужи преуспевали без всякого красноречия. – История юноши, наставляемого монахом. – Превосходство иноческой жизни над мирской. – Одинаковость правил для монаха и мирянина. – Мирянам труднее спастись. – Истинный отец тот, кто печется о спасении сына. – Раздающий деньги более истинный владелец их, чем

тот, кто скопляет их. – Необходимость приучаться к совершению добродетели с юных лет. – Польза временного пребывания юношей в монастыре. – История Анны и Самуила. – Увещание к родителям о воспитании сыновей в благочестии.

III. Сравнение власти, богатства и преимуществ царских с истинным и христианским любомудрием монашеской жизни

Повод к написанию этого рассуждения. – Повелевающий деньгами и собственными страстями есть более царь, чем повелевающий народом и войском. – Брань монаха славнее брани царя. – Кто из них счастливее во время ночи. – Благотворительность монаха по сравнению с благотворительностью царя. Царь и монах перед лицом смерти и после нее.

IV. О сокрушении

СЛОВО ПЕРВОЕ – к Димитрию монаху. Повод к написанию слова. – Необходимость сокрушения вследствие господства греховности на земле. – Неосновательные извинения грешников. – Наказание злословящих. – Обязанность христианина любить своих врагов и делать им добро. – Толкование на прошение: «И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим». – Объяснение слова: «не давайте святыни псам». Желание истинного блага. – Чудесная сила этого желания. – Ап. Павел как образец сокрушения и любви к Богу.

СЛОВО ВТОРОЕ – к Стелехию. Сокрушение окрыляет душу. – Описание души, вознесенной до неба на крыльях сокрушения. – Изъяснение слов ап. Павла: «для меня мир распят и я для мира». – Необычайная любовь ап. Павла к Иисусу Христу. – Любовь Давида ко Христу и его сокрушение. – Рассуждения на псалом 6. – Благость и промысление Божие о людях, как сильное побуждение к сокрушению. – Вселенная и человек, как царь ее.

V. К Стагирию подвижнику, одержимому демоном

СЛОВО ПЕРВОЕ. Ужасное испытание, постигшее Стагирия, и желание утешить его хотя письменно. – Попущение нам испытаний и польза как их, так и самого падения. – Примеры – Адама в раю, Каина, Ноя во время потопа, Авраама и Иосифа. – Испытание, как одно из средств, которыми Господь увеличивает нам заслуги и приводит наш разум в подчинение божественному. – Причина, почему Бог допускает благоденствие злых и огорчение добрых. – Неисповедимость путей Божиих. – Вечность, как праведное воздаяние добрым и злым. – Обязанность истинного христианина быть покорным Промыслу Божию. – Увещание Стагирию укрепляться в таком убеждении.

К тому же Стагирию о том, что уныние хуже демона. СЛОВО ВТОРОЕ. Увещание освободиться от угнетающих мыслей о самоубийстве. – Такие мысли не всегда приходят от демона, но иногда и от собственного уныния. – Нужно разгонять это уныние, и лучшее средство для этого – становиться выше мнений толпы и думать, что стыдиться должно только одного греха. – Награды уготованы в будущем, настоящее есть время трудов. – Это показывают примеры святых. – Пример Авраама. – О жертвоприношении Исаака. – Сыновья Эдипа. – Огорчение Иакова. – Пример из жизни Иосифа.

К тому же Стагирию об унынии. СЛОВО ТРЕТЬЕ. Пример Моисея. – Огорчения Моисея в пустыне. – Огорчения Иисуса Навина. – Пояснение предмета на примере Самуила. – Огорчения Давида. – Огорчения Даниила. – Невзгоды Илии и Елисея. – Огорчения ап. Павла. – Бедствия, которым подвергались друзья Стагирия. – Демофил и Аристомен. – Зрелище бед-

ственности человеческой в больницах и тюрьмах. – Бог испытывает нас для искупления наших грехов и более снисходителен к нам, чем мы сами.

VI. Слово к жившим вместе с девственницами

Непристойное злоупотребление в жизни духовенства. – Тщетные оправдания обычая. – Страсть, как основа его. – Неизбежное разжигание страстей. – Опровержение мнимых оправданий незаконного обычая. – Ничто так не увеселяет, как добрая совесть. – Большие требования Нового Завета по сравнению с Ветхим.

VII. Слово к девственницам, жившим вместе с мужчинами

Непристойность девственницам сожительствовать с мужчинами. – Отсутствие девственниц у греков или язычников. – Непристойность девственницам чрезмерно заботиться о теле и нарядах. – Замужество предпочтительнее худо хранимого девства. – Соблазняющий других уже тем самым грешит, хотя бы и не делал дурного. – Стремление женщин к тщеславию. – Нравы истинной девственницы.

VIII. Книга о девстве

У еретиков нет истинных девственниц, потому что их девы нецеломудренны и принимают девство из отвращения к браку, как к преступлению. – Они не могут рассчитывать на мзду, одинаковую с православными девственницами. – Апостол, советуя воздержание, не делает из него правила, а еретики, удаляющиеся от его учения, ставят своих учеников в положение хуже язычников. – Наконец, девство еретиков оскорбительно для Бога, потому что их девственницы, отрекшись от веры, не имеют чистого сердца. – Кроме того, состояние девства, чтобы иметь значение заслуги, требует полной свободы в деле вступления в брак – чего не бывает у еретиков, поносящих брак. – Церковь, напротив, одобряет брак и считает его средством укрощения страстей для тех, кто разумно пользуется им. – Лицам, не имеющим надобности в таком средстве, церковь советует не вступать в брак, хотя и не запрещает его. – Она осуждает и изгоняет из своих недр только тех, которые оскверняют святость брака. – Ибо брак доброе дело, но девство лучше, и оно настолько же выше брака, насколько ангелы выше людей. – Девство полезно верующему, и по первоначальному плану творения оно только и должно бы господствовать на земле, потому что грех, бывший причиной смерти, был также и причиной греха. – Возможность размножения людей без брака. – Безбрачное происхождение первых людей и ангелов. – Таковым же было бы и распространение людей, если бы не согрешили прародители. – И теперь брак позволяется только как врачевство против невоздержания. – Воздержание есть дар Божий, но оно не исключает и содействия самого человека. – Картина несчастных браков. – Увещание девственниц, как и вдовам, что после произнесения обета целомудрия нельзя вступать в брак, не погрешая тяжко. – Брак есть цепь, потому что своими заботами и хлопотами повергает в рабство супругов. – Их взаимное подчинение есть тяжелая обязанность, и от нее они не могут избавляться иначе, как по взаимному согласию. – Лицемерные девственницы, уподобляющие себя неразумным девам. – Они будут лишены царства небесного. – Превосходство девства обнаруживается особенно в том, что оно облегчает нам совершение молитвы и добрых дел. – Неосновательность ссылки на Авраама в доказательство превосходства брака над девством. – Апостолы выше этого патриарха. – И богатый человек, состоящий в браке и занятый делами, также может вести жизнь праведную; но такие при-

меры редки. – Новый Завет требует большего совершенства, чем Ветхий, потому что в первом нам в большем изобилии даны дары и благодать Духа Святого.

IX. К молодой вдове

СЛОВО ПЕРВОЕ. Скорбь молодой вдовы Фирасия и утешение ей. – Бог печется о вдовах. – Достоинство вдовства почитается у христиан и язычников. – Радостность надежды и уверенности в том, что мы вновь увидим тех, кого любили. – Кратковременность земной жизни, сопровождающие ее бедствия и непрочность счастья. – Доказательство этого последнего положения. – Пример двух вдов богатых и высокопоставленных, которые после смерти своих мужей дошли до крайней бедственности. – Пример девяти императоров, царствовавших в Константинополе, из которых семеро погибли от насильственной смерти. – Изображение славы и блаженства, которыми наслаждается Фирасий на небесах.

К той же вдове. **СЛОВО ВТОРОЕ** о воздержании от второго брака. Изложение и опровержение трех оснований, которые обыкновенно заставляют вдов опять вступать в брак, именно надежды на лучшее состояние, привязанность миру и немощь плоти. – Цель слова – не порицание второго брака, допускаемого ап. Павлом и узакониваемого Церковью. Вдова, вступающая во второй брак, обнаруживает в себе слабость и чувственность, проявляет привязанность к земле и показывает, как не дорога ей память ее первого мужа. – Она не может любить второго мужа, как любила первого, и этот новый союз восстанавливает против нее и ее родителей, и ее слуг и особенно детей от ее первого мужа. – Поэтому с целью отклонить вдов от второбрачия законодатели нашли нужным лишить совершение второго брака всякой торжественности, показывая этим, что они допускают его только с сожалением. Похвала вдовству, которое приближается к девству, ибо таковому вдовству принадлежит одинаковая с девством слава и награда.

К ФЕОДОРУ ПАДШЕМУ УВЕЩАНИЕ 1-е

Феодор, к которому относятся предлагаемые Увещения, написанные около 369 года по Р. Х., был сверстником и другом Св. Иоанна Златоустого и вместе с ним в юности посвятил себя подвигам отшельнической жизни, но вскоре оставил их для занятий и удовольствий мира. Св. Иоанн в своих Увещениях призывал его к раскаянию изображением гибельности состояния грешников, кратковременности и тщетности настоящих благ, изложением грозных и утешительных истин Христианской веры и другими убеждениями, которые подействовали на падшего Феодора, так что он возвратился в общество отшельником и впоследствии был возведен в сан епископа мопсуестского.

«Кто даст голове моей воду и глазам моим – источник слез» (Иер.9:1), благовременно сказать теперь и мне, и гораздо более, нежели тогда пророку; потому что я намерен оплакивать хотя не множество городов и не целые народы, но душу, которая стоит, а лучше сказать – и дороже множества народов. Если даже один исполняющий волю Божию лучше тысяч беззаконников, то, конечно, и ты прежде был лучше тысяч Иудейских. Посему никто не станет теперь порицать меня, если я изложу больше скорбей и изображу сильнейшие сетования, нежели какие изложены у пророка. Я оплакиваю не разрушение города и не пленение беззаконных мужей, но опустошение священной души и разрушение и истребление христонского храма. Кто, зная хорошо, сожженную теперь диаволом, красоту ума твоего в то время, когда блистала она, не восстенал бы плачем пророка, – слыша, что варварские руки осквернили святое святых, и, подложив огонь, сожгли все – херувимов, ковчег, очистилище, скрижали каменные, стамну златую? Поистине, это несчастье во столько крат горестнее того, во сколько крат драгоценнее те символы, которые хранились в душе твоей. Этот храм святее того, потому что он блистал не золотом и серебром, а благодатию Духа, и, вместо ковчега и херувимов, в нем обитали Христос, и Его Отец, и Утешитель. А теперь уже не то: он теперь пусть и лишен прежней красоты и благолепия, потерял божественное и несказанное украшение, и лишился всякой безопасности и охраны: нет у него ни двери, ни запора, и он открыт для всех душепагубных и постыдных помыслов. Помысл ли гордости, помысл ли блуда, помысл ли сребролюбия, или еще гнуснейшие помыслы устремятся войти в него, – никто не помешает этому; а прежде, как небо недоступно всему этому, так (недоступна была) и чистота ума твоего. Может быть, слова мои покажутся невероятными некоторым из тех, кто видят теперь твое запустение и извращение; поэтому я и скорблю и сетую, и не перестану делать это, доколе опять не увижу тебя в прежнем блеске. Хотя людям и представляется это невозможным, но для Бога все возможно: потому что Он «из праха поднимает бедного, из брения возвышает нищего, чтобы посадить его с князьями, с князьями народа его; неплодную вселяет в дом мать, радуящуюся о детях?» (Пс.112:7–9). Не отчаивайся в перемене на лучшее. Если диавол был силен настолько, что низринул тебя с вершины и высоты добродетели до крайностей порока, то гораздо более силен будет Бог опять возвести тебя в прежнюю свободу, и сделать не только таким же, но и гораздо блаженнейшим прежнего. Только не унывай, не теряй добрых надежд, не впадай в страсть нечестивых. В отчаяние обыкновенно ввергает не многочисленность грехов, но нечестивое состояние души. Посему и Соломон не просто сказал: *всякий*, кто «достигнет до глубины зол», но только – один «нечестивый»: «когда достигнет нечестивый до глубины зол, нерадит» (Прит.18:3). Только таким людям свойственна эта страсть, когда они приходят в глубину зол. Она-то не допускает их воспрянуть и опять взойти туда, откуда ниспали. Этот помысл, как бы какое ярмо, лежа на вые души и заставляя ее смотреть вниз, препятствует ей возводить взоры к своему Владыке. Но человеку мужественному и доблестному свойственно сокрушать это ярмо, прогонять от себя палача, который возложил его, и произносить слова пророка: «как очи рабы – на руку госпожи ее, так очи наши – к Господу, Богу нашему, доколе

Он помилует нас. Помилуй нас, Господи, помилуй нас, ибо довольно мы насыщены презрением» (Пс.122:2,3). Истинно божественны эти наставления и внушения горняго любомудрия. «Насыщены», говорит он, «презрением» и потерпели многочисленные бедствия; однако, не перестанем возводить взоры свои к Богу и просить Его, доколе не получим просимого. Мужественной душе свойственно – не упасть и не отчаиваться пред множеством постигающих бедствий, и после многократных и безуспешных молитв не отступать, но ожидать «доколе Он помилует нас», как говорит блаженный Давид.

2. Дьявол для того и ввергает нас в помыслы отчаяния, чтобы истребить надежду на Бога, – этот безопасный якорь, эту опору нашей жизни, этого руководителя на пути, ведущем к небу, это спасение погибающих душ. «В надежде», говорит (апостол), «мы спасены» (Рим. 8:24). Ибо оно, как бы какая крепкая цепь, свешенная с неба, поддерживает наши души, малопомалу поднимая на высоту тех, которые крепко держатся за нее, и вознося нас превыше бури житейских зол. Посему, если кто ослабевает и опустит из рук этот священный якорь, тот сейчас же упадет и погибнет в бездне порока. Зная это, лукавый, как только заметит, что мы сами тяготимся сознанием злых дел, пришедши и сам еще налагает на нас помысл отчаяния, который тяжелее свинца; и если мы примем его, то увлекаемые тяжестию и оторванные от той цепи, неизбежно тотчас низринемся во глубину зол, где именно и находишься ты теперь, отвергши повеления кроткого и смиренного Господа и выполняя все приказания жестокого, свирепого и неумолимого врага нашего спасения, расторгши благое иго и сбросив легкое бремя, и вместо них наложив на себя цепи железные и повесив на шею свою «мельничный жернов» (Мф. 18:6). Где же ты остановишься, и когда перестанешь потоплять бедную душу свою, наложив на себя такую необходимость – непрестанно уноситься вниз? Женщина, отыскавшая одну драхму, пригласила соседок, принять участие в ея радости, сказав: «порадуйтесь со мною» (Лк. 15:9); а я теперь приглашу всех друзей и моих и твоих к противоположному, скажу не – «радуйтесь со мною», но – «плачьте со мною, подымите такой же плач, и вопите вместе с нами горьким голосом. Ибо нас постигла крайняя беда, не столько-то талантов золота выпало из руки моей и не множество драгоценных камней, но тот, кто, драгоценнее всего этого, плывши вместе с нами поэтому великому и пространному морю, не знаю как, свалился и упал в самую глубину гибели».

3. Тем, которые попытались бы удержать меня от сетования, я скажу словами пророка: «оставьте меня, я буду плакать горько; не усиливайтесь утешать меня» (Ис.22:4). Настоящий плач мой не таков, чтобы чрезмерность сетования навлекла на меня осуждение, но таков, что при нем не постыдились бы плакать, сетовать и отвергать всякое утешение даже (апостолы) Павел и Петр. Справедливо стал бы кто-нибудь обличать в большом малодушии тех, которые оплакивают обыкновенную смерть. Но когда, вместо тела, лежит омертвевшая душа, пораженная множеством ран, и в самой мертвенности являющая прежнее свое благородство, и благообразие, и красоту погасшую, то может ли кто быть столь жестоким и бесчувственным, чтобы, вместо плача и сетований, предлагать слова утешения? Как там не плакать, так здесь плакать свойственно любомудрию. Тот, кто достигал неба, смеялся над суетою жизни, взирал на красоты телесные как на каменные, кто пренебрегал золотом как пылью, а всяким удовольствием как грязью, – тот, неожиданно для нас, объятый пламенем нечистой похоти, потерял и здоровье, и мужество, и всякую красоту, и сделался рабом наслаждений. О нем ли не плакать, скажи мне, о нем ли не сокрушаться, доколе опять не будет он нашим? И свойственно ли это человеческой душе? Отмены телесной смерти невозможно достигнуть на земле, и однако это не удерживает сетующих от плача; а душевную смерть только и можно уничтожить здесь: «во гробе», говорит (Давид), «кто будет славить Тебя» (Пс.6:6)? Посему не будет ли великим безрассудством с нашей стороны, если в то время, как оплакивающие смерть телесную сетуют о ней с такою силою, хотя и знают, что слезами не воскресить им умершего, – мы не будем выражать ничего подобного, хотя знаем, что часто бывает надежда возвратить погибшую душу к прежней жизни? Ибо многие, и ныне и во времена наших предков, уклонившись от пря-

мого положения и свергнувшись с тесного пути, опять восстали настолько, что последующим покрыли прежнее, получили награду, украсились венцом, прославлены с победителями и причислены к лику святых. Доколе кто остается в пламени наслаждений, дотоле ему, хотя бы он имел множество таких примеров, представляется это делом невозможным; но как только он немного начнет выходить оттуда, то, постоянно идя вперед, силу огня оставит позади себя, а впереди пред собою почувствует прохладу и великое облегчение. Только не будем отчаиваться, не будем отказываться от возвращения: потому что допустившему себя до такого состояния, хотя бы одарен был безмерною силою и ревностию, они будут бесполезны. Кто уже затворил для себя дверь покаяния и заградил вход на попрание (подвижничества), как он будет в состоянии, находясь вне его, сделать малое или великое добро? Посему-то лукавый предпринимает все, чтобы внушить нам этот помысл: после этого уже не нужны будут ему усилия и труды для нашего поражения, когда сами лежащие и падшие не хотят противиться ему. Кто мог избежать этих уз, тот и силу свою сохранит и до последнего издыхания не перестанет сражаться с ним, и хотя бы испытал множество других падений, опять восстанет и сокрушит врага. Напротив, кто связан помыслами отчаяния и обессилил себя, тот как будет в состоянии победить врага и противостоять ему, когда сам бежит от него?

4. Не говори мне, что так бывает лишь с невеликими грешниками; нет, пусть даже человек будет исполнен всякого порока и сделает все, что затворяет для него вход в царствие, и притом не из неверных от начала, но из верных и благоугождавших прежде Богу, пусть такой сделается впоследствии блудником, прелюбодеем, сластолюбцем, хищником, пьяницею, мужеложником, сквернословцем и т. п., – и такого я не похваляю, если он будет отчаиваться в себе, хотя бы он до самой глубокой старости провел такую несказанно порочную жизнь. Если бы гнев Божий был страстию, то справедливо иной стал бы отчаиваться, как не имеющий возможности погасить пламень, который он возжег столь многими злодеяниями; но так как Божество бесстрастно, и наказывает ли, поражает ли, делает это не с гневом, но по промыслу и великому человеколюбию, то надлежит иметь крепкое дерзновение и уповать на силу покаяния. Бог не за Себя мстит тем, которые согрешили против Него; ибо никакой вред не достигает до существа Его; но при этом имеет в виду нашу пользу, и то, чтобы мы не увеличивали своего развращения, продолжая оказывать Ему пренебрежение и презрение. Как удаляющийся от света не вредит нисколько свету, а самому себе весьма много, погружаясь во мрак; так и привыкший пренебрегать Всемоущею силою, ей не вредит нисколько, а самому себе причиняет крайний вред. Посему Бог и угрожает нам наказаниями, и часто посылает их – не для того, чтобы отмстить за Себя, но чтобы нас привлечь к Себе. Ибо и врач не сетует и не обижается наносимыми ему от больных оскорблениями, но всячески старается остановить их бесчинства, имея в виду не свою, а их пользу; и если они покажут хотя немного благоразумия и здравого смысла, он радуется и веселится, и тем сильнее употребляет лекарства, не для того, чтобы отмстить им за прежнее, но чтобы доставить больше пользы и довести их до совершенного выздоровления. Так и Бог, когда мы впадем в крайнее безумие, и говорит и делает все не из мести за прежнее, но желая избавить нас от недуга, в чем можно убедиться и посредством здравого смысла.

5. Если же кто и после этого будет сомневаться, то мы уверим его в том и божественным Писанием. Кто, скажи мне, был преступнее царя Вавилонского? Он, после того, как уже настолько испытал силу Божию, что поклонился пророку Его, и приказал «принести ему дары и благовонные курения» (Дан.2:46), опять предался прежней гордости, и связав свергнул в печь тех, которые не почтили его больше Бога. И однако этого жестокого и нечестивого (Царя), более зверя, нежели человека, (Бог) призывает к покаянию и доставляет ему еще другия побуждения к исправлению: во-первых, самое чудо, совершившееся в печи, а затем видение, которое видел царь, а истолковал Даниил, достаточное для того, чтобы преклонить и каменную душу; а сверх того, после увещания делами, и сам пророк дал ему такой совет: «посему, царь, да будет благоден тебе совет мой: искупи грехи твои правдою и беззакония твои милосердием к бедным;

вот чем может продлиться мир твой» (Дан.4:24). Что говоришь ты, премудрый и блаженный? Ужели возможен и после такого отпадения возврат, и после такой болезни здравие, и после такого безумства надежда образумиться? Царь сам уже отнял у себя всякую надежду, тем, во-первых, что не познал Создавшего его и возведшего на такую честь, хотя и имел сведения о многих доказательствах силы и промысла Его и на себе самом, и на своих предках; а после того еще тем, что, получив ясные свидетельства мудрости и предведения Божия, и видев, как ниспровергнуты были и магия, и астрономия, и действия всякого диавольского волхвования, оказался хуже прежнего. Ибо, чего не могли изъяснить мудрые волхвы, газарины, и что признали они превышающим природу человеческую, то Бог изъяснил ему через пленного отрока, и этим чудом довел его до того, что он не только сам уверовал, но и сделался ясным проповедником и наставником этого верования для всей вселенной. Таким образом, если он и прежде этого знамения не заслуживал прощения за свое неведение о Боге, то гораздо более после такого чуда, после собственного исповедания, и преподанного наставления другим. Если бы он не был точно уверен, что истинный Бог – один, то и не оказал бы такой чести рабу Его, и другим не дал бы такого же приказания. И однако, после такого исповедания, он опять впал в идолослужение, и тот, кто, падши на лицо, поклонился рабу Божию, дошел до такого безумия, что рабов Божиих, не поклонившихся ему, ввергнул в печь. Что же? Отомстил ли Бог отступнику, как надлежало отмстить? Напротив, Он представил ему еще большие доказательства своего могущества, чтобы привести его, после такого безумства, опять в прежнее состояние. И что особенно удивительно: дабы чудные события, по чрезмерности своей, не показались невероятными, Он сотворил знамение не Над другим чем-либо, а Над тою пещью, которую разжег сам царь для отроков, и в которую, связав, ввергнул их. Конечно, чудесным и необычайным было бы и то, если бы только огонь был погашен. Но Человеколюбец, дабы внушить больше страха, произвести больше изумления и совершенно прекратить ослепление царя, сделал большее и необычайнейшее чудо. Попустив, чтобы огонь разожен был настолько, насколько хотелось царю, Он являет свое могущество в том, что, не уничтожая приготовлений врагов, делает готовое недействительным. А чтобы кто-нибудь, увидев отроков победившими пламень, не счел этого привидением, (Бог) попустил, чтобы опалены были ввергнувшие их, показывая с одной стороны то, что видимый пламень был действительно огонь, иначе бы не пожрал нефть, и смолу, и хворост, и столько тел; а с другой – то, что нет ничего сильнее Его повеления, но что природа всего сущего повинуется приведшему ее из небытия в бытие, – что тогда именно и обнаружилось: ибо огонь, приняв тела тленные, не коснулся их как бы нетленных, и возвратил жертву в целости, даже еще в большем блеске. Ибо, как бы цари из чертогов царских, вышли из печи эти отроки, так что никто уже не хотел смотреть на царя, но взоры всех обратились от него на чудное явление; и ни диадима, ни порфира, ни что другое из царского великолепия не привлекало столько к себе толпы неверных, сколько вид этих верных, долго пробывших в огне, но вышедших из него так, как будто это случилось с ними во сне. Даже и волосы, которые по природе у нас удобосожигаемое всего, крепче адаманта превозмогли тогда всепоедающий пламень. И не это одно дивно, что, быв ввергнуты в средину пламени, они нисколько не пострадали, но и то, что они еще непрестанно говорили; между тем всем, бывавшим при людях сожигаемых, известно, что пока они держат уста сомкнутыми, то хотя на краткое время противятся сожжению, но лишь случится им раскрыть уста, душа тотчас же вылетает из тела. И, однако после столь многих совершившихся чудес, и когда все присутствовавшие и видевшие пришли в изумление, а отсутствовавшие извещены были об этом письменно, – царь, который учил других, сам остался неисправимым и опять обратился к прежним порокам. И при всем этом Бог не наказал его, но еще долго терпел, вразумляя его и чрез сновидения, и чрез пророка. Только когда уже он никаким из этих способов нимало не исправился, Бог, наконец, наводит на него казнь, не отмщая впрочем за прошедшее, но пресекая будущее зло, и удерживая порок от преуспевания; притом наказал не навсегда, но после нескольких лет наказания опять возвел его

в прежнюю честь, так что он от наказания не потерпел никакого вреда, а приобрел величайшее из всех благ – утверждение в вере в Бога и раскаяние в прежних своих грехах.

6. Таково человеколюбие Божие! Никогда Он не отвергает искреннего раскаяния; но хотя бы кто дошел до самой крайней порочности, а потом решился бы возвратиться опять оттуда на путь добродетели, и такого Он принимает и приближает к Себе, и делает все, чтобы привести его в прежнее состояние. И еще более человеколюбия вот в чем: если кто окажет не полное раскаяние, то и краткого и малого Он не отвергает; даже и за него назначает великую награду. Это видно из слов пророка Исаии, которые он сказал о народе иудейском: «за грех человеколюбия его Я гневался и поражал его, скрывал лице и негодовал; но он, отвратившись, пошел по пути своего сердца. Я видел пути его, и исцелю его, и буду водить его и утешать его и сетующих его» (Ис.57:17,18). Засвидетельствует нам это и тот нечестивый царь, который женою своею был увлечен к преступлениям, но как только заплакал, оделся во вретище и раскаялся в своих беззакониях, то и приклонил к себе милость Божию, так что избавился от всех угрожавших бедствий. «И было слово Господне к Илии Фесвитянину, и сказал Господь: видишь, как смирился предо Мною Ахав? За то, что он смирился предо Мною, Я не наведу бед в его дни» (3Цар.21:28,29). Опять позже Манассия, который безумием и жестокостию превзошел всех, ниспроверг законное богослужение, затворил храм, способствовал процветанию идольского заблуждения и был нечестивее всех предшественников, – когда потом раскаялся, был причислен к друзьям Божиим (2 Пар. 33:12). Если бы он, посмотрев на тяжесть своих беззаконий, отчаялся в своем обращении и исправлении, то лишился бы всего, что получил после; а теперь возрев, вместо чрезмерности своих грехов, на беспредельность благоутробия Божия, и расторгши узы диавольские, он восстал, подвизался и доброе течение совершил. Впрочем, Бог отсекает помыслы отчаяния не только тем, что было с этими царями, но и словами пророка: «о, если бы вы ныне послушали гласа Его: «не ожесточите сердца вашего, как в Мериве, как в день искушения в пустыне»» (Пс.94:7,8). Выражение «ныне» можно относить ко всей жизни, даже, если угодно, и к старости; потому что покаяние ценится не по продолжению времени, но по душевному расположению. Так для ниневитян, не было нужды во многих днях, чтобы загладить грех свой, но краткого дневного срока было достаточно для изглаждения беззакония их; и разбойник не в течение долгого времени достиг входа в рай, но во столько времени смыл все грехи всей своей жизни, сколько употребляется его на произнесение одного слова, получил еще прежде апостолов награду прославления. Посмотрим и на мучеников, которые не во многие годы, но в несколько дней, а часто и в один только день, удостоивались светлых венцов.

7. Итак, нам всегда нужно иметь бодрость и великое усердие, и если так настроим совесть свою, что возненавидим прежнюю порочную жизнь и изберем противоположный путь с такою силою, какой хочет и требует Бог; то от времени ни чего не потеряем, так как многие, быв последними, опередили первых. Тяжко не падение, а то, чтобы, упавши, лежать и уже не вставать, – то, чтобы произвольно делая зло и пребывая в беспечности, помыслами отчаяния прикрывать слабость воли. Таким людям и пророк, недоумевая, говорит: «разве, упав, не встанут и, совратившись с дороги, не возвращаются?» (Иер.8:4). Если же ты спросишь нас о тех, которые после уверования опять пали, то все сказанное относится и к ним; ибо, кто пал, тот был прежде в числе стоявших, а не лежащих, иначе как бы он и пал? И еще будет сказано, отчасти притчами, а отчасти яснейшими делами и словами. Так овца, которая отделилась от девяноста девяти и потом опять была приведена назад, изображает нам не иное что, как отпадение и возвращение верных, потому что она была овца, и притом не другого какого-нибудь стада, но из числа прочих овец, и прежде паслась пастырем, и заблудилась не обычным образом, но в горах и стремнинах, т. е. на пути каком-то далеком и весьма уклонившемся от прямой дороги. Но пастырь оставил ли ее блуждать? Никак; он привел ее назад, не пригнав и не бив, но взяв на рамена свои. Ибо как лучшие врачи с великим попечением возвращают здоровье одержимым продолжительною болезнью, не только врачуя их по правилам врачевания, но иногда и

доставляя им удовольствие, так и Бог, весьма испорченных людей обращает к добродетели не вдруг и насильственно, но тихо и мало-помалу, и всегда помогая им, чтобы не приключилось еще большего отчуждения и продолжительнейшего заблуждения. На это указывает не только эта притча о блудном сыне. Он также был не чужой кто-либо, но сын и брат благонравного сына, и низринутся не в маловажный порок, а в самую, можно сказать, крайнюю порочность, – богатый, свободный и благородный сделался несчастнее рабов и чужих людей и наемников. И, однако, он опять возвратился в первобытное состояние и получил прежнюю честь. А если бы он отчаялся в своей жизни и, пав духом от постигших его бед, остался на чужбине, то не получил бы того, что получил, а изнуренный голодом, погиб бы самою жалкою смертью. А так как он раскаялся и не впал в отчаяние, то после такого растления опять является в прежнем благообразии, облекается в прекрасную одежду и получает больше непадшего брата. Ибо «столько лет», говорил этот, «служу тебе и никогда не преступал приказаний твоего, но ты никогда не дал мне и козленка, чтобы мне повеселиться с друзьями моими; а когда этот сын твой, расточивший имение свое с блудницами, пришел, ты заколол для него откормленного теленка» (Лук.15:29,30). Такова сила покаяния!

8. Имея такие примеры, не станем коснеть в пороках и откладывать обращение, но скажем и мы: «иду ко отцу моему», и приблизимся к Богу. Он сам никогда не отвращается от нас, но мы удаляем себя от Него: «разве Я – Бог только вблизи, говорит Господь, а не Бог и вдали?» (Иер.23:23). И опять чрез пророка укоряя иудеев, говорит: «беззакония ваши произвели разделение между вами и Богом вашим, и грехи ваши отвращают лице Его от вас» (Ис.59:2). Если же это удаляет нас от Бога, то разрушим эту пагубную преграду, и – ничто не будет препятствовать нам быть близко к Богу. Послушай, как это происходило на самом деле. У коринфян один знатный человек совершил такой грех, какого не слышно было и между язычниками. Он был верный и из близких ко Христу, а некоторые говорят даже, что он был из числа священнослужителей. Что же? Исключил ли его Павел из общества спасаемых? Никак: сам он много раз, и там, и здесь, укорял коринфян за то, что они не привели его в покаяние; а желая показать нам, что нет греха, который бы не мог быть уврачеван, опять об этом человеке, который согрешил хуже язычников, сказал: «предать сатане во измождение плоти, чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа» (1Кор.5:5). Но это еще до покаяния; когда же тот покался, то «для такого довольно», говорит, «сего наказания от многих» (2Кор.2:6) – и предписал утешить его и принять его покаяние, дабы не возобладал им сатана. И целый народ галатов, которые пали после того, как уже веровали, совершали знамения и перенесли много искушений за веру во Христа, он восстанавливает опять. Что они творили чудеса, это выразил он словами: «подающий вам Духа и совершающий между вами чудеса через дела ли закона сие производит, или через наставление в вере?» (Гал.3:5); и что они много страдали за веру, это выразил словами: «столь многое потерпели вы неужели без пользы?» (Гал.3:4). Между тем после такого преуспевания они совершили грех, который мог отчуждать их от Христа, и о котором сам (Павел) выражается так: «вот, я, Павел, говорю вам: если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа» (Гал.5:2); и еще: «оправдывающие себя законом, остались без Христа, отпали от благодати» (Гал.5:4). И однако, после такого падения, он с благорасположением говорит им: «дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос» (Гал.4:19), показывая этим, что в нас, и после крайнего растления, может опять изобразиться Христос, потому что Он не хочет «смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был» (Иез.33:11).

9. Обратимся же, о, любезная глава! и будем исполнять волю Божию. Он для того и создал нас и привел в бытие, чтобы сделать участниками вечных благ, чтобы даровать царство небесное, а не для того, чтобы ввергнуть в геенну и предать огню; это не для нас, а для диавола, для нас же издревле устроено и уготовано царство. Изъясняя то и другое, Господь говорит «тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство,

уготованное вам от создания мира»; а «тем, которые по левую сторону: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его» (Матф.25:34,41). Итак, геенна приготовлена не для нас, но для него и ангелов его; а царство для нас уготовано еще до создания мира. Не сделаем же себя недостойными входа в чертог: доколе мы пребываем здесь, то, хотя бы совершили множество грехов, есть возможность омыться все, раскаявшись во грехах; но когда отойдем туда, то, хотя бы оказали самое сильное раскаяние, никакой уже не будет пользы, и сколько бы не скрежетали зубами, ни сокрушались и ни молились тысячекратно, никто и с конца перста не подаст капли нам, объатым пламенем, но мы услышим то же, что и известный богач, – что «между нами и вами утверждена великая пропасть» (Лук.16:26). Покаемся же здесь, увещаю, и познаем Господа своего, как познать надлежит. Тогда только должно будет отринуть надежду на покаяние, когда мы будем в аду, потому что там только бессильно и бесполезно это врачевство, а доколе мы здесь, оно, если и в самой старости будет употреблено, оказывает великую силу. Посему и диавол употребляет все усилия, чтобы вкоренить в нас помысел отчаяния: ибо знает, что если мы и немного покаемся, это будет для нас не бесплодно. Но как подавшего чашу холодной воды ожидает воздаяние, так и покающийся в злых делах своих, хотя бы и не оказал покаяния соразмерного с грехами, и за это получит воздаяние. Никакое добро, хотя бы и маловажное, не будет пренебрежено Праведным Судиею. Если грехи будут исследоваться с такою строгостью, что мы понесем наказание и за слова и за желания; то гораздо более добрые дела, малы ли будут, или велики, вменяются нам в то время. Итак, если ты даже не в состоянии будешь возвратиться к прежней строгой жизни, но хотя бы немного отвлекся от настоящего недуга и неводержности, то и это не будет бесполезно; только положи начало делу и приступи к подвигам, а пока будешь оставаться вне, действительно будет казаться тебе трудным и неудобоисполнимым. Прежде опыта, даже весьма легкие и сносные дела обыкновенно представляются нам весьма трудными; но когда мы испытаем их и примемся за них смело, то большая часть трудности исчезает, и бодрость, заступив место опасения и отчаяния, уменьшает страх, увеличивает удобоисполнимость и укрепляет добрые надежды. Потому и Иуду лукавый отклонил от этого, чтобы он, сделав надлежащее начало, не возвратился чрез покаяние туда, откуда ниспал. Подлинно я сказал бы, – хотя и странны такие слова, – что и его грех не выше помощи, получаемой нами от покаяния. Посему прошу и умоляю, исторгни из души всякую сатанинскую мысль и обратись к этому спасительному средству. Если бы я советовал тебе тотчас и вдруг взойти опять на прежнюю высоту, то ты справедливо негодовал бы на это, как на весьма трудное дело; но если теперь я требую только того, чтобы не прибавлять к настоящим грехам, но, восстав возвратиться оттуда на противоположный путь, то почему же ты медлишь, и уклоняешься и сопротивляешься? Не видал ли ты, как умирали жившие в роскоши, пьянстве, играх и прочих удовольствиях жизни? Где теперь те, которые выступали по торжищу с великою надменностью и многочисленными спутниками, одевались в шелковые одежды, издавали от себя благовоние мастей, кормили нахлебников и постоянно прикованы были к зрелищам? Где теперь эта пышность их? Пропали огромные расходы на ужины, толпа музыкантов, угодничество ласкателей, громкий смех, беспечность души, рассеянность мысли, жизнь изнеженная, праздная и роскошная. Куда теперь улетело все это? Чем стало это тело, которое устаивалось такой заботливости и чистоты? Пойди на могилу, посмотри на пыль, на прах, на червей, посмотри на безобразие этого места, и – горько восстанай. И о, если бы наказание ограничилось только этим прахом! Но от могилы и этих червей теперь перенесись мыслью к тому червю неумирающему, к огню неугасимому, к скрежету зубов, к тьме крошечной, к скорби и сокрушению, к притче о Лазаре и богатом, который, владея прежде таким богатством и одеваясь в порфиру, не мог получить и капли воды, и притом находился в такой крайности. Все здешнее несколько не лучше сновидений. Ибо как работающие в рудокопнях или несущие какое-либо другое еще тяжчайшее наказание, когда, уснув после многих трудов и самой горькой жизни, во сне увидят себя в удовольствии и богатстве, проснувшись, несколько не рады

бывают своим снам; так то же самое было и с тем богачом, который, пользуясь богатством в настоящей жизни как бы во сне, по отшествии отсюда потерпел тяжкое наказание. Подумай об этом, и тот огонь противопоставив объемлющему тебя теперь пламени вожелений, избавься, наконец, от этой печи. Ибо кто хорошо погасил здешнюю печь, тот не испытает и тамошней; а кто здешней не одолел, тем, по отшествии отсюда, сильнее овладеет тамошняя. Насколько бы времени хотелось тебе продлить наслаждение настоящею жизнью? Я думаю, что тебе осталось не более пятидесяти лет, чтобы достигнуть крайней старости, но и это еще неизвестно нам; потому что те, которые не могут быть уверены в продолжении своей жизни даже до вечера, как могут поручиться за столько лет? И не одно это не известно, – не известна и перемена обстоятельств: часто с жизнью, продолжающеюся много времени, не продолжают вместе и удовольствия, но как только появляются, так и исчезают. Впрочем, если угодно, пусть будет так, что ты проживешь столько лет и не испытаешь никакой перемены: что же это в сравнении с бесконечными веками и с теми тяжкими и невыносимыми наказаниями? Здесь и хорошее и худое имеет конец, и притом весьма скорый, а там – то и другое продолжается в бесконечные веки, а по качеству своему настолько отлично от здешнего, что и сказать невозможно.

10. Услышав об огне, не подумай, будто тамошний огонь таков же, каков здешний: этот, охватив что-либо, сжигает и погасает; а тот, кого однажды захватит, жжет постоянно, и никогда не перестает, почему и называется неугасимым. Ибо и грешникам надлежит облечься бесмертием, не к славе, но чтобы иметь всегдашнего спутника тамошнего мучения; а сколь это ужасно, того никогда не может изобразить слово, а только из опытного ощущения малых страданий можно получить некоторое слабое понятие о тех великих мучениях. Когда бываешь в бане, натопленной сильнее надлежащего, то представь себе огонь геенский, и если когда будешь гореть в сильной горячке, то перенесись мыслию к тому пламени: и тогда будешь в состоянии хорошо понять это различие. Если даже баня и горячка так мучат и беспокоят нас, то, что мы будем чувствовать тогда, когда попадем в ту огненную реку, которая будет течь пред страшным судилищем? Будем скрежетать зубами от страданий и нестерпимых мучений, но никто не поможет нам. Будем крепко стенать, когда пламень все сильнее станет охватывать нас, но не увидим никого, кроме мучимых вместе с нами и великой пустыни. А что сказать о тех ужасах, которые мрак будет наводить на наши души? Ибо тот огонь как не истребляет, так и не освещает; иначе не было бы мрака. Вообще одно только то время с достаточностью может показать имеющие тогда постигнуть нас смущение и трепетание, изнурение и иступление великое. Многочисленны и разнообразны тамошние муки, и потоки казней отовсюду объемлют душу. Если кто скажет: как же душа может быть достаточною для такого множества мучений и оставаться в наказаниях бесконечные веки? – тот пусть представит, что бывает здесь, – как часто многие выдерживали продолжительную и тяжкую болезнь. Если они и скончались, то не потому, чтобы душа исчезла, но потому, что тело истощилось, так что, если бы оно не изнурилось, то душа не перестала бы мучиться. Когда же душа получит нетленное и неразрушимое тело, тогда ничто не воспрепятствует мучению продлиться в бесконечность. Здесь не может быть того и другого вместе, то есть, жестокости и продолжительности мучений, но одно другому противится по причине тленности тела и неспособности одновременно переносить то и другое; а когда, наконец, наступит нетление, это сопротивление прекратится и оба эти страшилища с великою силою будут обнимать нас в бесконечность. Посему не будем рассуждать ныне так, будто чрезмерность мучений истощит нашу душу: ибо в то время и тело не может истощиться, но будет вместе с душою мучиться вечно, и никакого конца не будет. Итак, сколь же великое наслаждение и сколь продолжительное время хочешь ты противопоставить этому наказанию и мучению? Хочешь ли сто лет и дважды столько? Но что это в сравнении с бесконечными веками? Что сновидение одного дня в отношении к целой жизни, то же значит наслаждение здешними благами в отношении к продолжительности будущих благ. Посему найдется ли такой человек, который для того, чтобы увидеть приятный сон, решился

бы терпеть наказание во всю жизнь? Кто настолько неразумен, чтобы решиться на такое вознаграждение? Впрочем, теперь я еще не встаю против наслаждения и не раскрываю заключающейся в нем горечи: потому что не теперь время говорить об этом, но когда ты будешь в состоянии бежать от него. Теперь же, когда страсть обладает тобою, мы показались бы тебе пустословом, если бы наслаждение назвали горьким; когда же ты, по благодати Божией, освободишься от недугов, тогда, верно узнаешь и злокачественность его. Посему, отложив речь об этом до другого времени, теперь скажем следующее. Пусть наслаждение будет наслаждением, и удовольствие – удовольствием, не имеющим в себе ничего неприятного и предосудительного: что мы скажем касательно уготованного наказания? Что тогда сделаем мы, наслаждавшиеся здешними благами как бы в тени и изображении, а там на самом деле подвергшиеся вечному мучению, и притом когда возможно было в краткое время и избежать упомянутых мучений, и получить уготованные блага? Подлинно, и то дело человеколюбия Божия, что подвиги наши простираются не на продолжительное время, но, подвизавшись краткое и самое малое, подобное мгновению ока, время (такова именно настоящая жизнь по сравнению с будущей), будем увенчаны на бесконечные веки. Немало и то будет печалить тогда души наказуемых, когда они представят, что между тем, как в эти краткие дни можно было исправить все, они, по своей беспечности, предали себя на вечные муки. Чтобы и нам не потерпеть этого, восстанем, доколе время благоприятно, доколе день спасения, доколе велика сила покаяния. Ибо, если мы останемся в беспечности, то нас постигнут не только сказанные бедствия, но и другие, гораздо тяжчайшие. Такие и даже горчайшие бедствия будут в геенне, а лишение благ причинит такую печаль, такую скорбь и муку, что если бы и какое наказание не ожидало здешних грешников, оно само по себе хуже геенских мук будет терзать и возмущать наши души.

11. Представь состояние той жизни, насколько возможно представить его себе: ибо вполне изобразить ее по достоинству не в состоянии никакое слово, но из того, что мы слышим, как бы из каких-нибудь загадок, мы можем получить некоторое неясное о ней представление. «Удалятся», говорит (Писание), «[болезнь], печаль и воздыхание» (Ис.35:10). Что же может быть блаженнее такой жизни? Не нужно там бояться ни бедности, ни болезни; не видно ни обижающего, ни обижаемого, ни раздражающего, ни раздражаемого, ни гневающегося, ни завидующего, ни распаляемого непристойною похотью, ни заботящегося о приобретении необходимого для жизни, ни мучимого желанием власти и господства: ибо вся буря наших страстей, затихнув, прекратится, и все будет в мире, веселии и радости, все тихо и спокойно, все день, и ясность, и свет, – свет не этот нынешний, но другой, который настолько светлее этого, насколько этот блистательнее святильничного. Свет там не помрачается ни ночью, ни от сгущения облаков; не жжет и не палит тел, потому что нет там ни ночи, ни вечера, ни холода, ни жара, ни другой какой перемены времен, но иное какое-то состояние, которое познают одни достойные; нет там ни старости, ни бедствий старости, но все тленное отброшено, так как повсюду господствует слава нетленная. А что всего важнее, это – непрерывное наслаждение общением со Христом, вместе с ангелами, с архангелами, с горними силами. Посмотри теперь на небо, и перейди мыслью к тому, что выше неба, представь преобразование всей твари: она уже не останется такою, но будет гораздо прекраснее и светлее, и насколько золото блестящее олова, настолько тогдашнее устройство будет лучше настоящего, как и блаженный Павел говорит: «что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению» (Рим.8:21). Ныне она, как причастная тлению, терпит многое, что свойственно терпеть таким телам; но тогда, совлекишись всего этого, она представит нам нетленное благолепие. Так как она должна принять нетленные тела, то и сама преобразится в лучшее состояние. Нигде не будет тогда раздора и борьбы, потому что велико согласие в лице святых, при всегданшем единомыслии всех друг с другом. Не нужно там бояться ни диавола и демонских козней, ни грозы геенской, ни смерти – ни этой нынешней, ни той, которая гораздо тяжелее этой; но всякий такой страх уничтожен. Подобно тому, как царский сын, первоначально воспитываемый в уничиженном виде, под страхом и

угрозами, дабы от послабления он не испортился и не сделался недостойным отцовского наследия, по достижении царского достоинства вдруг переменяет все прежнее, и в порфире и диадеме, среди множества копьеносцев, председательствует с великим дерзновением, отринув от души всякое уничижение и смирение и вместо того восприняв другое: так будет тогда и со всеми святыми. А чтобы эти слова не показались простым красноречием, взойдем мыслию на гору, где преобразился Христос; взглянем на Него блистающего, как Он воссиял, хотя и тогда Он показал нам не все еще сияние будущего века; из самых слов евангелиста видно, что явленное тогда было только снисхождением, а не точным представлением предмета. Ибо что говорит он? «Просияет как солнце» (Матф.17:2). Слава нетленных тел являет не такой свет, какой это тленное тело, и не такой, какой доступен и смертным очам, но такой, для созерцания которого нужны нетленные и бессмертные очи. А тогда на горе Он открыл лишь столько, сколько возможно было видеть без вреда очам видевших; и при всем этом они не вынесли, но пали на лице свое. Скажи мне, если бы кто, приведя тебя на какое-либо светлое место, где все сидели бы облеченные в золотые одежды, и посреди этого собрания показал бы еще одного человека, имеющего одежды и венец на голове из одних драгоценных камней, потом обещал бы и тебя ввести в это общество, то не употреблял ли бы ты всех усилий, чтобы получить обещанное? Открой же теперь умственные очи и посмотри на то зрелище, состоящее не из простых мужей, но из тех, которые драгоценнее и золота, и дорогих камней, и лучей солнечных, и всякого видимого блеска, и не только из людей, но и из гораздо достойнейших, нежели они, – из ангелов, архангелов, престолов, господств, начал, властей? А о Царе и сказать нельзя, каков Он; так не доступна никакому слову и уму эта красота, доброта, светлость, слава, величие, великолепие. Таких ли благ лишит нам себя, скажи мне, для избежания маловременных тягостей? Если бы надлежало каждый день претерпевать множество смертей, даже – самую геенну, для того, чтобы увидеть Христа, грядущего во славе Своей, и быть причисленным к лику святых, то не надлежало ли бы претерпеть все это? Послушай, что говорит блаженный Петр: «хорошо нам здесь быть» (Матф.17:4). Если же он, увидев только неясный некоторый образ будущего, тотчас излил все из души вследствие наслаждения, происшедшего в душе его от этого зрелища, то что сказать, когда явится самая истина вещей, когда отверзнутся царские чертоги и можно будет созерцать самого Царя уже не в гадании и не в зеркале, но лицом к лицу, уже не верою, но видением?

12. Многие безрассудные желали бы только избавиться от геенны, но я считаю гораздо тягчайшим геенны наказанием – не быть в той славе; и тому, кто лишился ее, думаю, должно скорбеть не столько от геенских мучений, сколько о лишении небесных благ: ибо это одно есть тягчайшее из всех наказаний. Ныне мы часто, видя царя с множеством копьеносцев входящим в царские чертоги, почитаем счастливыми приближенным к нему и участвующим с ним в разговоре, совете и прочей чести; даже обладая множеством благ, называем себя несчастными и нисколько не ценим этих благ, взирая на славу окружающих царя, хотя и знаем, что этот блеск обманчив и ненадежен по причине войн, по причине козней и по причине зависти, и помимо всего этого сам по себе не стоит никакого внимания. А в отношении к Царю всего, который обладает не частью земли, но всем кругом земли, или, лучше сказать, всю ее объемлет дланью и небеса измеряет пядью, носит все глаголом силы Своей, пред Которым все народы, как ничто, и как «плюновение» (Ис.40:15), – в отношении к этому Царю ужели мы не почтем крайним наказанием не быть включенными в тот лик, который около Него, и рады будем, если только избавимся от геенны? Что может быть жалче такой души? Этот Царь, не в запряжке белых мулов, не на золотой колеснице, не в порфире и диадеме, – не так грядет судить землю, но как? Послушай пророков, взывающих и говорящих об этом, как людям возможно сказать. Один говорит: «грядет Бог наш, и не в безмолвии: пред Ним огонь поядающий, и вокруг Его сильная буря. Он призывает свыше небо и землю, судить народ Свой» (Пс.49:3,4). А Исаия присовокупляет и самое наказание нам в следующих словах: «Вот, приходит день Господа лютый, с

гневом и пылающею яростью, чтобы сделать землю пустынею и истребить с нее грешников ее. Звезды небесные и светила не дают от себя света; солнце меркнет при восходе своем, и луна не сияет светом своим. Я накажу мир за зло, и нечестивых – за беззакония их, и положу конец высокоумию гордых, и уничижу надменность притеснителей; сделаю то, что люди будут дороже чистого золота, и мужи – дороже золота Офирского. Для сего потрясу небо, и земля сдвинется с места своего от ярости Господа Саваофа, в день пылающего гнева Его» (Ис.13:9-13). И еще, «окна», говорит, «с [небесной] высоты растворятся, и основания земли потрясутся. Земля сокрушается, земля распадается, земля сильно потрясена; шатается земля, как пьяный, и качается, как колыбель, и беззаконие ее тяготеет на ней; она упадет, и уже не встанет. И будет в тот день: посетит Господь воинство выпсренное на высоте и царей земных на земле. И будут собраны вместе, как узники, в ров, и будут заключены в темницу» (Ис.24:18–22). И Малахия согласно с этим говорит: «идет Господь Саваоф. И кто выдержит день пришествия Его, и кто устоит, когда Он явится? Ибо Он – как огонь расплавляющий и как щелок очищающий, и сядет переплавлять и очищать как золото и как серебро» (Мал.3:2,3). И еще: «вот», говорит, «придет день, пылающий как печь; тогда все надменные и поступающие нечестиво будут как солома, и попалит их грядущий день, говорит Господь Саваоф, так что не оставит у них ни корня, ни ветвей» (Мал.4:1). А муж желаний говорит: «Видел я, наконец, что поставлены были престолы, и воссел Ветхий днями; одеяние на Нем было бело, как снег, и волосы главы Его – как чистая волна; престол Его – как пламя огня, колеса Его – пылающий огонь. Огненная река выходила и проходила пред Ним; тысячи тысяч служили Ему и тьмы тем предстояли пред Ним; судьи сели, и раскрылись книги» (Дан.7:9,10). Потом немного ниже, «видел», говорит, «в ночных видениях, вот, с облаками небесными шел как бы Сын человеческий, дошел до Ветхого днями и подведен был к Нему. И Ему дана власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и языки служили Ему; владычество Его – владычество вечное, которое не прейдет, и царство Его не разрушится. Вострепетал дух мой во мне, Данииле, в теле моем, и видения головы моей смутили меня» (Дан.7:13–15). Тогда разверзнутся все врата сводов небесных, а лучше сказать, и самое небо истребится. «Небеса свернутся», говорит (пророк), «как свиток книжный» (Ис.34:4), свертываясь как бы кожа и покров какой-либо палатки, чтобы измениться в лучшее. Тогда все исполнится изумления, ужаса и трепета; тогда и самих ангелов обмет великий страх, и не только ангелов, но и архангелов, и престолы и господства, и начала, и власти: «и поколеблются», говорит (Господь), «силы небесные» (Матф.24:29), потому что от сослужителей их потребуется отчет в здешней жизни. Если тогда, когда один какой город бывает судим земными правителями, трепещут все, даже и находящиеся вне опасности: то, когда вся вселенная будет судима таким Судиею, который не нуждается ни в свидетелях, ни в обличителях, но и без них всех обнаружит и дела, и слова, и мысли, и все как на картине покажет и самим грешникам, и не знающим, – возможно ли, чтобы тогда не потряслась и не поколебалась всякая сила? Поистине, если бы и река огненная не текла и страшные ангелы не предстояли, а только бы из собранных людей одни получали похвалу и прославление, а другие были отгоняемы с бесчестьем, чтобы не зреть славы Божией – ибо «нечестивый», говорит (пророк), «не будет взирать на величие Господа» (Ис.26:10), – и это было бы единственным наказанием, то лишение таких благ не мучительнее ли всякой геенны терзало бы души отверженные? Как велико это бедствие, ныне невозможно изобразить словом, а тогда мы ясно узнаем на деле. Но присоедини теперь и то еще наказание, – как люди не только терзаются стыдом, без прикрытия и с поникшим долу лицом, но и влекутся по пути, ведущему в огонь, как они приближаются к самым местам мучений и предаются свирепым силам, и терпят это в то время, когда все, делавшие доброе и достойное вечной жизни, увенчиваются, прославляются и поставляются пред престолом Царя.

13. Так будет в тот день, а что последует затем, какое слово изобразит нам это, т. е. исходящую от общения со Христом усладу, пользу и радость? Ибо душа, возвратив себе соб-

ственное благородство и придя, наконец, в состояние возможности с дерзновением созерцать своего Господа, нельзя и сказать, какое получает наслаждение, какую пользу в том, что утешается не только обладаемыми благами, но и уверенностью, что эти блага никогда не окончатся. Всю эту радость невозможно ни словом изобразить, не умом постигнуть. Впрочем, попытаюсь представить, хотя неясно и так, как показывают великое посредством малого. Посмотрим на тех, которые в настоящей жизни пользуются мирскими благами, то есть богатством, властью и славою, – как они, надмеваясь благосостоянием, думают, что они уже не на земле, хотя пользуются такими благами, которые и не признаются за блага и не остаются с ними, но улетают быстрее сновидения; если же иногда и остаются на малое время, то приносят удовольствие только в настоящей жизни, а далее не могут им сопутствовать. Если же даже эти блага приводят владеющих ими в такую радость, то что, думаешь ты, будет с душами, призванными к бесчисленным небесным благам, которые непреходящи и всегда пребывают благонадежными? И не этим одним, но и количеством и качеством они настолько превосходят настоящих благ, что и на сердце человеку никогда не всходило. Ныне живем мы в этом мире, как дитя в утробе, терпя стеснение и не будучи в состоянии видеть блеск и свободу грядущего века; когда же наступит время рождения, и настоящая жизнь всех воспринятых ею людей изведет на день суда, тогда недоношенные существа из мрака перейдут в мрак и из скорби в тягчайшую скорбь, а совершенные и сохранившие черты царского образа предстанут Царю и вступят в то служение, которым служат Богу всех ангелы и архангелы. Не истреби же, друг мой, до конца этих черт наших но, поскорее восстановив их, приведи в лучшее состояние. Телесную красоту Бог заключил в пределах природы, но красота души, как несравненно лучшая телесного благообразие, свободна от такой необходимости и подчиненности, и вполне зависит от нас и от воли Божией. Человеколюбивый Владыка наш и тем особенно почтил род наш, что менее важное и мало полезное для нас, потеря чего безразлична, подчинил естественной необходимости, а распорядителями истинно доброго сделал нас самих. Если бы Он сделал нас властными и в телесной красоте, то мы и лишнюю заботу получили бы, и все время тратили бы на бесполезное, и весьма вознерадели бы о душе. Если и теперь, когда не дано нам такой власти, мы делаем все и употребляем все усилия к тому, и, не имея силы на самом деле, позволяем украшать себя цветами, красками, складкою волос, убранством одежд, расписыванием глаз и множеством других хитростей, придумываем себе, такую красоту: то стали ли бы мы прилагать какое-нибудь попечение о душе и о высоких предметах, когда бы имели возможность придавать телу действительно прекрасный вид? Может быть, если бы это было нашим делом, у нас и не было бы никакого другого дела, но все время мы проводили бы в том, чтобы рабу украшать бесчисленными прикрасами, а госпожу ее, хуже всякого невольника, оставлять в безобразии и пренебрежении. Посему Бог, освободив нас от этой пагубной заботы, вложил в нас способность к лучшему делу, так что не имеющий возможности сделать тело из безобразного красивым может душу свою, хотя бы она низошла до крайнего безобразия, возвести на самый верх красоты, и таким образом сделать ее достолюбезною и привлекательною, вожденною не только для добрых людей, но и для самого Царя и Бога всех, как и псалмопевец, рассуждая об этой красоте, сказал: «и возжелает Царь красоты твоей» (Пс.44:12). Не видишь ли, что и в зазорных домах к женщинам безобразным и бесстыдным едва ли приблизятся даже единоборцы, беглые и борцы со зверями; если же какая женщина благообразная, благородная и стыдливая, по какому-нибудь обстоятельству, впадет в такую крайность, то и иной и из весьма знатных и важных людей не постыдится вступить в брак с нею? Если же у людей бывает такая жалость и такое презрение к славе, что они часто и обесчещенных под этою кровлею женщин избавляют от неволи и берут себе в супруги, то не гораздо ли более возможно это у Бога по отношению к душам, которые по насилию диавола ниспали из первобытного благородства в блудилище настоящей жизни? Множество таких примеров ты найдешь у пророков, когда они обращают речь к Иерусалиму, который также впадал в блудодеяние, и притом в некоторое новое блу-

додеяние, как говорит Иезекииль: «всем блудницам дают подарки, а ты сама давала подарки всем; и потому ты поступала в противность другим» (Иез.16:33,34); и еще другой: «сидела ты для них, как Аравитянин в пустыне, и осквернила землю блудом твоим» (Иер.3:2). И такой город, столь блудодейный, Бог опять призывает к себе. Самый плен (иудеев) был не столько для наказания, сколько для обращения и исправления их; потому что, если бы Бог хотел решительно наказать их, то не возвратил бы в отечество, не воздвиг бы еще более великого и блистательного и города, и храма. «Слава сего», говорит (пророк), «последнего храма будет больше, нежели прежнего» (Агг.2:9). Если же Бог не лишил покаяния города, многократно блудодействовавшего, то гораздо более примет твою душу, подвергшуюся первому падению. Поистине, никакой плотолобец, хотя бы крайне распаленный, не пламенеет так к любимой им, как Бог желает спасения наших душ. В этом можно убедиться как из повседневных событий, так и из божественных Писаний. Смотри у Иеремии в самом начале, и во многих местах у пророков, как Бог бывал пренебрегаем и презираем, и как Он опять приближался и искал любви отворачивавшихся от Него, – что и сам Он в Евангелии выразил словами: «Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели» (Матф.23:37). И апостол Павел в послании к Коринфянам сказал: «Бог во Христе примирил с Собою мир, не вменяя [людям] преступлений их, и дал нам слово примирения. Итак, мы – посланники от имени Христова, и как бы Сам Бог увещевает через нас; от имени Христова просим: примиритесь с Богом» (2Кор.5:19,20). Прими это теперь за сказанное и к нам. Ибо не только неверие, но и нечистая жизнь может произвести эту прискорбную вражду. «Потому что плотские помышления», говорит (Писание), «суть вражда против Бога» (Рим.8:7). Разрушим же эту преграду, ниспровергнем и умертвим, дабы достигнуть блаженного примирения, дабы опять сделаться возжеланными и любезными Богу.

14. Знаю, что ты теперь восхищаешься красотой Ермионы и думаешь, что на земле нет ничего подобного ее благообразию; но если ты, друг мой, захочешь, то будешь настолько благолепнее и прекраснее ее, насколько золотые статуи лучше глиняных. Если красота телесная так поражает и увлекает души многих, то когда она заблистает в душе, что может сравниться с такою красотой и благообразием? Телесной красоте основанием служит не что иное, как слюнь, кровь, влага, желчь, и сок принятой пищи. Этим наполняются и глаза, и щеки, и все прочее; и если они не будут каждый день получать такого напоения, истекающего из чрева и печени, то вместе с тем, как только кожа высохнет более надлежащего и глаза впадут, и вся красота лица тотчас пропадет; – так что, если ты представишь себе, что именно скрывается внутри прекрасных глаз, что внутри прямого носа, что внутри уст и щек, то благообразие тела назовешь не иным чем, как гробом повапленным: такой нечистоты полна внутренность! Далее, если ты увидишь тряпку, запачканную чем-либо из таких веществ, например слюнью или слюною, то не захочешь и концами пальцев дотронуться до нее, даже не станешь и смотреть на нее; а вместилищем и хранилищем их восхищаешься? А твоя красота была не такова, но (настолько выше ее), насколько небо лучше земли, или, вернее сказать, гораздо еще блистательнее и превосходнее. Конечно, никто никогда не видал души самой себе, без тела; но я попытаюсь представить тебе красоту ея иначе, по сравнению с высшими силами. Послушай, как их красота поразила мужа желаний: намереваясь изобразить их красоту и не могши найти такое тело, он прибег к металлическим веществам, но не удовольствовавшись и ими одними, взял в пример еще блеск молнии. Если же те (силы), проявившие существо свое не во всей чистоте и обнаженности, но весьма неясным и прикровенным образом, были, однако, столь блистательны, то какими должны они являться без всякого покрова? Нечто подобное надлежит представлять и о красоте души: будут, говорит (Господь) «равны Ангелам» (Лук. 20:36). Даже между телами, те, которые легче и тоньше приближаются к безтелесным предметам, гораздо лучше и превосходнее других. Небо прекраснее земли, огонь – воды, звезды – камней; а радугою мы восхищаемся

гораздо более, нежели фиалками, розами и всеми другими цветами земными. Вообще, если бы возможно было увидеть красоту души телесными очами, ты посмеялся бы над всеми этими примерами тел, – так слабо они представляют нам благолепие души! Не будем же нерадеть о таком стяжании и таком блаженстве, тем более, что возвращение к этой красоте для нас удобно при надежде на будущее. «Ибо», говорит апостол, «кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу, когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вечно» (2Кор.4:17,18). Если же скорби, которые ты знаешь, блаженный Павел назвал нетяжкими и легкими, так как не смотрел на видимое, то тем легче тебе оставить нечистую похоть. Мы теперь зовем тебя не на опасности, не на ежедневные смерти, непрестанные удары, бичевания, узы, борьбы со вселенною, вражду от домашних, безпрестанные бдения, продолжительные путешествия, кораблекрушения, нападения разбойников, козни от сродников, скорби о друзьях, голод, холод, наготу, зной, печаль о своих и не своих. Ничего такого мы не требуем теперь; об одном только просим, – освободиться от окаянного рабства и возвратиться к прежней свободе, представив себе и наказание за похоть и почесть за прежнюю жизнь. Если не верующие в учение о воскресении предаются беспечности и никогда не чувствуют этого страха, это нисколько не удивительно; а нам, надеющимся более на будущее, нежели на здешние блага, проводить столь жалкую и несчастную жизнь, ничего не ощущать при воспоминании о первых, но ниспасть до крайней бесчувственности, – это было бы весьма безрассудно. Когда мы – верующие будем поступать, как неверные, или станем вести себя хуже их (и между ними есть просиявшие житейскою добродетелию), какое, наконец, будет нам утешение, какое оправдание? Из купцов многие, потерпев кораблекрушение, не упали духом, но опять пошли тем же путем, хотя притом потерпели это несчастье не от собственной беспечности, но от силы ветров; а мы, которые можем надеяться на счастливый конец и верно знаем, что без нашей воли не постигнет нас ни кораблекрушение, ни малое какое-либо несчастье, мы ли не примемся опять за то же и не будем приобретать, по прежнему, но станем лежать без дела, сложив при себе руки? И о, если бы только при себе, а не против себя, – что означает явное безумие! Ведь если бы кто из борцов, оставив своего противника, обратил руки на свою голову и стал поражать собственное лицо, скажи мне, не причислили бы его к сумасшедшим? Дьявол поборол нас и поверг; следовательно надобно встать, а не влачиться далее и низвергать себя в пропасть, не прибавлять к его ударам еще своих собственных. И блаженный Давид пал таким же падением, каким и ты теперь; и не этим только, но потом и другим, то есть, убийством. Что же, остался ли он лежащим? Напротив, не тотчас ли с мужеством встал, и не ополчился ли на врага? Итак доблестно поразил его, что и по смерти своей сделался покровом для своих потомков. Ибо Соломону, который совершил великое беззаконие и сделался достойным тысячи смертей, Бог сказал, что ради Давида оставляется ему царство в целости, следующими словами: «отторгну от тебя царство и отдам его рабу твоему; но во дни твои Я не сделаю сего», почему? «ради Давида, отца твоего; из руки сына твоего исторгну его» (3Цар.11:11,12). И Езекии, бывшему в крайней опасности, хотя и праведному, Он обещал помощь ради того же блаженного: «буду охранять», говорит, «город сей, чтобы спасти его ради Себя и ради Давида, раба Моего» (4Цар.19:34). Такова сила покаяния! А если бы Давид стал рассуждать так же, как и ты теперь, – именно, что уже невозможно умиловать Бога, и если бы сказал сам в себе: «Бог почтил меня великою честью, причислил к пророкам, и вручил начальство над единоплеменниками, и избавил от множества опасностей: как же я, после столь многих благодеяний, огорчив Его и дерзнув на крайние беззакония, могу опять умиловать Его?» Если бы он стал рассуждать так, то не только не сделал бы того, что совершил впоследствии, но уничтожил бы и прежние свои дела.

15. Не только телесные, но и душевные раны, будучи оставлены без внимания, причиняют смерть. Между тем мы дошли до такого безумия, что о первых очень заботимся, а этими пренебрегаем. И хотя многие телесные раны часто бывают неисцельны, однако, мы не отчаи-

ваемся, и слыша часто от врачей, что такую-то болезнь невозможно истребить лекарствами, мы настойчиво просим придумать хотя малое какое-либо облегчение; а о душах, в которых нет никакой неисцельной болезни – так как они не подлежат естественной необходимости, – о них так нерадим и отчаиваемся, как будто болезни их – чужие для нас. Где самое свойство болезни должно бы повергать нас в безнадежность, там мы, как имеющие большие надежды, заботимся о здоровье; а где нет ничего, почему бы следовало отчаиваться, там, как отчаявшись, отступаем и предаемся беспечности. Настолько-то более мы заботимся о теле, нежели о душе! Поэтому и тела сохранить не можем. Ведь кто нерадит о главном, а всю заботу обращает на низшее, тот разрушает и губит то и другое; а кто соблюдает порядок, охраняя и сберегая главнейшее, тот, хотя бы не заботился о второстепенном, спасает и это чрез хранение первого, что и Христос объяснил нам словами: «не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне» (Матф.10:28). Итак, убедили ли мы тебя, что никогда не должно отчаиваться в душевных болезнях, как бы неисцельных, или нужно предложить еще и другие доказательства? Если бы ты и тысячу раз отчаивался в самом себе, мы не отчаемся в тебе никогда, и не допустим сами того, за что осуждаем других, хотя не одно и то же – отчаиваться кому-либо в самом себе, или другому в нем; потому что отчаивающийся в другом может скоро получить прощение, а отчаивающийся в самом себе – никогда. Почему? Потому, что тот не властен в настроении и раскаянии другого, а этот один властен над самим собою. И, однако, при всем том мы не будем отчаиваться в тебе, хотя бы ты сам тысячу раз подвергся этому; потому что, может быть, и произойдет возврат к добродетели и возобновлению прежней жизни. Выслушай же и следующее. Ниневитяне, услышав сильную и ясную угрозу пророка: «еще сорок дней и Ниневия будет разрушена» (Ион.3:4), и после этого не упали духом, и хотя не были уверены, что умолят Бога, а скорее могли опасаться противного по поводу пророчества (ибо оно произнесено было не с каким-нибудь ограничением, но как прямое определение), при всем этом оказали раскаяние и говорили: «кто знает, может быть, еще Бог умиласердится и отвратит от нас пылающий гнев Свой, и мы не погибнем». И увидел Бог дела их, что они обратились от злого пути своего, и пожалел Бог о бедствии, о котором сказал, что наведет на них, и не навел» (Ион.3:9,10). Если же люди варварские и непросвещенные могли быть столь благоразумными, то гораздо более должно поступать так нам, которые научены божественным догматам и видели великое множество таких примеров и в словах, и в делах. «Мои мысли – не ваши мысли, ни ваши пути – пути Мои, говорит Господь. Но как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших» (Ис.55:8,9). Если часто и мы провинившихся слуг, когда они обещают исправиться, принимаем и опять удостаиваем прежней чести, а нередко оказываем им еще большее доверие, то гораздо более Бог. Ведь если бы Он создал нас для того, чтобы наказывать, то справедливо бы ты сомневался и отчаивался в своем спасении; но если Он сотворил нас по единой только благодати, для того, чтобы мы наслаждались вечными благами, и к этому устрояет и направляет все от первого дня до настоящего времени; то, что побуждает нас предаваться сомнению? То ли, что мы сильно прогневали Его, как никто другой из людей? Но потому-то особенно и должно отстать от настоящих дел и раскаяться в прежних и показать большую перемену. Ибо не столько могут раздражать Его соделанные нами однажды грехи, сколько нежелание перемениться. Грешить еще свойственно человеку; но коснеть во грехах – это уже не человеческое, а вполне сатанинское дело. Смотри, как и чрез пророка Бог порицает последнее больше первого: «видел ли ты», говорит, «что делала отступница, дочь Израиля? Она ходила на всякую высокую гору и под всякое ветвистое дерево и там блудодействовала. И после того, как она все это делала, Я говорил: «возвратись ко Мне»; но она не возвратилась» (Иер.3:6,7). И в другом месте, опять желая показать, сколь великое Он имеет попечение о нашем спасении, лишь только услышал, что (израильтяне) после многих беззаконий обещали идти правым путем, сказал: «о, если бы сердце их было у них таково, чтобы бояться Меня и соблюдать все заповеди Мои во все дни,

дабы хорошо было им и сынам их вовек» (Втор.5:29). И Моисей, обращаясь к ним, сказал: «Итак, Израиль, чего требует от тебя Господь, Бог твой? Того только, чтобы ты боялся Господа, Бога твоего, ходил всеми путями Его, и любил Его» (Втор.10:12) Итак Тот, Кто ищет быть любимым нами и для этого делает все, Кто не пощадил даже Единородного для нашей любви и почитает вожделенным, чтобы мы когда бы то ни было примирились с Ним, как не примет и не полюбит кающихся? Послушай, что говорит Он чрез пророка: «говори ты беззакония твои прежде, чтоб оправдаться» (Ис.43:26). Этого он требует от нас для того, чтобы любовь наша к Нему была сильною. Когда любящий, получив множество оскорблений от любимых, не погасит в себе любви, тогда он, если и старается обнаружить эти оскорбления, то не для чего иного, как для того, чтобы, показав всю силу своей любви, склонить их к большей и сильнейшей любви. Если же исповедание грехов доставляет такое утешение, то гораздо более очищение их делами. Если бы было не так, но однажды совратившимся с прямого пути Бог препятствовал бы возвратиться к прежнему; то никто, может быть, кроме немногих и весьма малочисленных, не вошел бы в царство небесное; а теперь встретим особенно прославленных и в среде тех, которые подвергались этим падениям. Ибо показавшие большую силу во зле покажут такую же и в добре, сознавая, какими долгами они обременили себя, что и Христос изъяснил, когда сказал Симону о жене: «видишь ли ты эту женщину? Я пришел в дом твой, и ты воды Мне на ноги не дал, а она слезами облила Мне ноги и волосами головы своей отерла; ты целования Мне не дал, а она, с тех пор как Я пришел, не перестает целовать у Меня ноги; ты головы Мне маслом не помазал, а она миром помазала Мне ноги. А потому сказываю тебе: прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много, а кому мало прощается, тот мало любит. Ей же сказал: прощаются тебе грехи» (Лук.7:44–48).

16. Посему и диавол, зная, что сделавшие много зла, когда начнут каяться, делают это с великою ревностью, как сознающие свои согрешения, опасается и боится, чтобы они не начали этого дела, потому что, начав его, они бывают уже неудержимы, и воспламенившись покаянием, как бы огнем, соделывают свои души чище чистого золота, увлекаемые совестью и воспоминанием о прежних грехах, как бы сильным ветром, в пристань добродетели. И в этом-то их преимущество перед теми, которые никогда не падали, т. е. они проявляют сильнейшую ревность, если только, как я сказал, положат начало. Правда, трудно и тяжело сделать усилие, чтобы подойти ко входу и, достигнув преддверия покаяния, оттолкнуть и низринуть врага, который тут сильно дышит и налегает. А после того и он, будучи однажды побежден и павши там, где был силен, не оказывает такого неистовства, и мы уже, имея больше ревности, весьма удобно совершим этот добрый подвиг. Начнем же, наконец, возвращение, поспешим во град небесный, в котором мы вписаны, в котором и обитать надлежит нам. Отчаяние губительно не только потому, что затворяет нам врата этого града и приводит к великой беспечности и небрежению, но и потому, что ввергает в сатанинское безумие; ибо и диавол сделался таким не от чего-либо другого, как от того, что сперва отчаялся, а потом от отчаяния впал в безумие. Так и душа, однажды отчаявшись в своем спасении, уже не чувствует потом, как она стремится в пропасть, решаясь и говорить и делать все против своего спасения. Как сумасшедшие, раз лишившись здравого состояния, ничего не боятся и ничего не стыдятся, но безбоязненно отваживаются на все, хотя бы пришлось им попасть в огонь, или в море, или в пропасть; так и объятые безумием отчаяния неудержимо устремляются на всякое зло и, если смерть не постигнет их и не удержит от этого безумия и стремления, причиняют себе множество бед. Посему умоляю, пока ты не слишком погрузился в это опьянение, отрезвись и пробудись, – отстань от сатанинского упоения, если невозможно вдруг, то постепенно и понемногу. Мне кажется, что легче было бы, сразу оторвавшись от всех задерживающих путь, перейти в училище покаяния. Если же это представляется тебе трудным, то как хочешь, так и вступи на путь, ведущий к лучшему, только вступи и получишь жизнь вечную. Так, прошу и умоляю во имя прежней доблести, прежней свободы, чтобы нам опять увидеть тебя на той же высоте и с тою же бод-

ростию. Пожалей о тех, которые соблазняются о твоей голове, падают, делаются беспечнее, отчаиваются в пути добродетели. Теперь скорбью объят сонм братьев, а веселием и радостью – общества неверных и беспечных юношей. А когда ты возвратишься к прежней строгой жизни, то будет наоборот: наш стыд весь перейдет на них, а мы будем чувствовать великую отраду, опять видя тебя увенчиваемым и прославляемым с великим блеском. Такие победы доставляют больше чести и радости, потому что ты получишь награду не только за собственные доблести, но и за утешение и одобрение других, представляя им собою, – если кто из них впадет когда-либо в такое же бедствие, – величайший пример того, как опять восстать и исправиться. Не пренебрегай же такую пользою и не своди в ад с печалию души наши, но дай нам вздохнуть и рассеять окружающее нас облако печали о тебе. Мы теперь, оставив свои горести, оплакиваем твои несчастья; если же ты захочешь отрезвиться и открыть глаза, и присоединиться к ангельскому воинству, то и от этой печали избавишь нас и изгладишь большую часть грехов наших. А что обратившимся чрез покаяние можно просиять много и светло, а часто даже и более тех, которые не падали с самого начала, это мы показали и из божественных Писаний. Так и мытари и блудницы наследуют царство небесное; так многие из последних становятся впереди первых.

17. Расскажу тебе о том, что случилось при нас и чему сам ты можешь быть свидетелем. Ты знаешь молодого сына Урбанова, Финикса, который остался сиротою в юности и был владельцем множества денег, рабов и полей. Прежде всего оставив занятия (науками) в музеях и сбросив с себя светлую одежду и всю гордость житейскую, а затем тотчас надев худую одежду и удалившись в пустыню на горы, он обнаружил большое любомудрие, не только по возрасту, но и в сравнении с великими и дивными мужами. После того, удостоившись священного участия в таинствах, он еще более преуспевал в добродетели. И все радовались и славили Бога, что человек воспитанный в богатстве, имевший знаменитых предков, и еще весьма молодой, вдруг поправ всю пышность житейскую, достиг истинной высоты. Когда он был в таком состоянии и возбуждал удивление, некоторые развратители, по праву родства имевшие над ним надзор, опять увлекли его в прежний круговорот. Бросив все, он скоро, сойдя с гор, опять появился на торжище, и восседая на коне, с множеством спутников, ездил по всему городу и уже не хотел любомудрствовать. Пламенея великим сладострастием, он по необходимости предавался нечистой любви, и не было между близкими к нему никого, кто бы не отчаивался в его спасении; его окружала толпа льстецов, к тому же присоединилось сиротство, молодость и огромное богатство. Люди, склонные легкомысленно порицать все, стали обвинять тех, которые сначала обратили его на тот (духовный) путь, утверждая, что он и в духовных делах не удался, и к своим делам будет негоден, так как прежде времени оставив занятия науками, не мог извлечь из них никакой пользы. Когда это говорилось и происходил великий позор, некоторые святые мужи, часто уловлявшие такую добычу и по опыту хорошо знавшие, что вооруженным надеждами на Бога не следует отчаиваться в таких делах, постоянно следили за ним и, завидев его появлявшимся на торжище, подходили к нему и приветствовали. Сперва он прямо с лошади разговаривал с ними, при чем они следовали за ним по бокам; такое бесстыдство сначала было в нем! Но они, сердобольные и чадолюбивые, несколько не стыдились этого, а смотрели только на то, как бы отнять у волков овцу, чего и достигли терпением. Ибо впоследствии он, как бы от какого умоисступления придя в себя и устыдившись великой заботливости их, лишь только издали усматривал, что они идут к нему, тотчас соскакивал с лошади, и опустив взор, с молчанием выслушивал от них все, и с течением времени все более и более стал оказывать им уважение и почтение. Таким образом они, по милости Божией, мало-помалу, освободив его от всех этих сетей, возвратили прежней пустыне и любомудрию. И теперь он настолько просиял, что прежняя жизнь его представляется ничем, по сравнению с жизнью после падения. Хорошо на опыте узнав искушение, он все богатство роздал бедным, и освободившись от забот о нем, отнял у желающих строить козни всякий к тому предлог, и теперь, шествуя по пути к небу, достиг уже

до вершины добродетели. Но этот еще в юности и пал и восстал; а некто другой, после многих трудов, понесенных им в пустынножительстве, имея одного только сожителя, ведя ангельскую жизнь и достигнув уже старости, не знаю, каким образом, по какому-то сатанинскому ухищрению и собственной беспечности своей, дав лукавому доступ к себе, впал в похоть общения с женщинами, – человек, никогда не выдавший женщины с тех пор, как вступил в монашескую жизнь! Сперва он попросил сожителя дать ему мяса и вина, и угрожал, если не получит этого, уйти на торжище. А говорил он это не столько потому, что хотел мяса, сколько для того, чтобы иметь повод и предлог отправиться в город. Тот, недоумевая и боясь чтобы, отказав ему в этом, не причинить ему большего зла, удовлетворяет его желанию. Когда же он увидел, что хитрость его не удалась, то уже с явным бесстыдством сбросил притворство и сказал, что ему непременно надобно сходить в город. Тот, не будучи в состоянии остановить его, наконец отпустил, и следуя за ним издали, наблюдал, к чему клонилось это его путешествие. Когда же увидел, что он вошел в непотребный дом, и узнал, что он сообщился с блудницею, то подождав, пока он удовлетворил нечистую похоть свою и вышел оттуда, принял его с распростертыми руками, обнял и горячо поцеловал, и нисколько не упрекнув за сделанное им, просил только, чтобы он, так как удовлетворил уже свою похоть, опять возвратился к пустынножительству. Этот, удивившись великой кротости его, мгновенно был поражен в душе, и почувствовав сокрушение о грехе, последовал за ним на гору; и пришедши туда, попросил того мужа, чтобы он, заключив его в другой келье и заперши двери ее, доставлял ему хлеб и воду в известные дни, а спрашивающим об нем говорил, что он умер. Сказав это и убедив сожителя, он заключил себя и жил там постоянно, постом, молитвами и слезами омывая душу от греховной нечистоты. Спустя немного времени, когда ближайшую страну постигла засуха и все жители ее были в печали, некто получил во сне повеление попросить того затворника помолиться о прекращении засухи. Взяв с собою друзей, он отправился туда; но там сперва они нашли одного только сожителя затворника; когда же спросили о последнем, получили в ответ, что он умер. Подумав, что они обмануты, они опять обратились к молитвам, и опять чрез такое же видение слышали тоже, что и прежде. Тогда, обступив того, кто действительно притворствовал, просили показать им этого мужа, утверждая, что он не умер, но жив. Тот, услышав это и видя, что состоявшееся между ними соглашение открыто, приводит их к этому святому, и они, разобрав стену (потому что и вход был заложен) и вошедши все, поверглись к ногам его, рассказали о случившемся и умоляли его избавить их от голода. Сперва он отказывал им, утверждая, что он далек от такого дерзновения, так как непрестанно имел перед глазами свой грех, как бы сейчас только совершенный. Когда же они рассказали обо всем случившемся, то убедили его помолиться, и помолившись, он прекратил засуху. А о том юноше, который был сперва учеником Иоанна Зеведеева, потом долгое время – начальником разбойников, и опять уловлен святыми руками блаженного, и из убежищ и пещер разбойничьих возвратился к прежней добродетели, тебе самому не безызвестно и ты точно знаешь все не хуже нашего, потому что я часто слышал, как ты удивлялся великому снисхождению (Иоанна), который сначала поцеловал окровавленную правую руку юноши, обнял его, и таким способом привел его в прежнее состояние.

18. Так же (поступил) блаж. Павел в отношении Онисима, этого негодая, беглеца и вора, – такого-то человека он не только сам принимает в объятия, когда тот переменялся, но и господина его просит оказать покаявшемуся одинаковую с учителем честь, так говоря: «прошу тебя о сыне моем Онисиме, которого родил я в узах моих: он был некогда негоден для тебя, а теперь годен тебе и мне; я возвращаю его; ты же прими его, как мое сердце. Я хотел при себе удержать его, дабы он вместо тебя послужил мне в узах [за] благовествование; но без твоего согласия ничего не хотел сделать, чтобы доброе дело твое было не вынужденно, а добровольно. Ибо, может быть, он для того на время отлучился, чтобы тебе принять его навсегда, не как уже раба, но выше раба, брата возлюбленного, особенно мне, а тем больше тебе, и по плоти и в Господе. Итак, если ты имеешь общение со мною, то прими его, как меня» (Флм.1:10–17). И

в послании к Коринфянам он же говорит: «когда приду, не унижил меня у вас Бог мой и чтобы не оплакивать мне многих, которые согрешили прежде и не покаяться» (2Кор.12:21); и еще: «предварял и предваряю, как бы находясь у вас во второй раз, и теперь, отсутствуя, пишу прежде согрешившим и всем прочим, что, когда опять приду, не пощажу» (2Кор.13:2). Видишь ли, кого он оплакивает и кого не щадит? Не тех, которые согрешили, но – которые покаяться, и не просто не покаяться, но после одного и двух увещаний к раскаянию, не захотели послушаться. Выражения: «предварял и предваряю, как бы находясь у вас во второй раз, и теперь, отсутствуя, пишу», означают не что иное, как это, чего должно опасаться, чтобы и с нами не случилось теперь. Ибо хотя нет при нас Павла, который угрожал коринфянам, но предстоит Христос, который чрез него говорил тогда, и если мы не перестанем упорствовать, Он не пощадит нас, но сильным ударом поразит и здесь и там. Посему «предстанем пред лицом Его во исповедании, во псалмах воскликнем Ему» (Пс.94:2). «Если ты согрешил», говорит (Писание), «не прилагай более грехов и о прежних молись» (Сир.22:1). И еще: «обвинитель в первой речи на суде прав по отношению к себе» (Притч. 18:17). Не будем же ждать обличителя, но ранее займем его место, и таким образом, своею откровенностью сделаем Судию более милостивым. Я хорошо знаю, что ты исповедуешь свои грехи и чрезмерно сокрушаешься; но я хочу не этого только, а желаю убедиться, желаешь ли ты оправдать себя и делом. Пока это исповедание ты не сделаешь плодотворным, до тех пор, хотя и будешь осуждать себя, не можешь отстать от последующих грехов. Никто ничего не может делать с усердием и надлежащим образом, если наперед не будет убежден, что это дело принесет пользу. Так сеятель после посева семян, если не будет ожидать жатвы, никогда не будет и жать. Разве кто стал бы трудиться напрасно, не надеясь получить ничего доброго от своего труда? так и сеющий слова, слезы и исповедание, если делает это без доброй надежды, не может отстать от грехов, как одержимый еще пороком отчаяния; но как земледелец, отчаявшийся в произрастении плодов, уже не станет отвращать того, что наносит вред семенам, так и сеющий слезное исповедание, но не ожидающий от него никакой пользы, не будет в состоянии отклонить того, что вредит покаянию. А вредит покаянию коснение в одних и тех же грехах. «Когда один строит», говорит (Писание), «а другой разрушает: то что они получают для себя кроме утомления? Когда кто омывается от осквернения мертвым и опять прикасается к нему, какая польза от его омовения? Так человек, который постится за грехи свои и опять идет и делает то же самое: кто услышит молитву его?» (Сир.34:23,25,26). И еще: «если кто обращается от праведности ко греху, Господь уготовит того на меч» (Сир.26:26). И «как пес возвращается на блевотину свою, так глупый повторяет глупость свою» (Притч.26:11).

19. И так, объявляя грех свой не только как осуждающий самого себя, но и как долженствующий оправдаться посредством покаяния: тогда ты и будешь в состоянии побудить исповедующуюся душу не впадать более в те же грехи. Ибо сильно осуждать себя и называть грешником есть дело общее, так сказать, и неверным. Многие и из действующих на сцене, как мужчины, так и женщины, наиболее отличающиеся бесстыдством, называют себя окаянными, хотя не с надлежащею целию. Посему я и не назову это исповеданием, потому что они объявляют грехи свои не с душевным сокрушением, не с горьким плачем и не с переменю жизни; но одни из них делают это с тем, чтобы откровенностью своих слов получить славу у слушающих, так как грехи неодинаково кажутся тяжкими, когда другой кто открывает их, и когда – сам согрешивший. Иные, вследствие сильного отчаяния впадши в ожесточение и презирая славу человеческую, с крайним бесстыдством объявляют всем собственные пороки, как бы чужие. Но я желаю, чтобы ты не принадлежал к числу их, чтобы приступал к исповеданию не с отчаяния, но с благою надеждою и, с корнем вырвав отчаяние, оказал противоположную ему ревность. Что же служит корнем и матерью отчаяния? Беспечность; вернее можно назвать ее не только корнем, но и питательницею и матерью. Ибо, как в шерсти порча рождает червей, и обратно сама умножается от них, так и здесь беспечность рождает отчаяние, и сама обратно

питается отчаянием, и таким образом, оказывая друг другу это проклятое содействие, они не мало возрастают в силе. Посему кто истребит и искоренит одно из этих зол, тот будет в состоянии победить легко и остальное; кто не предастся беспечности, тот не впадает и в отчаяние; кто питается благими надеждами и не отчаивается в себе, тот не может впасть и в беспечность. Расторгни же эту чету и сокруши ярмо, то есть, различные и тяжкие помыслы; ибо соединяют их не одинаковые (помыслы), но разные и всякого вида. Какие же? Случается, что иной, показавшись, совершит многие и великие добрые дела, и между тем опять впадет в грех, равносильный этим добрым делам; и этого бывает вполне достаточно, чтобы ввергнуть его в отчаяние, как будто созданное разрушено и все труды его были напрасны. Но надобно вникнуть в это и отогнать тот помысл, будто если мы не успеем наперед запасти добрых дел в мере, равной совершенным после них грехам, то ничто не удержит нас от сильного и полного падения. Напротив, добрые дела суть как бы крепкие латы, которые не пускают острой и губительной стреле сделать свое дело, но, быв сами рассечены ею, защищают тело от великой опасности. Посему отходящий туда со множеством и добрых и злых дел получит некоторое облегчение и в наказании и тамошних муках; а кто, не имея добрых дел, принесет только злые, тот, и сказать нельзя, сколько пострадает, подвергшись вечному наказанию. Там будут сопоставлены злые дела с добрыми, и если последние перетянут на весах, то совершившему их не мало послужат ко спасению, и вред от совершения злых дел не будет иметь такой силы, чтобы сдвинуть его с прежнего места; но если первые перевесят, то увлекут его в геенский огонь; потому что добрые дела не так многочисленны, чтобы могли устоять против сильного перевеса злых. И это внушает нам не только наше рассуждение, но и Слово Божие. Ибо сам (Господь) говорит: «воздаст каждому по делам его» (Матф.16:27). И не только в геенне, но и в самом царстве находится множество различий: «в дому Отца Моего», говорит, «обителей много» (Иоан.14:2); и: «иная слава солнца, иная слава луны» (1Кор.15:41). И удивительно ли, что (апостол), сделав различие между этими (светилами), говорит, что и там будет такое же различие, как между одною звездою и другою? Зная все это, не перестанем совершать добрые дела, не откажемся от трудов, и если не будем в состоянии стать на ряду с солнцем или луною, то не будем пренебрегать местом со звездами. Если мы по крайней мере такую покажем добродетель, то и тогда можем быть на небе. Если не будем ни золотом, ни драгоценным камнем, то, по крайней мере, удержим качество серебра, и останемся на своем основании; только бы нам опять не дойти до качества того вещества, которое легко сожигает огонь, и чтобы, не будучи в состоянии совершить великих дел, нам не оказаться и без малых: это – крайнее безумие, чего да не будет с нами. Как вещественное богатство умножается тем, что любители его не пренебрегают и малейшими прибылями, так тоже и с духовным. Нелепо было бы в виду того, что Судия не оставляет без награды и чаши холодной воды, нам потому только, что не имеем весьма великих дел, не заботиться и о совершении малых. Напротив, кто не пренебрегает меньшими делами, тот покажет великую ревность и о величайших, а кто пренебрегает первыми, тот оставит и последние; дабы не было этого, Христос и за первые назначил великие награды. Что может быть легче, как посещать болящих? Однако, и за это Он воздаст великую награду. Итак, стремись к вечной жизни, радуйся о Господе и молись Ему; возьми опять благое иго, подклони под легкое бремя, приложи к началу достойный его конец; непусти погибнуть такому богатству. Если ты станешь и впредь раздражать Бога своими делами, то погубишь себя; но если прежде, нежели совершится эта большая потеря и все поле будет покрыто водою, ты заградишь каналы нечестия, то будешь в состоянии и опять приобрести потерянное и прибавить к тому другое немалое приращение. Обо всем этом размыслив, стряхни с себя пыль, встань с земли, и ты будешь страшен противнику. Он поверг тебя, думая, что ты уже не встанешь; а когда увидит тебя с поднятыми на него руками, то, пораженный неожиданностию, потеряет охоту опять бороться с тобою, а ты сам будешь впредь безопаснее от получения подобной раны. Поистине, если чужие несчастья способны вразумлять нас, то гораздо более те, которые мы потерпели сами. Это я надеюсь

скоро увидеть и на твоей главе, – надеюсь, что ты, при помощи Божией, будешь и еще светлее, и такую покажешь добродетель, что станешь там впереди других. Только не отчаивайся, не падай духом; это я не перестану повторять тебе при всякой беседе, где бы тебя ни увидел, и чрез других; и если ты слушаешься этого, то не будешь нуждаться в других врачеваниях.

К ТОМУ ЖЕ ФЕОДОРУ УВЕЩАНИЕ 2-е

ЕСЛИ бы можно было изложить письменно слезы и стенания, то я наполнил бы ими письмо и послал бы к тебе. Плачу я не о том, что ты заботишься об отцовских делах, но о том, что ты изгладил себя из списка братий, что попрал завет со Христом. От этого я содрогаюсь, об этом сокрушаюсь, этого боюсь и трепещу, зная, что нарушение завета навлекает великое осуждение на записавшихся в доброе воинство и по собственной безпечности оставивших строй. Отсюда очевидно, что таким угрожает тяжкое наказание. Простолюдина никто никогда не станет обвинять за непринадлежность к войску, а кто раз стал воином, тот, если уличен будет в бегстве из строя, подвергается крайней опасности. Зло не в том, любезный Феодор, чтобы сражаясь пасть, а в том, чтобы упавши, так и оставаться; не то бедственно, чтобы воюя быть раненным, но то, чтобы после поражения отчаиваться и не заботиться о ране. Никакой купец, подвергшись однажды кораблекрушению и потеряв груз, не оставляет мореплавания, но опять переплывает море, и волны, и обширные бездны, и вновь приобретает прежнее богатство. И борцов мы видим увенчиваемыми после многократных падений; также и воин, много раз обращавшийся в бегство, наконец является героем и побеждает врагов. Даже многие из отрекшихся от Христа по причине жестокости мучений опять вступали в борьбу и отходили украшенными венцом мученичества. Но если бы каждый из них после первого удара предался отчаянию, то не получил бы последующих благ. Так теперь и ты, любезный Феодор, потому, что враг немного поколебал тебя в твоём положении, не толкай сам себя в пропасть, но стой добро и поспеши возвратиться туда, откуда отошел, и не считай позором этого кратковременного поражения. Ты не стал бы порицать воина, увидев его с раною возвращающимся с войны; ибо позорно бросать оружие и уклоняться от неприятелей; но доколе кто остается в сражении, то, хотя бы он был поражаем и несколько отступал, никто не будет столь неблагоприятен и неопытен в воинском деле, чтобы обвинять его за это. Не быть ранеными свойственно не сражающимся; но тем, которые с сильным рвением устремляются на врагов, свойственно быть иногда поражаемыми и падать, как это случилось теперь и с тобою; ты, устремившись умертвить змия, тотчас был сам уязвлен им. Но ободрись; небольшая нужна тебе бдительность, – и не останется следа этой раны; даже, по благодати Божией, ты сокрушишь голову и самого лукавого; пусть не смущает тебя и то, что ты преткнулся так скоро и в самом начале. Увидел, скоро увидел лукавый доблесть души твоей, и из многого догадался, что вырастет из тебя мужественный противник ему: обнаруживший в самом начале столь великую и сильную ревность против него, такой человек, если устоит, то легко – полагал он – одержит над ним победу. Поэтому он поспешил, пробудился, восстал с силою на тебя, или лучше, на свою голову, если ты хочешь стоять мужественно. Ибо кто не удивлялся твоей быстрой искренней и пылкой к добру перемене? Роскошные яства были презрены, драгоценные одежды отринуты, всякая пышность поправа, вся ревность о внешней мудрости быстро обращена на Слово Божие; целые дни проводимы были в чтении, целые ночи – в молитвах; не вспоминалось отцовское достоинство, не приходило на ум богатство; но касаться колен и припадать к ногам братий – это ты считал выше всякого благородства. Вот что опечалило лукавого, вот что возбудило его к сильной борьбе; впрочем, он нанес не смертельную рану. Если бы он низверг тебя после долговременных непрерывных постов, земных поклонов и других подвигов, то и тогда не надлежало бы отчаиваться, хотя иной и назвал бы великим бедствием поражение, совершившееся после многих усилий и трудов и побед; но так как он поборол тебя, когда ты только лишь приготовился к борьбе с ним, то и успел в том только, что сделал тебя более ревностным к борьбе с ним. На тебя лишь только начавшего плавание, а не возвращавшегося с торговли и везшего полный груз, напал свирепый пират. И подобно тому, как устремившийся убить благородного льва, только оцарапав ему кожу, нисколько не вредит ему, а более раздражает его против себя, и делает

впредь более осторожным и трудно уловимым, так и общий всех враг, устремившись нанести глубокую рану, не достиг этого, а сделал (тебя) впредь более бдительным и осторожным.

2. Природа человека переменчива: легко обольщается, и легко освобождается от обольщения, скоро падает, и еще скорее восстает. Так и тот блаженный муж, – разумею Давида, избранного царя и пророка, – уже сделав много доброго, не укрыл того, что он человек, но воспылал некогда похотию к чужой жене, и на этом не остановился, но от похоти совершил прелюбодеяние, а от прелюбодеяния совершил убийство; однако, и получив две такие раны, он не причинил себе еще и третью, но тотчас притек ко Врачу, и употребил врачевства – пост, слезы, плач, непрестанные молитвы, многократное исповедание греха; и чрез это так умилиствовал Бога, что возвратил себе прежнее достоинство, так что после прелюбодеяния и убийства память отца могла прикрывать идолопоклонство сына. Ибо его сын, – Соломон имя ему, – был уловлен тою же сетью, как и отец, и в угождение женам отступил от Бога отцов. Видишь, какое зло – не воздерживаться от сладострастия, но извращать естественное преимущество и, будучи мужем, делаться рабом женщин. Этому самому Соломону прежде праведному и мудрому, когда он был в опасности потерять за грех все царство, Бог, за добродетели отца, оставил во владение шестую часть государства. Так, если бы ты усердно занимался внешним красноречием и потом стал нерадеть о нем, то я убедил бы тебя возвратиться к этим занятиям, напомнив тебе о судилищах и ораторском седалище, о раздаваемых там венцах и свободе речи, но так как мы стремимся к небесному, а о земном у нас и речи нет, то я напомню тебе о другом судилище и седалище страшном и ужасном. «Всем нам должно явиться пред судилище Христово» (2Кор.5:10). Судиею же сядет тогда Тот, Кто теперь пренебрегается тобою. Что же скажем мы тогда, скажи мне? Чем будем оправдываться, если станем продолжать пренебрегать Им? Что же мы скажем? Укажем ли на заботы о делах? Но Он наперед сказал: «какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» (Матф.16:26). На то ли, что мы обольщены другими? Но и Адаму не послужило в оправдание то, что он сослался на жену и сказал: «жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и» меня обольстила (Быт.3:12); равно как и жене – змий. Страшно, любезный Феодор, это судилище, не нуждающееся в обличителях, не ожидающее свидетелей; ибо «все обнажено и открыто» пред этим Судиею (Евр.4:13); и придется дать отчет не только в делах, но и в помышлениях, ибо этот Судия «судит помышления и намерения сердечные» (Евр.4:12). Но, может быть ты укажешь на немощ природы и невозможность понести иго. Но что это за оправдание – не иметь силы взять на себя иго благое, не быть в состоянии понести бремя легкое? Разве тяжкое и трудное дело отдыхать от трудов? А к этому всему и призывает нас Господь, когда говорит: «придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко» (Матф.11:28–30). Что легче, скажи мне, как быть свободным от ежедневных забот и дел, страхов и трудов, стоять вдали от волн житейских и пребывать в тихой пристани?

3. Что в мире представляется тебе всего блаженнее и вожаденнее? Конечно, скажешь ты, власть, богатство, слава у людей. Но что жалче этого, если сравнить с свободою христиан? Властитель находится в зависимости от ярости народной и бессмысленных прихотей толпы, также страха со стороны сильнейших властителей, и забот о подчиненных. Притом, вчера он властитель, а сегодня простолюдин, так как настоящая жизнь несколько не отличается от сцены. Как здесь один исполняет роль царя, другой – полководца, иной – воина, а по наступлении вечера – и царь не царь, и властитель не властитель, и полководец не полководец, так и в тот день, не по лицу, а по делам каждый получит достойное воздаяние. Но разве драгоценна слава, которая пропадает, как цвет травный? Также и богатство, которого владельцы называются жалкими. Ибо «горе», говорит (Господь), «вам, богатые» (Лук.6:24); и еще: горе «надеющимся на силы свои и хвалящимся множеством богатства своего» (Пс.48:7). Христианин никогда не делается – ни из начальника простолюдином, ни из богатого бедным, ни из славного бесславным: напро-

тив он богат, когда беден, и высок, когда старается быть смиренным; и власти, которую имеет он – не над людьми, но над князьями подвластными «мироправителю тьмы» (Еф.6:12), никто отнять у него не может. Законное дело – брак, согласен на это и я; ибо сказано: «брак у всех да будет честен и ложе непорочно; блудников же и прелюбодеев судит Бог» (Евр.13:4). Но тебе уже невозможно соблюсти законность брака: потому что кто, сочетавшись с небесным Женихом, оставляет Его и сочетается с женою, тот совершает прелюбодеяние, хотя бы тысячу раз ты называл это браком; а вернее сказать, это хуже и прелюбодеяния настолько, насколько Бог превосходнее людей. Никто пусть не обольщает тебя словами: жениться не запретил Бог. Знаю это и я: жениться не запретил, но запретил прелюбодействовать, что намеревался ты сделать, чего да не будет, чтобы, т. е. ты вступил когда-нибудь в брак. Что ты удивляешься, если брак осуждается, как прелюбодеяние, когда чрез него отвергается Бог? Убийство бывает оправдываемо и человеколюбие осуждаемо хуже убийства, когда первое совершалось по воле Божией, а второе вопреки ее. Именно, Финеесу вменилось в правду то, что он пронзил жену блудницу вместе с блудником; а Саула святой Божий Самуил несмотря на то, что целые ночи плакал, сетовал и молился, не мог избавить от осуждения, которое Бог произнес на него за то, что он против воли Божией пощадил иноплеменного царя, которого надлежало умертвить. Если же человеколюбие осуждено более убийства за преслушание Бога, то что удивительного, если брак осуждается более прелюбодеяния за отвержение Христа? Посему, как я сказал выше, если бы ты был простолюдином, никто не обвинял бы тебя за непринадлежность к войску, а теперь ты уже не господин сам себе, сделавшись воином такого Царя. Если жена невластна в своем теле, но – муж, тем более живущие во Христе не могут быть властны в теле своем. Тот, Кто пренебрежен ныне, Сам будет и судить тогда; о Нем помышляй постоянно, равно и о реке огненной. «Огненная река», говорит (пророк), «выходила и проходила пред Ним» (Дан.7:10); а кто Им предан огню, тому не дожидаться конца казни. Непристойные удовольствия этой жизни нисколько не отличаются от теней и сновидений; ибо прежде, чем окончится греховное дело, удовольствие исчезает, а наказания за него не имеют конца. Сладость кратковременна, а горечь вечна. Что, скажи мне, постоянно в здешнем мире? Богатство ли, которое часто не остается и до вечера? Слава ли? Но послушай, что говорит один праведник: «дни мои быстрее гонца» (Иов.9:25). Как скороходы, не успев стать, уже уходят далее, так и слава не успеет придти, как уже улетает. Нет ничего драгоценнее души: это не безызвестно и тем, которые дошли до крайнего безумия. «Душе ничто не равноценно», сказал поэтически некто из внешних. Знаю, что ты стал гораздо слабее для борьбы с лукавым; знаю, что ты стоишь среди пламени удовольствий; но если скажешь врагу: удовольствиям твоим не служим и корню всех зол твоих не кланяемся, если возведешь очи горе, то Спаситель и ныне поборет пламень и ввергнувших тебя в огонь сожжет, а тебе среди печи пошлет облако и росу и «шумящий влажный ветер» (Дан.3:50), так что огонь не коснется ни помыслов твоих, ни совести; только ты сам не сожигай себя. Так, часто случалось, что укрепленных городов не могли разрушить оружия и машины внешних неприятелей, а измена одного или двоих из живущих в них граждан без труда предавала их врагам. И теперь, если никакой из внутренних помыслов не предаст тебя, то хотя бы лукавый придвинул извне тысячу машин, придвинет напрасно.

4. У тебя по благодати Божией, имеется много великих мужей, которые соболезнают тебе, возбуждают тебя, трепещут за твою душу: это – святой Божий Валерий, по всему брат его Флорентий, мудрый Христовой мудростию Порфирий и многие другие. Они ежедневно сетуют и непрестанно молятся, и давно получили бы то, о чем молятся, если бы ты захотел хотя немного освободиться из рук врага. Как же не странно, что другие доселе не отчаялись в твоём спасении, но непрестанно молятся о возвращении своего члена; а ты, однажды упав, не хочешь встать, но лежишь, только что не взывая ко врагу: рази, бей, не щади? «Разве, упав, не встают?» говорит пророчество Божие (Иер.8:4). А ты противишься этому и прекословишь; ибо падшему отчаяться значит не иное что говорит, как «упавший не встанет». Нет, прошу тебя, не делай

себе столько зла, не повергай нас в такую скорбь. Не говорю о твоём настоящем, когда тебе нет ещё и двадцати лет; но если бы ты много сделал, даже всю жизнь прожил во Христе и в крайней старости потерпел такое несчастье, то и тогда было бы не хорошо отчаиваться, но надлежало бы иметь в уме разбойника, оправданного на кресте, а также начавших трудиться в одиннадцатом часу и получивших плату за целый день. Но как не хорошо падшим в конце жизни отчаиваться, если они будут благоразумны, так не безопасно и питать себя надеждою и говорить: «теперь пока буду наслаждаться удовольствиями жизни, а после, потрудившись недолго, получу награду за все время». Я помню, что ты сам, когда многие советовали тебе ходить в музеи, часто говаривал: «а что, если я в скором времени худо окончу жизнь? – как приду к сказавшему: «не медли обратиться к Господу и не откладывай со дня на день» (Сир.5:8)?» Вспомни эту мысль, и побойся вора: так Христос называет наш исход отсюда, потому что он постигает без нашего ведома. Представь себе житейские заботы – частные и общественные, страхи пред начальниками, зависть граждан, многократно угрожающую крайнюю опасность, труды, бедствия, рабские ласкательства, неприличные даже честным невольникам, плод трудов, погибающий ещё здесь, – что может быть бедственнее этого? А многим не удалось и вкусить плода трудов своих; но, проведши первый возраст в трудах и опасностях, они в то время, когда уже надеялись получить награду, отошли, ничего не имея при себе. Если даже и на земного царя едва ли кто, и по перенесении многих опасностей и по окончании многих войн, будет взирать с дерзновением, то как может небесного Царя увидеть тот, кто все время жил и воинствовал для другого?

5. Хочешь ли я изображу и домашние заботы: о жене, о детях, о слугах? Худо взять бедную жену, худо и богатую: первое вредит имуществу, а последнее – власти и свободе мужа. Прискорбно иметь детей, а ещё прискорбнее – не иметь: если последнее, то напрасно было жениться; а если первое, то подвергнешься горькой неволе. Заболело дитя – страх не малый; умерло преждевременно – плач неутешный; и во всяком возрасте о них различные заботы, и страхи и многие труды. Нужно ли говорить о неисправности слуг? Что же это за жизнь, Феодор, настолько делиться одной душой, столь многим служить, для столь многих жить, а для себя – никогда? У нас же нет ничего такого, любезный, и в этом призываю в свидетели тебя самого. Уже в то краткое время, в которое ты захотел выплыть из волн (житейского моря), знаешь, какую ты наслаждался радостью и веселием. Никто не свободен, кроме того, кто живет для Христа: он стоит выше всех бедствий, и если он сам не захочет сделать себе зла, то другой никогда не будет в состоянии сделать ему это. Он неприступен, не терзается от потери имени; потому что знает, что «мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести» (1Тим.6:7); не уловляется честолюбием или славолубием, так как знает, что «наше же жителство – на небесах» (Фил.3:20); порицающий его не причиняет ему скорби, и бьющий не приводит в раздражение. Одно у христианина несчастье – оскорбить Бога, а прочее, как-то: потерю имущества, лишение отечества, самую крайнюю опасность, он и не считает за бедствие; даже то самое, чего все страшатся, – переход отсюда туда, – для него приятнее жизни. Как если бы кто, взойдя на высокую скалу, смотрел на море и на плывущих по нему, из которых одни обливаются волнам, другие ударяются о подводные камни, иные, стремясь в одну сторону, напором ветра, как узники, увлекаются в другую, многие уже погрузились в воду и, вместо корабля и руля, владеют только своими руками, многие несутся на одной доске или на каком-нибудь обломке корабля, а иные плывут уже мертвые, представляя многообразное многоразличное бедствие; так и воинствующий для Христа, удалившись от бури и волн житейских, восседает на безопасном и высоком месте. Что может быть безопаснее и выше, как иметь одну лишь заботу – о том, «как угождать Богу» (1Фесс.4:1)? Видишь ли, Феодор, кораблекрушения плавающих по этому морю? Посему, умоляю, убегай от бездны, убегай от волн, и займи высокое место, откуда невозможно быть увлечену; будет воскресение, будет суд, страшное судилище ожидает нас по отшествии отсюда: «всем нам должно явиться пред судилище

Христово» (2Кор.5:10). Не напрасно угрожают геенною, не тщетно уготовано столько благ. Тень и даже ничтожнее тени – житейския дела, сопряженные со многими страхами, со многими опасностями, с крайним рабством. Не губи же и того и этого века, когда возможно, если захочешь, с пользою проводить тот и другой. А что живущие во Христе получают пользу и от этого века, это утверждает Павел, когда говорит: «мне вас жаль» и еще, «говорю это для вашей же пользы» (1Кор.7:28, 35). Видишь ли, что «заботящийся о Господнем» и здесь выше женившегося? Для отошедшего туда невозможно покаяться; никакой ратоборец по выходе из ристалища и по закрытии зрелища не может продолжать борьбу. Об этом непрестанно помышляй, и сокруши острый меч лукавого, которым он умерщвляет многих. А этот меч есть отчаяние, которое у пораженных отсекает надежду. Крепко это оружие врага, и плененных он удерживает не иначе, как связав этими узами, которые мы, если захотим, скоро можем разорвать благодатию Божиею. Знаю, что я преступил меру письма; но прости: я сделал это не произвольно, а вынужденный любовью и скорбью, по которой я и принудил себя написать это письмо, тогда как многие удерживали. «Перестань трудиться напрасно и сеять на камне», говорили мне многие. Но я никого не послушал. Есть надежда, говорил я сам себе, что письмо, если Богу угодно, произведет какое-либо действие; если же случится противное нашему желанию, мы, по крайней мере, получим себе ту пользу, что нельзя будет винить нас в молчании, и что мы не будем хуже мореплавателей, которые, когда увидят, что люди одного с ними занятия, по разбитии корабля ветрами и волнами, несутся на доске, спустив паруса, бросив якоря и войдя в малую ладью, стараются спасти людей им незнакомых и только по этому несчастью делающихся знакомыми. Но если бы эти последние не захотели (спастись), то никто не стал бы винить в их гибели тех, которые старались спасти их. Это с нашей стороны; но мы веруем, что должное и от тебя последует по благодати Божией, и мы опять увидим тебя доблестным в пастве Христовой. О, если бы нам, молитвами святынь, скорее принять тебя, любезная глава, здравствующим истинным здравием! Если у тебя есть какое-нибудь внимание к нам и если ты не совсем изгнал нас из своей памяти, удостой отписать к нам; этим ты весьма обрадуешь нас.

К ВРАЖДУЮЩИМ ПРОТИВ ТЕХ, КОТОРЫЕ ПРИВЛЕКАЮТ К МОНАШЕСКОЙ ЖИЗНИ

Три слова под этим общим заглавием, из которых второе имеет еще надпись: к неверующему отцу, т. е. языческому, а третье: к верующему отцу, т. е. христианскому, написаны св. Иоанном Златоустым в 375 или 376 году, когда он сам жил между отшельниками и когда монашествующие подвергались жестокому преследованию, а доброжелатели их – разным укоризнам при арианствующем императоре Валенте.

СЛОВО ПЕРВОЕ

КОГДА потомки евреев, возвратившись из долговременного плена, хотели восстановить иерусалимский храм, многие годы лежавший в развалинах (2 Ездр. 4), тогда некоторые грубые и жестокие люди, не убоявшись и Бога, которому те восстанавливали храм, не тронувшись и бедствием этих людей, от которого они недавно и с трудом избавились, не устранившись и определенного от Бога наказания решаясь на такие дела, сперва сами старались препятствовать им строить храм; но так как ничего не достигли, то, послав к царю своему письмо, в котором город тот (Иерусалим) называли мятежным, заводящим новшества и браннолюбивым, просили себе позволение остановить постройку. Получив от него это позволение, и напав на Иудеев с многочисленною конницею, они прервали на время дело, весьма гордились этою победою, о которой надлежало плакать, и думали, что злой умысел удался им (1 Ездр. 4). Но это было только предвестие и начало тех бедствий, которые имели тотчас же постигнуть их самих: потому что самое дело преуспевало и получило блистательный конец, а они, и чрез них все, узнали, что, как тогда Митридат, так и всякий другой, кто бы ни решился вести борьбу против людей, предпринимающих доброе дело, борется не против людей, но, прежде их, против самого Бога, ими чтимого. А ведущему борьбу против Бога никогда невозможно кончить добром: в начале он, может быть, и не потерпит за свою дерзость никакого зла, если только не потерпит, потому что Бог зовет его к покаянию и дает ему придти в себя как бы из некоего опьянения; но, если он будет упорствовать в своем безумии и сам нисколько не воспользуется таким снисхождением, то, по крайней мере, другим доставит величайшую пользу, вразумляя их постигшим его наказанием никогда не вступать в борьбу с Богом, так как невозможно избежать Его неодолимой руки. Так и этих людей тотчас постигли такие бедствия, которые великостию горя затмили все другие бедствия; потому что после бесчисленных убийств и избиений, совершенных над ними руками иудеев, которым они тогда препятствовали (строить храм), от крови убитых земля промокла на значительную глубину и большая грязь образовалась от этой крови; а из конских и человеческих тел, перемешавшихся вместе, и из их соприкасающихся ран родилось такое множество червей, что и земля закрыта была множеством трупов, и самые опять трупы – множеством червей. Увидев это поле, всякий сказал бы, что внизу не трупы лежат, но течет много источников, со многих сторон приносящих этого рода животных: так от этой гнили сильнее всякого наводнение разливался поток червей! И это продолжалось не десять и не двадцать дней, но много времени. Таковы здешние бедствия; а те, которые постигнут их там, – еще много тяжелее этих. Тогда вновь ожившие тела их будут терпеть невыразимые муки и страдания, не тысячу и не десять тысяч лет, даже и не вдвое и не втрое против этого, но в бесконечные веки. О тех и других (наказаниях) знает блаженный Исаия, знает и созерцатель дивных видений Иезекииль, которые, разделив между собою, описали наказание таких людей, – один здешние, а другой тамошние.

2. Об этом вспомнил я теперь не без причины, а потому, что некто, пришедши к нам, сообщил весть горькую и тягостную и даже весьма оскорбительную для Бога. Есть (сказал он) и теперь люди, осмеливающиеся делать то же, что и те варвары, или даже еще более незаконное; потому что изгоняют отовсюду притекающих к нашему любомудрию и с великими угрозами запрещают и говорить что-либо о нем и учить ему кого бы ни было из людей. Услышав это, я тотчас вскрикнул, и многократно спрашивал рассказывавшего, не в шутку ли он говорит это. А он сказал: нет, я никогда не стал бы так шутить; не только не сказал бы и не выдумал этого, а напротив, много бы дал и часто молил бы, чтобы мне даже не слышать об этом деле и теперь, когда оно совершилось. Тогда, еще горше заплакав, я сказал: точно, это дело настолько нечестивее дерзостей Митридата и всех тех (иноплеменников), насколько этот храм (духовный) много досточтимее и святее того (иерусалимского). Но кто, скажи мне, и откуда те, которые

отважились на такое дело? Для чего, по какой причине и с какою целию они бросают камни вверх, мечут стрелы на небо, и ведут войну с Богом мира? Самей и фарафеи, ассирийские князья и все прочие (1 Ездры 4:9) были варвары, как это можно видеть и из самих имен их; по образу жизни далеки были от иудеев и не хотели видеть сопредельные им народы усиливающимися, полагая, что могущество этих (народов) затмит, наконец, их собственную силу. А эти из-за чего отважились на такое дело? Свобода ли их стесняется? Безопасность ли их нарушается? Содействует ли им кто из властителей? Тем соизволяли в их предприятии персидские цари; но наши (цари), я уверен, желают и требуют противного тому. Поэтому я и весьма изумляюсь, что при благочестивых царях, среди городов, как ты говоришь, отваживаются на такое дело. А что, сказал он, если ты узнаешь большую еще странность, что делающие это представляются благочестивыми и называют себя христианами, а многие из них уже и в числе посвященных (в таинства)? Даже кто то из них, по сильному внушению диавола, осмелился нечистым языком своим сказать, что он готов отступить и от веры и приносить жертву демонам, потому что душит его (негодование) при виде того, что люди свободные, благородные и могущие жить в удовольствиях, привлекаются к такой суровой жизни. Услышав это, я был еще сильнее поражен, и соображая, сколько зла произойдет отсюда, оплакивал всю вселенную и взывал к Богу: «возьми душу мою и выведи меня из бед моих» (3Цар.19:4; Пс.24:17); освободи от этой временной жизни и пересели в ту страну, где ничего такого и другой не скажет мне, и я не услышу. Знаю, что, по отшествии отсюда, обнимет меня кромешная тьма, где сильный плач и скрежет зубов; но мне приятнее слушать скрежет зубов, чем произносящих такие речи». Увидев, что я так сильно печалюсь, он сказал: «теперь не время этому; этими словами ты никогда не сможешь обратить погибших и погибающих; и зло, думаю, не остановится, а надобно позаботиться о том, как бы нам погасить этот костер и остановить заразу; это вот наша обязанность; и если ты хочешь послушаться меня, то, прекратив плач, составь увещательное слово к этим недужным и беспокойным, во спасение как им, так и всем вообще людям; а я, взяв эту книжку, положу ее, вместо всякого лекарства, в руки больных: так как между этими больными есть много друзей моих, то они позволят мне придти к ним и раз, и два, и многократно, и, я уверен, скоро освободятся от заразы». — «Ты, сказал я, мерою своей любви измеряешь и нашу силу; но у меня нет силы слова; если же и кажется, что есть, то употребить ее на такой предмет я стыжусь не кого-либо другого, но всех язычников, как настоящих, так и последующих. Их всегда я осуждал сколько за учение, столько же и за беспечную жизнь; а теперь вынуждаюсь ознакомиться с нашими пороками. Если некоторые из них узнают, что среди христиан есть люди, столь враждебные добродетели и любомудрию, что не только сами уклоняются от таких подвигов, но не выносят и речей в защиту их, даже и на этом не останавливаются в своем безумии, но если и другой кто станет советовать и говорить об этом, то и его отовсюду изгоняют; если услышат это (язычники), то боюсь, что они признают нас не людьми, но зверями и чудовищами человекообразными и какими-то демонами, губителями и врагами всей природы; и такое суждение произнесут не только о виновных, но и обо всем нашем народе». На это он, рассмеявшись, сказал: «ты шутишь, говоря так; а я скажу тебе еще прямее, если ты боишься, чтобы из твоих слов не узнали того, что все давно знают из дел; теперь как будто бы злой какой дух вселился в души всех, только и речей у всех на языке, что об этом: войдешь ли на площадь, или в лечебницы, или в какую бы то ни было часть города, где обыкновенно собираются люди, ничего не хотящие делать, — везде удивишь, какой смех все поднимают; а предметом этого смеха и забавы служат рассказы о том, что сделано со святыми мужами. Как иные воины, побывав во многих сражениях и одержав победы, весело рассказывают о своих подвигах, так и эти люди хвастают своими буйствами. Ты услышишь, как один говорить: «я первый наложил руки на такого-то монаха, и нанес ему удары;» другой: «я сам прежде других отыскал его келью»; «а я, говорит иной, сильнее других раздражил против него судью»; иной хвастает темницей и ужасами темницы, и тем, что он влачил тех святых по площади; иной другим чем-либо. Потом все

начинают смеяться над этим. И это (делается) в собраниях христиан, а язычники смеются и над ними, и над теми, над кем они издеваются; над первыми – за их дела, а над последними – за их страдания; и везде какая-то междоусобная война, а вернее – нечто гораздо худшее этой войны. Ведшие такую войну, когда после вспомнят о ней, то проклинают всячески зачинщиков ея, и все, что случилось на ней, приписывают злему демону, и те из них, которые больше других сделали на той войне, больше других и стыдятся; напротив, эти люди еще хвалятся своими буйствами. И не только потому эта война нечестивее той (междоусобной), что ведется против святых и ни в чем невиновных людей, но и потому, что (ведется) против таких людей, которые даже не умеют никому делать зла, а готовы только терпеть".

3. «Остановись, сказал я, остановись; довольно для нас и этих рассказов, чтобы мне не совсем лишиться дыхания; дай мне уйти хотя с небольшою силою. Приказание твое непременно будет исполнено; только не прибавляй нам никакого другого рассказа, но уйди и молись, чтобы рассеялось облако моего уныние и получил я от Бога, против Которого ведется эта война, некоторую помощь к уврачеванию восстающих на Него; а Он, конечно, подаст, как человеколюбивый и не хотящий «смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был» (Иез.33:11; Иез.18:32). Таким образом отослав его, я приступил к этому слову. Конечно, если бы зло состояло только в том, что святые Божии и дивные мужи бывают схватываемы и терзаемы, влекомы на судилища и подвергаемы побоям и другим страданиям, о которых я сейчас рассказал, а на главу виновников такого буйства не обращалось никакого вреда; то я не только не стал бы скорбеть о случившемся, но еще весьма много и с удовольствием посмеялся бы этому. Так малые дети, когда безвредно бьют матерей, возбуждают большой смех в тех, кого они бьют, и чем с большею раздражительностью делают это, тем более доставляют матерям удовольствия, так что они заливаются и надрываются от смеха, когда же дитя, делая это часто и порывисто, поранит себя или булавкою воткнутою в матерней одежде около пояса, или иголкою на груди матери, задевшю за руку дитяти: тогда уже мать, перестав смеяться, предается скорби больше самого пораненного и то лечит рану, то с сильною угрозою запрещает ему делать это впредь, чтобы опять не потерпеть того же самого. Так же и мы поступили бы, если бы видели в том деле детскую раздражительность и удар младенческий, не причиняющий им большого вреда. Но так как эти люди, хотя теперь, в пылу гнева, не предчувствуют, но спустя немного будут плакать, стонать и рыдать, не таким рыданием, как малые дети, но тем, что во тьме крошечной, что в огне неугасимом; то и мы с своей стороны сделаем то же, что – матери, с тем только различием от них, что не с угрозою и бранью, как они, но с ласковостию и полною кротостию скажем этим детям: «от этого святым мужам нет никакого вреда, напротив еще высшая награда и большее дерзновение; если мы станем говорить о будущих благах, вы, может быть, еще будете много смеяться, так как привыкли всегда над этим смеяться; а настоящему, хотя бы вы в тысячу раз более любили смеяться, вы непременно поверите, потому что не можете не верить, если бы и хотели, когда самые дела говорят против вас. Вы, конечно, слыхали о Нероне (этот человек был знаменит развратом; он первый и один при такой своей власти изобрел какие-то новые виды бесчинства и распутства). Этот Нерон, обвиняя блаженного Павла (который был ему современником) за то же самое, за что и вы – этих святых мужей (Павел, убедив самую любимую наложницу его принять учение веры, вместе с тем убедил ее прервать и нечистую с ним связь), обвиняя его за это, и называя и губителем, и обманщиком, и другими такими же именами, какие вы даете (отшельникам), сперва заключил его в узы, а как не мог заставить его, чтобы он перестал давать советы девице, то предал наконец смерти. Какой же отсюда произошел вред страдальцу? И какая польза злодею? Напротив, какой не было пользы умерщвленному тогда Павлу, и какого не было вреда убийце Нерону? Первый не воспевадается ли во всей вселенной, как ангел (говорю пока о настоящем), а последний не проклят ли всеми, как губитель и свирепый демон?»

4. «А о том, что там, если вы и не поверите, необходимо сказать для верующих, хотя и вам надлежало бы на основании здешнего верить и тамошнему. Впрочем, как бы вы ни отнеслись к этому, мы скажем и не скроем». Каково же будет тамошнее? Тот несчастный и жалкий (Нерон), объятый горестью и скорбью, покрытый стыдом и мраком, с поникшим взором, отведен будет туда, где червь неумирающий и огонь неугасающий, а блаженный Павел с великим дерзновением, станет пред самым престолом Царя, светло блистая и облекшись такою славою, что ни в чем не уступит ангелам и архангелам, и получит такую награду, какая следует человеку, предавшему тело и душу свою за веление Божии. Так, великое воздаяние уготовано делающим добро, но оно бывает больше и обильнее, когда делающие это добро подвергаются еще опасностям и великому бесчестию; пусть доброе дело будет одинаково, как у того, кто сделал его без труда, так и у того, кто совершил его с трудами; но почесть и венцы будут не одинаковы. Так и на войне (всякий) одержавший победу, конечно, награждается, но много более – тот, кто может еще показать у себя и раны, которыми он приобрел победу. Но что говорю я о живых, когда даже те, которые только тем и заявили себя, что храбро умерли на войне, а ничего более не сделали полезного соотечественникам, прославляются во всей Греции, как спасители и защитники! Неужели вы и этого не знаете, предаваясь постоянно смеху и забаве? Если же люди языческие и не имеющие ни о чем совершенно здравых понятий смогли понять это и великою честью почтили тех, которые только умерли за них, а больше не сделали ничего; то не гораздо ли более сделает это Христос, который страждущим за Него всегда дарует воздаяние с великим преизбытком? Подлинно великую награду Он назначил за перенесение не только гонений, ран, уз, убийства и смерти, но и одного лишь оскорбление и поносительных слов. «Блаженны вы», говорит Он, «когда возненавидят вас люди и когда отлучат вас, и будут поносить, и пронесут имя ваше, как бесчестное, за Сына Человеческого. Возрадуйтесь в тот день и возвеселитесь, ибо велика вам награда на небесах» (Лук.6:22,23). Итак, если перенесение страданий и злословий доставляет награду страждущим и злословимым; то препятствующий им страдать и слушать злословие доставляет пользу не им, а тем, которые говорят и делают зло. Им, напротив, причиняет он вред, лишая их высшей награды и отнимая у них основание большей радости и ликования, так что для них надлежало бы (нам) молчать и дать совершиться тому, что приготовляет им великое обилие благ и наибольшее дерзновение. Но так как мы члены друг друга, то, хотя бы сами они и отвергали дар, нам при таком взаимном отношении не должно, заботясь об одной части, оставлять без внимания другую. У тех (отшельников), если они теперь и не пострадают, будет иной случай заслужить добрую славу, а эти, если не прекратят вражды против них, не смогут уже спастись. Посему, оставив тех, останавливаюсь на вас, и прошу и умоляю последовать нашим увещаниям, не направлять более меча на самих себя, не идти против рожна, и не огорчать, думая оскорблять людей, Святого Духа Божия. Я знаю и уверен, что вы, если не теперь, то впоследствии одобрите этот наш совет; но желаю, чтобы вы сделали это теперь же, дабы после не делать этого напрасно. Так и тот богач (Лук. 16:19 и сл.), пока был здесь, считал пророков и закон и их наставление баснею и пустословием, а после того, как отошел туда, стал так уважать их увещания, что сознавая, что сам уже не в состоянии получить никакой пользы от этого уважения, просил патриарха послать кого-нибудь из ада с вестию к живущим на земле, боясь, чтобы и они не испытали некогда того же самого, и, посмеявшись над божественным Писанием, не стали уважать его тогда, когда уже не будет им никакой пользы от этого уважения. Между тем этот богач не сделал ничего такого, что вы делаете. Правда, он не уделял из своего имение Лазарю; однако, другим, которые хотели подавать, не препятствовал и не удерживал их, как вы теперь. И не этим одним вы превзошли его в жестокости, но еще и другим; потому что, как не все равно – самому ли не делать никакого добра, или и другим, желающим, препятствовать делать его, так не все равно – самому ли терпеть недостаток в телесной пище, или и одержимому сильным голодом любомудрие препятствовать питаться от других. Таким образом, вы вдвойне превзошли того жестокого богача, –

тем, что препятствуете другим утолять голод, и тем, что оказываете такое бесчеловечие в то время, когда гибнет душа. Так поступали некогда и иудеи. Они запрещали апостолам говорить людям о том, что необходимо для спасения (Деян. 4:18; 5:40). А вы хуже и их: они все то делали, как открытые враги, а вы, надев личину друзей, поступаете по-неприятельски. Они тогда били, поносили и бесславили святых апостолов, называя их чародеями и обманщиками: за то и постигла их такая казнь, что никакое несчастье не может сравниться с их бедствиями; ибо они первые и одни из всех людей, живущих под солнцем, пострадали так, как никто другой. Достоверный свидетель этому – Христос, который сказал: «будет великая скорбь, какой не было от начала мира доныне, и не будет» (Матф.24:21). Пересказывать все эти страдания их теперь не время, но из многого немного сказать необходимо. Впрочем скажу не своими словами, но словами иудея, который подробно описал их бедствие ¹. Что же он говорит? Рассказав о сожжении храма, и описав те необычайные бедствия, он говорит:

5. «Что до храма, он был в таком именно положении; а по городу валялось несчетное множество умирающих с голода, и происходили невыразимые ужасы. В каждом доме, где только показывалась хотя тень пищи, была война, и самые близкие друзья дрались между собою, чтобы отнять друг у друга жалкие средства жизни. Не верили даже умирающим, что у них нет пищи; но разбойники обыскивали и издыхающих, не притворяется ли кто умирающим, держа у себя за пазухою какую-либо пищу. Иные, разинув рот от голода, как бешенные псы, блуждали и бегали туда и сюда, толкаясь в двери подобно пьяным, и с отчаянием вторгались в одни и те же дома по два и по три раза в один час. Нужда все отдавала зубам; собирали и не гнушались есть даже то, что негодно даже для самых нечистых из бессловесных животных; не отказывались наконец от поясов и башмаков; сдирали и со щитов кожи и жевали их. Пищею для иных служили и клочья старого сена; а некоторые собирали помет, и самую малую меру его продавали за четыре аттика ². Но зачем говорить о бесстыдстве голодных по отношению к вещам бездушным? Укажу на такое действие их, о каком не повествуется ни у еллинов, ни у варваров, о котором и сказать страшно, и слушать невероятно. Чтобы потомки наши не подумали, будто я выдумываю небывалое, я с удовольствием умолчал бы об этом несчастье, если бы у меня не было бесчисленного множества свидетелей из моих современников; с другой стороны, я оказал бы отчизне плохую услугу, опустив из рассказа то, что она потерпела на самом деле. Одна женщина из числа заиорданских жителей, по имени Мария, дочь Елеазара, из селения Вифезо, что значит дом иссопа, знатная по происхождению и богатству, прибыв вместе с множеством других в Иерусалим, подверглась осаде. Все имущество ее, какое она взяла с собою из Нерееи и принесла в город, разграбили те, которые захватили власть над городом; а остатки запасов и все, что заготовляла она себе в пищу, расхищали оруженосцы, которые ежедневно вторгались к ней. Сильное негодование овладело женщиною, и она часто своею бранью и проклятиями раздражала против себя грабителей. Так как никто, ни от гнева, ни из жалости, не убивал ее, и хотя она и старалась найти что-либо съестное в других местах, но нигде уже невозможно было найти, а голод терзал ее утробу и мозги и еще сильнее голода воспалял ее гнев; то, под влиянием раздражения и крайности, она восстала на природу, и, схватив свое дитя (у ней был грудной мальчик), сказала: несчастное дитя, для кого, во время этой войны, голода и возмущения, я буду беречь тебя? У римлян, если мы и будем жить, под их владычеством (ожидает нас) рабство, этому рабству предшествует голод, а того и другого тяжелее бунтовщики: так будь же для меня пищею, для бунтовщиков фуриею, а для мира баснею, которой только и недостает в бедствиях иудеев. И с этими словами, она убивает сына; потом, изжарив его, половину съедает, а остальное скрывает и сберегает. Вскоре пришли бунтовщики и, ощутив необычайный запах, начали грозить, что тотчас убьют ее, если не покажет им, что она приготовила. А она сказав,

¹ Иосиф Флавий, О войне иудейской. Кн. VI, гл. III, 3–5.

² Аттическая драхма употреблявшаяся у евреев (Матф. XVII, 27, Лук. XV, 8) 1/4 статера = около 20 копеек серебром.

что сберегла для них прекрасную долю, показала остатки своего сына. Ужас и изумление тотчас объяли их и они окаменели при этом зрелище. Это родное дитя мое, сказала она, это мое произведение, ешьте, я уже ела; не будьте нежнее женщины и жалостливее матери; если же вы богобоязливы и гнушаетесь моим приношением, то как я уже половину съела, так мне же пусть достанется остальное. После этого они ушли, объятые трепетом, в этом одном оказавшись робкими и только эту пищу уступив матери. Тотчас весь город исполнился негодования, и всякий, имея пред глазами такое страшное дело, ужасался, как будто бы сам был виновником его. Голодавшие желали смерти и называли счастливыми тех, кто умер ранее, не слышав и не видев таких бедствий. Скоро разгласилось это страшное дело у римлян; одни из них не верили, другие жалели, большинство же еще сильнее возненавидело этот (иудейский) народ.»

6. Такие, и гораздо еще более тяжелые, бедствие потерпели иудеи, не только за то, что распяли Христа, но и за то, что впоследствии препятствовали апостолам говорить, что нужно для нашего спасения. В этом обвинил их и блаженный Павел и предсказал им эти бедствия, сказав: «приближается на них гнев до конца» (1Фесс.2:16). Но как, скажут, это идет к нам? Мы не отклоняем от веры и проповеди. А какая, скажи мне, польза от веры, когда нет жизни чистой? Но вы и этого, может быть, не знаете, так как и все наше не знакомо вам; посему я приведу вам изречение Христовы, а вы рассмотрите, ужели тогда (в день суда) вовсе не подвергнется суду жизнь, но определится наказание только за веру одну и догматы? Так Христос, взошедши на гору и увидев окружающий Его во множестве народ, после других наставлений сказал: «не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного»; и: «многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие» (Матф.7:21–23; Лук.13:27). Далее, всякого, кто слушает, но не исполняет слов Его, Он уподобил глупому человеку, который строит дом на песке и делает его удоборазрушимым от рек, дождей и ветров (Матф. 7:26, 27). И в другом месте проповедуя, Он говорит: «как рыбаки, извлеки сеть, выбрасывают вон худую рыбу; так будет и в тот день, когда ангелы ввергнут в печь всех грешников» (Матф.13:47–50). Также, беседуя о развратных и нечистых людях, Он сказал, что они отойдут туда, где червь не умирающий и огонь не угасающий (Марк. 9:43 и сл.). И еще, «царь», говорит, «сделал брачный пир для сына своего», и, «увидел там человека, одетого не в брачную одежду, и говорит ему: друг! как ты вошел сюда не в брачной одежде? Он же молчал. Тогда сказал царь слугам: связав ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю» (Матф.22:2,11–13; Зах. 3:3). Вот чем он угрожает людям развратным и распутным. А девы, не впущенные в чертог жениха, потерпели это за немилосердие и нечеловеколюбие. Да и другие опять, за эту же самую вину, пойдут «в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его» (Матф.25:41). Осуждаются даже те, которые произносят пустые и праздные слова: «от слов своих», говорит, «оправдаешься, и от слов своих осудишься» (Матф.12:37). Ужели же тебе кажется что напрасно мы боимся за жизнь и заботимся с великим усердием о нравственной части любомудрия? Не думаю; разве скажешь, что и Христос напрасно говорил все это и еще многое сверх этого: не все здесь приведено. А если бы я не затруднялся написать длинное слово, то научил бы и из пророков, и из блаженного Павла, и из других апостолов, какое попечение Бог явил об этой части. Впрочем, считаю достаточным и это, или лучше, не только это, но и малую часть сказанного; потому что, когда говорит Бог, то, хотя бы Он сказал однажды, должно принимать сказанное так, как бы оно было сказано многократно.

7. Что же, скажут, разве остающиеся дома не могут совершать те добродетели, неисполнение которых приносит такое наказание? Хотел бы и я не меньше, а гораздо больше вас, и часто молил, чтобы миновалась надобность в монастырях и такой бы настал добрый порядок в городах, чтобы никому никогда не нужно было убегать в пустыню. Но так как все пошло вверх

дном, и города, где судилища и законы, полны великого беззаконие и неправды, а пустыня произрашает обильный плод любомудрия, то справедливость требует, чтобы вы винили не тех, которые желающих спастись исторгают из этой бури и волнение и руководят к тихой пристани, но тех, которые каждый город делают столь недоступным и непригодным для любомудрия, что желающие спастись принуждены бывают убегать в пустыни. Скажи мне, если бы кто в полночь, взяв свечу, зажег большой и многолюдный дом, злоумышляя против спящих там, то кого мы назвали бы злым, того ли, кто будит спящих и выводит из этого дома, или того, кто сначала подложил огонь и поставил в такую крайность как живущих в доме, так и выводящего их? Также, если бы кто увидев, что какой-либо город находится во власти тирана, поражен болезнью и волнуется мятежем, убедил, кого мог из живущих в этом городе, бежать на вершины гор, а убедив вместе и помог бы им при этом удалении, то кого стал бы ты винить: того ли, кто обуреваемых среди города людей перевел из этой бури в ту тишину, или того, кто произвел такое кораблекрушение? И не думай, будто дела человеческие теперь в лучшем положении, нежели город, утесняемый тираном; нет они в положении, гораздо более тяжелом; потому что не человек, а какой-то лукавый демон, захватив, как свирепый тиран, всю вселенную, вселился со всем своим воинством в человеческие души; потом оттуда, как бы из какого кремля, ежедневно посылает всем нечестивые и злобные повеления, не браки только расторгает, не деньги приносит и уносит, не убийства несправедливые совершает, но, что много тяжелее этого, душу, уже сопрягшуюся с Богом, отлучает от общения с Ним, предаёт нечистым стражам своим и заставляет сообщаться с ними. А они, раз овладевши ею, обращаются с нею так гнусно и оскорбительно, как свойственно лукавым демонам, сильно и страстно желающим нашего позора и гибели. Сняв с нея все одежды добродетели, одев ее в рубища порочных страстей, грязные, изорванные и зловонные, которые позорят ее более, чем нагота, и наполнив ее еще всякою свойственною им нечистотою, они непрестанно хвастаются наносимыми ей поруганиями. И не знают никакой сытости в этом гнусном и непотребном обращении с нею, но, как пьяницы, когда уже сильно напьются, тогда еще более разгорячаются, так и они тогда особенно неистовствуют и сильнее и свирепее нападают на душу, когда наиболее повредят ей, поражая и уязвляя ее со всех сторон и вливая в нее свой яд; и отстают не прежде, как когда приведут ее в одинаковое с собою состояние, или увидят, что она уже отрешилась от тела. Какой же тирании, какого плена, какого возмущения, какого рабства, какой войны, какого кораблекрушения, какого голода не бедственнее это состояние? Кто так жесток и суров, кто так слабоумен и бесчеловечен, так неосстрадателен и безжалостен, что не захочет душу, терпящую столько позора и вреда, освободить, по мере сил своих, от этого окаянного неистовства и насилия, но оставит ее страдание без внимания? Если же это свойственно только жестокой и каменной душе, то как, скажи мне, мы отнесемся к тем, которые, сверх такого невнимания, делают еще другое, гораздо большее зло, которые людей готовых броситься в самую средину опасностей, не отказывающихся вложить руки свои в самую пасть зверя, но решающихся вытерпеть и смрад, и опасности, чтобы вырвать уже поглощенные души из самых челюстей демона, не только не хвалят и не одобряют, но еще гонять везде и преследуют?

8. Что же, скажет кто-нибудь, разве все живущие в городах погибают и обуреваются, и должны, оставив города безлюдными, переселиться в пустыню и жить на вершинах гор? Ужели ты повелеваешь это и узаконяешь? – Нет, напротив я, как раньше уже сказал, и желал и молюсь, чтобы мы наслаждались таким миром и тирания этих зол была бы настолько разрушена, чтобы не только живущим в городах не было нужды удаляться в горы, но и обитающие в пустынях, как долго скрывавшиеся беглецы, опять возвратились в свой город. Но что мне делать? Боюсь, чтобы, стараясь возвратит их отчизне, вместо этого не отдать их в руки лукавых демонов и, желая избавить от пустыни и бегства, не лишит всякого любомудрие и спокойствия. Если же ты указанием на многочисленность живущих в городе думаешь смутить и утратить меня, предполагая, что я не решусь осудить (на гибель) всю вселенную, то я возьму изречение

Христово и с ним стану против этого возражения. И ты, конечно, не решишься на такое дерзкое дело, чтобы противоречить определению Того, Кто будет тогда судить нас. Что же Он говорит? «Тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Матф.7:14). Если же мало находящихся, то гораздо менее могущих пройти этот путь до конца. Не все же, кто вступил на начало, имели силы остаться на нем и до конца; но одни потонули в самом начале, другие в середине, а многие – даже у самой пристани. И в другом месте Он говорит, что «много званных, а мало избранных» (Матф.20:16). Если же Христос объявляет, что погибающих более, а спасение ограничивается немногими, то что споришь со мною? Думая заградить нам уста тем, что мы не посмеем осудить такое множество, ты делаешь то же самое, как если бы, при разговоре нашем о случившемся во времена Ноя, стал изумляться, ужели все погибли, а только два или три человека избежали такого наказания. Но мы этим не убедимся и истине не предпочтем многолюдства; потому что и нынешние дела несколько не маловажное тогдашних, но тем более преступны, что за них уже угрожают геенною, и однако же зло не пресекается. Скажи мне, кто не называет брата глупцом? А это подвергает огню геенскому. Кто не смотрел на женщину похотливыми глазами? А это – уже совершенное любодеяние, любодей же неизбежно впадает в ту же геенну. Кто не клялся? А это, конечно, от лукавого; а что от лукавого, то несомненно заслуживает наказания. Кто не завидовал когда-нибудь другу? А это делает нас худшими язычников и мытарей; а что худшим их не избежать наказания, это для всякого очевидно. Кто совсем изгнал из сердца гнев и простил грехи всем против него погрешившим? А что не простивший будет неизбежно предан мучениям, этому не станет противоречить никто из слышавших Христа. Кто не служит мамоне? А кто стал служить ей, тот необходимо уже отказался от служения Христу, отрекшийся же от этого, необходимо отрекся и от собственного спасения. Кто не злословил тайно? А таких и Ветхий Завет повелевает убивать и лишать жизни. Чем же утешаемся мы в своем несчастном положении? Тем, что все, как бы по уговору какому, низринулись в бездну порока. Но это самое и есть важнейшее доказательство усиление болезни, когда нам доставляет утешение в несчастьи то, что должно быть причиною большей скорби. Многочисленность сообщников в грехах, конечно, не освобождает нас от виновности и наказания. Если же кто пришел уже в отчаяние от сказанного, тот пусть подождет немного, и тогда впадет в большее отчаяние, когда мы скажем о гораздо более тяжком, например, о клятвопреступлениях. По истине, если клясться – дело дьявольское, то какому наказанию подвергнет нас преступление клясть? Если название (брата) глупцом навлекает геенну, то чего не сделает опозорение брата, часто ничем не обидевшего нас, бесчисленными поносными речами? Если одно злопамятование достойно наказания, то какого мучение заслуживает мстительность? Но теперь еще не (время говорить) об этом; пусть сберегается оно для своего места. Не говоря о прочем, того самаго, что заставило нас вести настоящую речь, – этого одного недостаточно ли для обличение злокачественной нынешней болезни? Подлинно, если не чувствовать своих беззаконий и грешить без всякой о том скорби есть крайний предел порочности; то где поставить нам новых законодателей этого необычайного и нелепейшего закона, которые с большею дерзостью изгоняют учителей добродетели, нежели другие – учителей порока, и желающих исправлять (порочных) преследуют сильнее, нежели согрешивших; а лучше сказать, к этим не питают и неудовольствие и никогда их не осуждают, а тех, напротив, рады были бы съесть, и только что не кричат и словами и делами своими, что надобно крепко держаться порока и никогда не возвращаться к добродетели, так что мы должны преследовать не только стремящихся к ней, но и осмеливающихся подать голос за нее?

СЛОВО ВТОРОЕ К НЕВЕРУЮЩЕМУ ОТЦУ

ДОВОЛЬНО и того ³, чтобы возбудить изумление и ужас. И если бы кто теперь при этом произнес пророческое изречение: «подивитесь сему, небеса, и содрогнитесь, и ужаснитесь, говорит Господь» (Иер.2:12), и: «изумительное и ужасное совершается в сей земле» (Иер.5:30), все это он сказал бы благовременно. Но вот что тяжелее этого: негодуют и сердятся не только чужие и нисколько не близкие к тем, кому дается совет ⁴, но стали гневаться на это сродники и отцы. Впрочем, мне не безызвестно, что многие не очень удивляются тому, что так поступают отцы; а задыхаются, по их словам, от гнева, когда видят, что не отцы, не друзья, не сродники и не близкие с какой-либо другой стороны, а часто даже вовсе незнакомые к решающимся любомудрствовать относятся точно так же, и больше, чем отцы, досадуют, и преследуют и обвиняют тех, которые расположили их (к монашеству). Но мне удивительным кажется противное; потому что нет ничего странного в том, что не имеющие никакого основания оказывать заботливость и дружбу скорбят о чужом благополучии, то, увлекаясь завистью, то, по своей злобе считая, – конечно, безумно и жалости достойно, однако же, считая, – чужую гибель своим счастьем. Но что те, которые родили (детей), воспитали, каждый день молятся о том, чтобы видеть детей счастливее самих себя, и для этого делают и терпят все, – что и они как бы от какого опьянения вдруг переменяются и скорбят, когда дети их обращаются к любомудрию: вот этому более всего я удивляюсь, и это считаю достаточным доказательством всеобщей испорченности. Никто не скажет, чтобы это бывало и в прежние времена, когда явно господствовало заблуждение. Случилось, правда, однажды в греческом городе, бывшем под властью тирана, – притом не из родителей кто, как ныне, а овладевшие акрополем, вернее же и эти не все, но преступнейший из них, призвав Сократа, приказал ему не говорить о любомудрии. Но он дерзнул на это, как тиран, неверующий и жестокий, всячески старавшийся ниспровергнуть общественный строй, радовавшийся чужому несчастью и знавший, что ничто иное так не может расстроить самое прекрасное общество, как подобное приказание. А эти (родители), – верующие, живущие в благоустроенных городах и заботящиеся о детях своих, – отваживаются говорить то же самое, что тот тиран о подвластных ему, и – не стыдятся! Вот их негодованию надобно удивляться более, нежели (негодованию) других. Посему я, оставив других, обращусь к тем, которые особенно заботятся о детях, или лучше, должны бы заботиться, но совсем не заботятся, с речью тихою и весьма кроткою, и попрошу их не сердиться и не досадовать, если кто скажет, что он лучше их самих знает, что полезно их детям. Родить сына – мало для того, чтобы родивший уже и научил полезному рожденного им; рождение, конечно, много содействует любви к рожденному; но чтобы точно знать, что полезно ему, для этого не достаточно только родить и любить. Если бы это так было, то ни один человек не должен бы видеть лучше отца, что полезно его сыну, так как никто другой не может любить сына больше отца. Между тем и сами отцы делами своими показывают свое невежество в этом, когда сами ведут детей к учителям, поручают их воспитателям, со многими советуются, озабочиваясь избранием рода жизни, которому надобно посвятить сына. И удивительно еще не это, но то, что родители, при таком совещании о своих детях, часто отвергают свое собственное мнение и останавливаются на чужом. Пусть же они не досадуют и на нас, если скажем, что мы лучше знаем, что полезно для них; и только в том случае, если мы не докажем этого в слове, пусть обвиняют и укоряют нас, как хвастунов, губителей и врагов всей природы.

2. Каким же образом будет это очевидно и откуда мы узнаем, кто действительно видит, что полезно, и кто только думает, будто видит, а между тем совсем не видит? Таким образом,

³ О чем, т. е. сказано в конце первого слова.

⁴ Посвятить себя монашеской жизни.

если мы, выставив мои слова, как бы каких противников, на испытание и состязание, суждение об этом предоставим беспристрастным судьям. Хотя закон борьбы повелевает иметь дело с христианином и только с ним состязаться, а больше ничего не требует от нас: «ибо что мне судить и внешних» (1Кор.5:12); но так как у детей, стремящихся к небу, часто бывают отцы неверующие: то, хотя закон борьбы и освобождает нас от состязания с ними, мы сами добровольно и охотно выйдем против них первых. И, о если бы у нас состязание было только с ними, хотя оно и труднее и больше представляет столкновений! Ибо «душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием» (1Кор.2:14); и здесь может быть тоже, как если бы кто стал убеждать возлюбить царство такого человека, который не хочет еще верить и в его действительность. Не смотря, однако же, на то, что наше слово так стеснено, я хотел бы, чтобы это состязание у меня было только с ними одними. Против верующего у нас, конечно, много доказательств, но удовольствие, доставляемое изобилием доказательств, помрачается чрезмерностью стыда; потому что я стыжусь, когда вынуждаюсь и с ним состязаться об этом; и боюсь, чтобы язычник не стал выставлять против меня только это одно, как справедливое возражение, так как во всем остальном я, по милости Божией, легко склоню его на свою сторону, и, если он захочет быть добросовестным, скоро доведу его не только до любви к этой (монашеской) жизни, но и до самого расположения к догматам, в котором жизнь эта имеет свое основание. Я так мало боюсь состязания с ним, что наперед еще более вооружу его моим словом, и потом уже приступлю к борьбе. Предположим, что этот отец не только язычник, но и богат и знаменит более всех людей, облечен великою властью и имеет много полей, много домов и тысячи талантов золота; пусть он происходит из царственнейшего города и от знатнейшего рода; пусть не имеет других детей и больше иметь их не надеется, и только об этом одном (сыне) беспокоится; пусть и сам сын с блестящими надеждами и скоро надеется достигнуть такой же власти и даже сделаться знаменитее отца и затмить его во всем житейском. Среди таких надежд пусть затем придет кто-нибудь, побеседует с ним о любомудрии и убедит его, презрев все это, одеться в грубую одежду и, оставив город, убежать в горы и там садить, поливать, носить воду и исправлять все другие монашеские работы, кажущиеся мало-важными и унижительными. Пусть будет он без обуви, спит на земле, сделается худ и бледен, — этот прекрасный юноша, живший в такой роскоши и в почете и имевший такие надежды, — и пусть будет одет беднее рабов своих. Не довольно ли оснований (к жалобам) дали мы обвинителю, и недостаточно ли вооружили противника? Если же не достаточно, то доставим ему и другие предлоги. Пусть после этого (отец) употребляет все меры к тому, чтобы переубедить сына, и все напрасно, как будто сын его стоит на камне, выше рек, дождей, и ветров; пусть плачет и проливает слезы, чтобы возбудить против нас сильнейшее негодование, и пред всеми постоянно обвиняет нас, так: я родил, воспитал, трудился целую жизнь, делая и терпя все, что обыкновенно случается при воспитании детей, имел добрые надежды, советовался с воспитателями, призывал учителей, тратил деньги, часто не спал ночей от забот о благоустройении и образовании его, чтобы он ни в чем не отстал от своих предков, но оказался бы еще славнее всех; ожидал, что он утешит меня в старости; с течением времени думал об его жене и браке, о начальстве и власти. Но вдруг как бы какая гроза или буря откуда-то набежала, и богатый корабль, наполненный множеством груза, совершивший дальний путь по морю, плывший под благоприятным ветром и бывший уже близ самой пристани, затопила почти при входе в нее; и грозит опасность, чтобы буря не обрушила на голову такого богача не только бедность, но и жалкую смерть и погибель: так случилось теперь со мною. Проклятые губители и обольстители (пусть он говорит и это, мы не обидимся), лишив таких надежд питателя старости моей, как бы какие разбойники, увели в свои вертепы и так очаровали его своими речами, что он готов лучше идти на меч, в огонь, на зверей и на что бы то ни было, нежели возвратиться к прежней хорошей жизни. А еще тяжелее то, что, склонив его к этому, они говорят, будто лучше нас видят, что ему полезно. Опустили дома, опустели поля; исполнились печали и стыда земле-

дельцы и слуги; повеселели от моих бед враги; закрывается от печали друзья. Никакая мысль не занимает меня, разве подложить огонь и сжечь все – и дома, и поля, и стада волов и паствы овец. Какая будет мне от всего этого польза, когда нет уже того, кто стал бы пользоваться этим, когда он сделался пленником и у жестоких варваров несет рабство, тягчайшее всякой смерти? Я одел всех слуг в черную одежду, посыпал головы пеплом, собрал толпы женщин и приказал им оплакивать его сильнее, нежели когда бы видели его умершим. Простите меня, что я так сделал: это моя печаль более той. Уже тяжелым мне кажется свет, неприятны и самые лучи солнца, когда подумаю о положении этого несчастного сына, когда увижу его одетым хуже беднейших поселян и посылаемых на самые унижительные работы. Когда представлю его непреклонность, то воспаляюсь, терзаюсь, разрываюсь.

3. С этими словами пусть он повергается к ногам слушателей, посыпает пеплом голову, покрывает прахом лицо и умоляет всех подать (ему) руку, пусть рвет на себе седые волосы. Кажется, мы хорошо настроили обвинителя, чтобы воспламенить всех слушателей; и убедить их сбросить в пропасть виновников этого. Для того и довел я слово до крайнего предела всяких обвинений, чтобы, когда так сильно вооруженный будет побежден нами по благодати Божией, другие не могли ничего сказать; потому что, если будут заграждены уста у имеющего все это вместе, то не имеющий всего этого вместе (все же это сойтись вдруг не может) легко уже уступит нам победу. Пусть же он говорит это и еще больше этого. А я попрошу судей, чтобы они не теперь жалели этого старца, но когда мы докажем, что он горюет о сыне, который не потерпел никакого зла, а наслаждается великими благами, такими, выше которых нельзя и найти других. Тогда он действительно будет достоин жалости и слез, потому что он не в состоянии понять счастье своего сына, и даже так далек от этого, что оплакивает его, как бы находящегося в величайшем несчастье. С чего же начнем слово к нему? С богатства и денег, так как и он сам больше всего скорбит об этом, и всем кажется самым ужасным именно то, если богатые юноши привлекаются к этой (монашеской) жизни. Скажи мне, кого все мы ублажаем и называем достойным подражанием: того ли, кто постоянно томится жаждою и прежде, чем выпьет первую чашу, чувствует уже нужду в другой, и в таком состоянии находится всегда, или того, кто стоит выше этой потребности, всегда свободен от жажды и никогда не чувствует нужды в таком питии? Первый, не похож ли на больного горячкою, который томится самою жестокою жаждою, хотя и может черпать воду из источников, а последний, не свободен ли истинною свободою, не здрав ли истинным здоровьем, и не выше ли человеческой природы? Что еще? Если бы кто, любя женщину, постоянно жил с нею, но от сожительства только бы сильнее воспламенялся к ней, а другой был бы свободен от этой безумной страсти и даже во сне не уловлялся бы похотью: кто из них для нас достойный подражания и блажен? Не этот ли? А кто несчастен и жалок? Не тот ли, который страдает этою тщетною любовью, ничем неугасимую и от придумываемых лекарств еще более возбуждаемую? Если же, сверх сказанного, он считает себя счастливым в болезни и сам не хочет освободиться от этой потребности, и даже оплакивает, как теперь этот (отец), свободных от этой страсти: в таком случае, не более ли еще он несчастен и жалок, потому что не только болен, но даже и не знает, что он болен, а поэтому и сам не хочет освободиться (от болезни), и свободных от нее оплакивает? Поведем же речь о страсти к деньгам и посмотрим кто несчастен и жалок? Эта страсть сильнее и неистовее тех и может причинить более скорби, не потому только, что жжет сильнейшим огнем, но и потому, что не поддается никакому придумываемому облегчению и гораздо упорнее тех. Любящие вино и плотские удовольствия, после наслаждения, скорее почувствуют пресыщение, нежели одержимые безумным пристрастием к богатству. Тех потому мы и вынуждены были изобразить словом, что не скоро можно увидеть на опыте такие явления, и этой болезни много примеров можем представить из опыта. Так по этому ли, скажи мне, ты оплакиваешь сына, что он освободился от такого безумия и такой опасности, что не предается неизлечимой страсти, что стал вне этой войны и борьбы? Но с ним, скажешь, не случилось бы этого, он не стал бы желать

большого, но для него довольно было бы пользоваться тем, что есть? Теперь ты говоришь то, что противно, так сказать, природе. Но пусть будет и так; допустим на словах, что он не захочет приращивать своего имения и не увлечется этою страстью: но и в таком случае я докажу, что он наслаждается теперь большим спокойствием и удовольствием. Что легче, заботиться ли о столь многом, быть связанным такою бдительностью и рабством, и страшиться, как бы не погибло что-нибудь из имения, или быть свободным и от этих уз? Положим, что он не пожелает других тяжестей: но гораздо лучше отвергнуть и те, которые уже наложены; потому что, если не нуждаться в большем считается величайшим благом, то не иметь нужды и в том, что есть, было бы еще большим счастьем. Доказано уже, что человек, не мучимый жаждою и любовью (ибо ничто не препятствует обратиться к прежним примерам), гораздо блаженнее не только тех, которые постоянно жаждут и всегда распаляются любовью, но и тех, которые хотя не надолго подвергались этому и удовлетворяли похоти, так как он вовсе не испытал такой потребности. Опять спрошу тебя: если бы можно было и превосходить всех богатством, и быть свободным от бедствий, происходящих от богатства, то ужели ты не пожелал бы тысячу раз такого счастья, чтобы не страдать ни от зависти, ни от клеветы, ни от забот, ни от другого чего-либо подобного? Итак, если мы докажем, что сын твой и это имеет, и что он теперь гораздо богаче, перестанешь ли ты, наконец, плакать и жаловаться так горько? Против того, что он освободился от забот и прочих, неразлучных с богатством бедствий, и сам ты спорить не будешь: посему и нам нет надобности говорить с тобой об этом. Но ты хочешь знать, как это он богаче тебя, у которого столько имущества? И этому мы научим тебя и покажем, что ты, думающий о нем, будто он теперь в крайней бедности, сам таков в сравнении с ним.

4. Не думай, что мы станем говорить о благах небесных и имеющих быть после отшествия отсюда; мы употребим в доказательство пока те блага, которые у нас в руках. Итак, ты – господин только собственного твоего имущества, а он – всего, что есть во всей вселенной. Если же ты не веришь, то мы поведем тебя к нему и убедим его, что бы он, сошедши с горы, или лучше, оставаясь там, приказал кому-либо из очень богатых и благочестивых прислать (к нему) столько золота, сколько ты хочешь; или, так как он не возьмет себе этого, приказал бы лучше отдать золото кому-нибудь нуждающемуся: и ты увидишь, что этот богач послушается и даст с большею готовностью, чем кто-нибудь из твоих домоправителей. Этот последний, когда ему приказывают истратить что-нибудь, бывает скучен и угрюм, а тот напротив, когда не тратит, тогда и беспокоится, не провинился ли в чем-нибудь, что ему ничего такого не приказывают. И я могу указать многих, не только из знатных, но и из простого состояния – таких, которые имеют столь великую силу. Притом же ты, если твои домоправители растратят вверенное им, не можешь вытребовать (от них) другого, и от их злодейства твое богатство тотчас превратится в бедность; а сын твой не боится этого. Если один обеднеет, он прикажет другому, если и с этим случится то же, он обратится к иному, и скорее могут иссякнуть источники вод, нежели те, которые в этом будут послушны ему. Если бы ты держался нашего учения, то я рассказал бы тебе много подобных великих примеров, но так как ты принадлежишь язычеству, то и отсюда я могу представить пример. Послушай, что говорит Критон Сократу ⁵: «мои деньги принадлежат тебе, и, я думаю, их довольно; если же забота обо мне, ты не хочешь тратить моих денег, то иностранцы здесь готовы тратить свои; довольно серебра принес на это самое Симмиас фивский, готов и Кевис, и многие другие; итак по этому опасению, как я говорил, не отказывайся спасти себя; пусть не затрудняет тебя и то, что ты говорил на суде, т. е. что, по выходе отсюда, ты не знал бы, что делать с собою; и во многих других местах, куда бы ты ни пришел, полюбят тебя; если же захочешь отправиться в Фессалию, там есть у меня знакомые, которые окажут тебе великое уважение и доставят тебе безопасность, так что у тебя ни в чем не будет недостатка в Фессалии». Что приятнее такого богатства? Впрочем, это (сказано тебе) как человеку

⁵ В разговоре философа Платона: Критон, р. 45.

мирскому. Если же мы захотим рассуждать о богатстве с большим любомудрием, то ты, может быть, и не в состоянии следить за (нашим) словом; мне, однако же, необходимо сказать об этом для судей. Богатство добродетели так велико, настолько приятнее, настолько вожаденнее, что обладающие им никогда не захотят взять вместо него и всю землю, хотя бы она была вся золотую – с горами, с морем и с реками. И если бы это было возможно, то ты на самом опыте узнал бы, что это – не слова только хвастливые, но что действительно нашедшие гораздо большее и важнейшее богатство станут презирать все прочее, и никогда не променяют его на это. И что я говорю: променяют? Они даже не захотят взять этого вместе с ним. Вам если бы кто давал богатство добродетели вместе с деньгами, вы взяли бы распростертыми руками: так и вы признаете его чем-то великим и дивным. Но те не возьмут вашего при своем: так они уверены в его ничтожестве. И это опять я объясню вашими примерами. Сколько, думаешь, денег дал бы Александр Диогену, если бы тот захотел взять? Но тот не захотел; а этот усиливался и предпринимал все, чтобы быть в состоянии когда-нибудь достигнуть богатства Диогенова.

5. Хочешь ли увидеть и с другой стороны свою бедность и богатство твоего сына? Так ступай, отними у него одежду, которая только одна и есть у него, выведи его из кельи, разори его убежище, и при этом ты не увидишь его недовольным и печальным, но он еще будет благодарить тебя за то, что ты ведешь его к большему любомудрию; а если у тебя кто отнимет только десять драхм, ты никогда не перестанешь плакать и горевать. Кто же богат: тот ли, кто терзается из-за малого, или – кто презирает все? И не только это сделай с ним, но изгони его из всей страны; и ты увидишь, что он станет смеяться над этим как над детскою игрою. Если бы тебя кто изгнал только из отечества, ты стал бы ужасно страдать и не перенес бы такого несчастья; а он, как собственник всей земли и моря, так легко и беспечно будет переходить с одного места на другое, как ты ходишь по своим полям, и даже еще легче; потому что тебе, хотя и можно ходить по своим полям, необходимо, однако же, проходить и по чужим, а он по всей земле пойдет, как по своей собственной. Питие ему везде доставляют в изобилии озера, и реки, и источники, а пища для него – овощи, травы и во многих местах хлебы. Не говорю еще тебе о том, что он презирает и всю землю, потому что город его – небо. И если должно будет ему умереть, он веселее примет смерть, чем вашу роскошь, и лучше пожелает умереть в таком состоянии, чем вы в отечестве и на постели; так что можно назвать странником, изгнанным и скитальцем, имеющего отечество и живущего в (своем) доме, а не его отрешившегося от всего этого. Даже изгнать его из отечества ты не можешь, пока не сгонишь со всей земли; пока так пусть будет сказано; а, говоря по правде, тогда именно и препроводишь его в отечество, когда сгонишь с земли. Но это еще не для тебя, не знающего ничего больше видимого. Не можешь ты представить его и нагим, пока он облечен одеждами добродетели; не изнуришь его голодом, доколе он знает истинную пищу. А богатые подвержены всему этому, так что и в этом отношении не ошибется тот, кто назовет их бедными и очень бедными, а тех действительно богатыми. Ибо кто может везде найти в изобилии и пищу, и питье, и жилище и отдых, и не только не тяготится, но даже веселее живет в этих обстоятельствах, чем вы в своих, – тот, очевидно, богаче всех вас богачей, которые всем этим можете пользоваться только дома. Оттого он никогда и не жалуется на бедность. Притом, такое богатство лучше не только по его изобилию и приятности, но и потому, что оно не истощимо, никогда не обращается в бедность, не подлежит неизвестности будущего, не причиняет забот и не поддается зависти, но пользуется удивлением, и похвалою, и всякою честью; тогда как у вас оказывается противное. Вас не только не хвалят за богатство, но многие даже ненавидят и отвращаются, завидуют вам и строят козни, он же, так как владеет истинным богатством, за это особенно и пользуется удивлением, поэтому и не преследуется ни завистью, ни кознями. А кто крепче здоровьем? Не владеющий ли таким богатством, как пользующийся чистым воздухом, и здоровыми источниками, цветами и лугами и свежим благоуханием, цветет и крепнет, подобно полевым животным, а тот, как бы лежащий в грязи, не слабее ли и не больше ли расположен к болезням? Если же он

имеет пред тем преимущество в здоровье, то, очевидно, и в удовольствии. Ибо кто, думаешь ты, больше наслаждается удовольствиями? Тот ли, кто покоится в высокой траве, у чистого источника, под тенью ветвистых деревьев, насыщает глаз созерцанием, имеет душу чище неба и находится вдали от шума и смятения, или тот, кто заключен в комнате? Мрамор, конечно, не чище воздуха, и тень от кровли не приятнее тени древесной, а пол каменный не лучше луга, – украшенного разными цветами. Свидетели этому вы, богачи, которые, если бы возможно было вам иметь на кровлях деревья и приятные луга, предпочли бы их золотой кровле и дивным стенам. Посему вы, когда является желание отдохнуть от множества трудов, оставляете эти (стены) и идете к тем (лугам). Но ты, может быть, скорбишь о той великой и важной славе, которой здесь совсем не видно? Сравнивая дворец с пустынею и тамошние надежды со здешними, ты думаешь, что сын твой упал с самого неба. Так наперед надобно узнать тебе, что ни пустыня не делает бесчестным, ни дворец – славным и знатным; и прежде, нежели приступим к умственным доказательствам, я рассею твое недоразумение примерами, не нашими, а вашими. Слыхал ты, конечно, о Дионисие сицилийском, слыхал и о Платоне, сыне Аристоновом. Кто же из них, скажи мне, был знаменитее, кто воспевается и всегда вспоминается устами многих? Не философ ли преимущественно пред тираном? Между тем этот владел всею Сицилией, проводил время в роскоши и в течение всей жизни был окружен богатством, копьеносцами и прочим блеском, а тот проводил время в саду Академии, сажал и поливал деревья, ел маслины, имел скудный стол и был чужд всего того блеска. И не столь удивительно еще это, как то, что он, и сделавшись рабом, и быв продан по воле тирана, не только не оказался вследствие этого бесславнее его, но и самому тирану показался за это достойным уважения. Такова добродетель! Она не только делами, но и страданиями своими не оставляет в темноте и неизвестности и саму себя и исполняющих ее. А учитель его, Сократ? Насколько он был знаменитее Архелая? Между тем этот был царь и жил очень богато, а тот проводил время в Лицее, не имел ничего кроме одной одежды, в которой являлся зимою и летом и во все времена года, ходил всегда без обуви, по целому дню оставался без пищи, питался одним хлебом, который и заменял для него все блюда и кушанья, даже и этого пропитания не имел дома, а получал его от других, проживая в такой крайней бедности; однако же, был настолько знаменитее того царя, что и после многократных приглашений его к нему не хотел оставить Лицея и пойти к его богатству. Из господствующего ныне мнения о них видно и то, что было прежде: их имена известны многим, а тех (Дионисия и Архелая) – никому. Еще иной философ синопский (Диоген) настолько был богаче многих таких царей, – хотя и ходил в рубищах, – что (Александр) македонский сын Филиппа, когда вел войско против персов, оставив все, пошел посмотреть на него, и спрашивал, не нуждается ли он в чем и не прикажет ли чего; а тот отвечал, что ни в чем (не нуждается). Не довольно ли тебе примеров, или хочешь, чтобы мы напоминали и о других? Эти мужи сделались знаменитее не только знатных царедворцев, но и самого царя, избрав частную и мирную жизнь и не захотев даже приближаться к делам общественным. Но и в самом обществе гражданском увидишь прославившимися не тех, которые жили в богатстве, роскоши и изобилии, а тех, которые проводили жизнь в бедности, в простоте и скромности. У афинян – Аристид, которого, по смерти, похоронило на свой счет государство, был настолько знаменитее Алкивиада, отличавшегося и богатством, и происхождением, и роскошью, и силою слова, и да крепостью тела, и благородством, и всем другим, насколько дивный философ – какого-нибудь простого мальчика. У фивян – Епаминонд, человек, который, получив приглашение в собрание, не мог придти туда, потому что одежда его находилась в мытье, а другой для перемены он не имел, был знаменитее всех тамошних военачальников. Так не говори же мне ни о пустыне, ни о дворце; слава и знатность не в местах, не в одеждах, не в сане и не во власти, но только в душевной доблести и любомудрии.

6. Но так как примеры не имеют (решающей) силы, то поведу речь о самом твоём сыне. Мы найдем, что он не только стал теперь знаменитее, но почтеннее, и потому самому, за что

ты называешь его бесславным и униженным. Убедим его, если хочешь, сойти с горы и войти на площадь: и ты увидишь, что весь город обратится (к нему), и все станут указывать на него, удивляться ему и изумляться, как если бы ангел какой сошел с неба. Что же еще другое считаешь ты принадлежностью славы? Подлинно он будет знаменитее не только царедворцев, но и самого облакающего в диадему, ради своих простых и изношенных одежд; потому что он не так изумлял бы всех, если бы носил золотую, или вернее пурпурную одежду, даже надевал на голову самый венец, сидел на шелковых коврах, ездил на мулах и был сопровождаем златоносными оруженосцами, как теперь, имея грязный и неопрятный вид, нося грубую одежду, шествуя без всяких спутников и без обуви. Ибо царские принадлежности установлены законами и стали обычными, и поэтому если бы кто стал с удивлением говорить о царе, что он одет в золотую одежду, то мы не только не удивимся, но и посмеемся этим словам, как не содержащим ничего необычного; но если о твоём сыне кто-нибудь, пришедши, скажет, что он, презрев отцовское богатство, отринув житейский блеск и став выше мирских надежд, удалился в пустыню и оделся в ветхую и худую одежду, то все тотчас сбегутся, и станут удивляться и восхвалять его за величие души. Притом, если цари подвергнутся многим нареканиям, золотые одежды несколько не защитят их, тем более не возбудят удивления к ним; а он и одежками своими подаст много поводов к удивлению. Таким образом, самая одежда более царской делает его видным и знаменитым, если за эту никто еще не удивлялся царю, а за ту все будут изумляться облеченному ею. А что мне, скажешь ты, пользы во мнении и похвалах толпы? Но слава и состоит не в другом чем, а в этом. Я не нуждаюсь в ней, скажешь ты, а ищущу власти и чести? Но восхваляющие, конечно, будут и почитать. Если же ты желаешь власти и начальствования, то и это не меньше, чем предыдущее, мы найдем преимущественно у здешних. Можно бы объяснить это и примерами, но, обращаясь к наиболее утешительному для тебя способу, поведем речь применительно не к кому-нибудь другому, а к самому твоему сыну. Что ты считаешь доказательством величайшей силы? Не то ли, чтобы быть в состоянии мстить причиняющим огорчение и вознаграждать делающих добро? Но такой силы вполне нельзя найти даже у царя; потому что и ему причиняют огорчение многие, которым он не может воздать тем же, и делают добро многие, которых ему не легко вознаградить. Так на войнах часто врагам, причинившим множество огорчений и зол, он желал бы отомстить, но не может; и друзьям, оказавшим там великие заслуги, не может воздать соразмерных наград, когда они, предвосхищенными прежде воздаяния, падают в самой войне. Что же, если мы покажем, что твой сын обладает иною силою, гораздо большею той, которою, как доказало наше слово, не пользуются и цари? Никто впрочем, пусть не думает, что мы говорим о благах небесных, в которые ты не веруешь; мы не забыли обещаний; но мы будем заимствовать доказательства из того, что бывает здесь. Если величайшая сила состоит в том, чтобы быть в состоянии мстить оскорбившим; то гораздо выше ее – достигнуть такого состояния жизни, в котором никто, хотя бы и захотел, не может оскорбить нас. Что такое (состояние) выше того, это будет нам ясно и очевидно, когда обратимся к другому примеру. Скажи мне, что лучше, быть ли столь искусным в военных делах, чтобы никто из ранивших нас не убежал не раненным, или приобрести такое тело, которого бы никто, сколько бы ни старался, не может поранить? Для всякого очевидно, что последнее – могущественнее и божественнее первого. И не только одно это, но есть и еще даже высшее (могущество). Какое же это? Знание лекарств, которыми вылечиваются все раны. Итак, из трех видов могущества, первого – чтобы быть в состоянии мстить обидевшим; второго, высшего – чтобы и лечить собственные раны, а это, конечно, не всегда следует за первым, и третьего – чтобы не быть оскорбляемым ни от кого из людей, что конечно выше и природы человеческой, – сын твой, как мы доказали, обладает последним.

7. Для доказательства, что эти слова не пустой звук, мы в то самое время, как искали этого великого могущества, нашли другое, еще высшее и этого. Всякий может увидеть, что им (отшельникам) не только никто не может, но и не захочет сделать зло, так что сын твой вдвойне

пользуется безопасностью. Что же может быть блаженнее такой жизни, в которой никто и не захочет, а если бы и захотел, то не сможет сделать зла – особенно, когда нехотение происходит не от бессилия, как бывает со многими, но от того, что нельзя найти никакой к тому причины? Если бы неделание зла зависело только от бессилия, то оно было бы не так важно: даже ненависть родилась бы у тех, которые хотели бы, но не могут сделать зло. А это состояние заключает в себе не мало блаженства. Его мы, если угодно, и рассмотрим наперед. – Кто же скажи мне, захочет когда-нибудь причинить вред тому, у кого нет ничего общего с людьми, ни договоров, ни земли, ни денег, ни дел, ни чего-либо другого? За какое поместье станет спорить с ним, за каких рабов, за какую честь, по какому опасению, по какому оскорблению? Вредить другим побуждает нас либо зависть, либо страх, либо гнев. Но этот царственнейший человек выше всего. Кто позавидует тому, который смеется над всем тем, о чем другие бьются и хлопочут? Кто будет сердиться, не потерпев никакой обиды? Кто станет бояться, ничего не подозревая? Итак, ясно отсюда, что никто не захочет вредить ему; так же ясно и то, что не смогут, если и захотят; потому что нет ни случаев, ни поводов, почему бы кто напал на него; но как высоко парящий орел никогда не может быть уловлен сетью (расставленною) для воробьев, так точно и этот человек. Чем может кто повредить ему? Денег у него нет, чтобы угрожать ему потерю их; родины он не имеет, чтобы устрашать его ссылкой; славы он не ищет, чтобы обесславить его; остается одно – смерть; но ею в особенности никогда и не сможет огорчить его кто-либо, но еще принесет ему величайшую пользу, потому что поведет его к другой жизни, вожделенной для него, для которой он все делает и трудится, и которая для него – прекращение трудов, не наказание, но избавление и отдохновение от подвигов. Хочешь ли узнать и другой вид его могущества, еще более свойственный любомудрию? Если кто сделает ему множество зла, ударит его или свяжет, то тело его естественно поражается, но душа по любомудрию остается невредимою; она не увлекается гневом, не уловляется ненавистью, не побеждается враждою. И это еще не так важно; гораздо удивительнее этого вот что: он любит сделавших ему столько зла, как благодетелей и покровителей, и молится, чтобы у них было всякое благо. Что равное этому дал бы ты ему, если бы тысячу раз сделал его царем вселенной и продолжил это царствование на тысячи лет? Какой багряницы, какой власти, какой славы не почтеннее это приобретение? Чего бы не дал иной, чтобы получить такую душу? Мне кажется, что и страстные плотоугодники пожелали бы такой жизни. Хочешь ли и с другой стороны видеть еще более дивное и приятнейшее могущество этого мужа, – со стороны, хотя не возвышенной, но для тебя особенно приятной? Из сказанного видно, что он не уловим и неуязвим; но не желаешь ли знать, что он еще может покровительствовать другим и доставлять им совершенную безопасность? Первый вид покровительства состоит в том, чтобы и других довести до той же доблести и таким образом сделать их крепкими; если же они не захотят этого, но станут проводить жизнь более человеческую и земную, то и в ней также ты увидишь его, не имеющего ничего, имеющим больше могущества, чем ты, богач, и главным образом именно потому, что он ничего не имеет. Кто с большею смелостью станет беседовать с царем и высказывать укоризны? Ты ли, владеющий столь многими и поэтому ответственный пред слугами его, опасющийся за все и представляющий ему тысячи случаев, если бы он, разгневавшись, захотел огорчить тебя, или тот, стоящий выше рук его? С царями беседовали с великою смелостью особенно те, которые удалились от всего житейского. Кому скорее уступит и окажет внимание человек сильный и обращающийся во дворец: тебе ли, богачу, которого он подозревает, что часто многое делаешь для денег, или тому, у кого одно только побуждение для распоряжений – человеколюбие к другим? Кого он почит и уважит: того ли, кого не может подозревать ни в чем низком, или того, кого считает ниже и слуг своих? Конечно, более слушаются этих (отшельников), ходатайствуют ли они о денежных выдачах, или о покровительстве.

8. Но, если хочешь, пусть он во всем успевает не чрез других, но сам собою: мы приведем какого-нибудь страдальца и к нему и к тебе, или лучше, не к тебе, а к самому царю, и посмот-

рим, кто более будет в силах помочь ему. Пусть первым подойдет пострадавший более всех других. Пусть будет это отец, имевший одного только сына и потерявший его во цвете возраста. Ему ни начальник, ни царь, ни другой кто не в состоянии будет помочь, равно как и ты; потому что не дашь ему ничего равного тому, что он потерял. А если ты приведешь его к твоему сыну, то он, прежде всего, ободрит его видом своим, одеждою и жилищем, и внушит ему считать за ничто все человеческое; а потом и словами легко рассеет облако. Из твоего же дома он вынесет еще больше печали; потому что, когда увидит он, что твой дом свободен от бедствий, исполнен великого благоденствия и имеет наследника, то будет еще более мучиться, тогда, как оттуда выйдет более спокойным и более любомудрым. Видя, что сын твой презрел такое имущество, такую славу и блеск, он будет не так сетовать об умершем; ибо как он будет сокрушаться о том, что у него нет наследника его имуществ, когда увидит, что другой презирает все это? И уроки любомудрия он легче выслушает от того, кто оправдывает их делами. Ты, как только осмелишься открыть уста, исполнишь его великого уныния, как философствующий о чужих бедствиях: а сын твой, поучая его делами, легко убедит, что смерть есть не больше, как сон; он не станет перечислять многих отцов, потерпевших то же, что и этот, но покажет, как сам он ежедневно при жизни в теле помышляет о смерти и всегда готов к ней, и, укрепив веру в учение о воскресении, таким образом, отпустит его с великим облегчением скорби; и его слова, подтверждаемые и делами, гораздо лучше и скорее могут успокоить страдальца, нежели соучастники в собраниях и пиршествах. Так он уврачует этого страдальца. Пусть будет приведен к нему, если хочешь и другой, от долговременной болезни лишившийся зрения. Чем ты можешь пособить такому? А твой сын, доказав, что в этом нет ничего страшного, тем, что сам заключился в малой келье, стремясь к иному свету и считая настоящее несколько не важным в сравнении с тамошним, научит мужественно переносить несчастье. А обижаемым можешь ли ты внушить любомудрие? Несколько; напротив, еще больше возмутишь, потому что мы обыкновенно яснее видим свои бедствия при благополучии ближних; сын же твой гораздо легче ободрит и этих. Не говорю уже о молитвенной помощи, которая важнее всего этого; не говорю потому, что моя речь теперь обращена к тебе. Если же ты хочешь, чтобы за сына почитали тебя и не презирали (вероятно, ты и этого желаешь), то не знаю, каким бы другим образом ты лучше достиг этого, чем имея сына, который стоит выше человеческой природы, является столь славным по всей вселенной и при такой славе не имеет ни одного врага. При том (мирском) могуществе, он был бы, хотя многими почитаем, но многими и ненавидим, а здесь все почитают его с удовольствием. Подлинно, если некоторые люди простые и низкого происхождения, сыновья поселян и ремесленников, приступив к этому любомудрию, сделались столь почтенными для всех, что никто из весьма знатных не стыдился входить в их жилище и разделять с ними беседу и трапезу, напротив чувствовали себя как бы получившими некоторые великие блага, что и на самом деле бывает; тем более они поступят так, когда увидят, что вступил в эту добродетельную жизнь человек знаменитого рода, блистательного состояния, имевший столько надежд. Таким образом, то, о чем ты более сетуешь, т. е., что он из мирской жизни перешел в (монашескую) это самое, больше всего и делает его знаменитым и всех побуждает смотреть на него не как на человека, но как на какого-нибудь ангела. Конечно, о нем не будут думать того, в чем подозревают других, будто, т. е. он избрал такой путь по честолюбию, по страсти к деньгам и по желанию сделаться из незнатного знатным. Если такие речи и о прочих ложны и суть *«словеса лукавствия»* «слова лукавые» (Псал. 140:4), то касательно твоего сына не могут внушить и подозрения.

9. Не думай, что это бывает только при благочестивых царях; но хотя бы и произошли перемены во власти и властители сделались неверующими, и тогда состояние сына твоего будет блистательнейшим. Наши дела не таковы, каковы у язычников, не мнениям властителей следуют, но держатся собственною силою, и тогда наиболее проявляются, когда подвергаются наибольшим нападениям; так и воин, хотя бывает уважаем и в мирное время, однако более

будет славен при наступлении войны. Таким образом, и при языческих властителях тебе будет столько же и даже больше чести. Ибо те, которые прежде уважали твоего сына, гораздо более станут поступать так, когда увидят его вступающим в борьбу, действующим с большою смелостью и представляющим много поводов к прославлению. Хочешь ли – мы рассмотрим и отношение его к тебе? Или излишне говорить об этом? Тот, кто в отношении к другим столь тих и кроток, что никому не подает повода к неудовольствию, тем более будет оказывать великое почтение отцу и станет угождать ему гораздо более теперь, чем когда бы достиг мирской власти. Облеченный великою властью, неизвестно, не стал ли бы он презирать и отца, а теперь он избрал такую жизнь, в которой он, хотя бы стал царственнее и царя, в отношении к тебе будет смиреннее всех. Таково наше любомудрие! Оно соединяет в одной душе качества, кажущиеся противоположными, смирение и высоту. Тогда по пристрастию к деньгам он, может быть, даже стал бы желать твой смерти; а теперь он молится, чтобы жизнь твоя продолжилась, так что и за это он удостоится блистательных венцов. Ибо не малая награда ожидает нас за почтение к родителям: нам заповедано чтить их, как владык (Сир. 3:7), угождать им и словом, и делом, если это не будет во вред благочестию. «Что можешь ты», говорится в Писании, «воздать им, как они тебе» (Сир.7:30)? Подумай же, в сколь превосходной степени может исполнить и эту добродетель тот, кто во всем прочем достиг верха совершенства. Если бы надобно было и умереть за твою голову, он не откажется, не только из уважения и угождения тебе по закону природы, но, прежде всего ради Бога, для которого он презрел вообще все прочее. Итак, если он теперь и почтеннее, и богаче, и могущественнее, и свободнее, и при таком величии духа, гораздо более послушен тебе, нежели прежде; то о чем, скажи мне, ты скорбишь? Не о том ли, что не беспокоишься каждый день, не пал бы он на войне, не прогневал бы царя, не подвергся бы ненависти соратников, как этого и еще большего бояться отцы детей, возвысившихся пред другими? Как поставившие дитя на каком-нибудь высоком месте невольно беспокоятся, как бы оно не упало: так и возводящие сыновей на высоту власти. – Но имеет некоторую приятность пояс, и плащ, и голос глашатая. На сколько же это дней, скажи мне? На тридцать, на сто, или вдвое больше? А что потом? Не пройдет ли все это, как сновидение, как басня, как тень? А теперь достоинства чести у сына твоего останутся до конца, даже по смерти, и тогда – еще больше; и этой власти никто не отнимет у него, потому что он возведен на нее не людьми, а самою добродетелью. Но ты хотел бы видеть его носящим дорогие одежды, разъезжающим на коне, имеющим множество слуг, кормящим туеядцев и льстецов? Зачем тебе хотелось бы этого? Не затем ли, чтобы чрез все это доставить ему удовольствие? Но если ты услышишь из уст его самого (нам, может быть, ты не поверишь), что свою жизнь он считает настолько приятнейшею жизни людей, пристрастных к роскоши, распутству, музыке, туеядцам и льстецам, и прочей суете, что предпочел бы тысячу смертей, если бы кто приказал ему, оставив первую приятную жизнь, перейти к последней: что скажешь ты на это? Или ты не знаешь, как приятна жизнь, чуждая забот? Может быть, и никто другой из людей не знает, еще не вкусив ее в ее чистоте. Если же присоединится еще знаменитость, и сойдутся вместе эти неудобосовместимые блага – безопасность и слава: то что может быть лучше такой жизни? – Но для чего, скажешь, ты говоришь это мне, стоящему далеко от любомудрия? – А для чего ты препятствуешь и сыну приблизиться к нему? Довольно, если этот недостаток останется при тебе. Не считаешь ли ты величайшим недостатком то, когда вы, не приобретши ничего доброго в первом возрасте, по достижении крайней старости ропщете на старость? – Но потому, скажешь, мы и ропщем на нее, что юность доставляла нам великие блага. – Какие великие блага? Укажи старца, у которого были бы эти великие блага. Если бы они были у него и оставались в действительности, то он не скорбел бы так, как бы не имеющий ничего такого. Если же они исчезли и пропали, то какие же они великие блага, исчезнув так скоро? Но сын твой не испытает этого; и, если достигнет глубокой старости, ты не увидишь его огорченным подобно вам, но веселящимся, радующимся и восхищающимся, потому что у него тогда еще более будут процветать блага.

Ваше богатство, хате бы доставляло множество благ, доставляет их только в первом возрасте; а его богатство не таково, но остается и в старости, сопутствует и по смерти. Поэтому вы, видя в старости, что ваше имущество умножается и вам представляется много средств к славе и роскоши, скорбите, потому что ваш возраст уже неспособен к наслаждению ими; поэтому и пред смертью вы трепещете и называете себя самыми несчастными особенно тогда, когда благоденствуете. Он же тогда особенно успокоится, когда состарится, так как скоро достигнет пристани и получит юность, всегда цветущую и никогда не склоняющуюся к старости. А ты хотел бы, чтобы сын твой наслаждался такими удовольствиями, в которых он тысячекратно раскаивался бы и скорбел, достигнув старости? Но да не наслаждаются ими никогда и враги ваши! Что я говорю о старости? – Эти удовольствия исчезают в один день, а лучше сказать, не в день и не в час, но в краткое и неприметное мгновение. Ибо в чем состоят эти удовольствия? Не в том ли, чтобы чревоугодничать, располагаться за роскошными трапезами и обращаться с красивыми женщинами, подобно свиньям валяясь в грязи?

10. Впрочем, теперь еще не об этом; рассмотрим сначала эти удовольствия, не пусты ли они и ничтожны, и, если угодно, наперед рассмотрим то, которое кажется более других приятным – наслаждение пищею. Покажи мне продолжительность его, сколько времени в день оно может занимать вас? Столько, что и приметить хорошо нельзя. Ибо как только кто насытился, то и лишился удовольствия, и даже прежде пресыщения оно проходит быстрее потока, исчезает в самой гортани и не способно идти далее вместе с пищею; потому что, лишь только пройдет чрез язык, уже и теряют сладость. Умалчиваю от прочих бедах и о том, какое расстройство бывает от пресыщения. Не пресытившийся не только бывает веселее, но и легче, и отдыхать будет лучше того, кто едва не расселся от пресыщения: «здоровый сон бывает», говорится в Писании, «при умеренности желудка» (Сир.31:22). Нужно ли говорить о болезнях, неприятностях, несчастных случайностях и напрасных издержках? Сколько от этих пиров возникает ссор, сколько козней, сколько обид? – А приятное обращение с развратными женщинами? Какое же может быть удовольствие в этом позоре? Впрочем, не будем пока говорить здесь ни об этом, ни о спорах любовников, ни о ссорах между соперниками и нареканиях. Положим, что кто-нибудь свободно наслаждается этою похотью, и не имеет соперника, и не пренебрегается возлюбленною; сыплет деньги как бы из источников; – хотя и никогда невозможно всему этому сойтись вместе, но необходимо не желающему иметь соперника растратить все свое состояние, чтобы превзойти щедростью всех других, а не желающему обеднеть, быть презренным и отвергнутым блудницею, – пусть, однако, не будет ничего этого, но все делается по его желанию: где же можешь ты показать нам удовольствие от этого? Его не оказывается даже во время самого удовлетворения похоти; удовлетворивший похоть уже лишился удовольствия и удовлетворяющий похоти находится не в удовольствии, но в смущении и беспокойстве, в возбуждении и безумии и в великом смятении и расстройстве. Не таково наше наслаждение, нет, оно навсегда оставляет душу невозмутимую, не причиняет ей никакого смятения и волнения, но доставляет радость, чистую и непорочную, достойную и бесконечную, – такую, которая гораздо сильнее и живее вашей. Наше наслаждение приятнее и потому, что ваше может быть уничтожено страхом; ибо, если бы царь издал указ, угрожающий за это удовольствие смертью, то большая часть людей отказалась бы от него; что же до нашего (наслаждения), то, хотя бы кто угрожал тысячею смертей, не только не убедит нас пренебрегать им, но скорее сам будет осмеян; настолько оно сильнее и приятнее вашего, и даже не допускает сравнения с ним. Не гневайся же на сына за то, что он от скоротечных или вернее недействительных благ перешел к действительным и постоянным; не плачь о нем, достойном быть убажваемым, но о том, кто не таков и кружится в настоящей жизни, как бы в Еврипе ⁶. А главное вот что: ты – неверующий и язычник; прими же хотя это слово. Ты, конечно, слышал о реках Кокитах и Пирифлегфонтах, о воде Стикса и

⁶ Еврип – бурный пролив у о. Еввси.

о тартаре, столько отстоящем от земли, сколько она от неба, и о многих видах наказаний. Хотя эллины, руководствовавшиеся своими умствованиями и нашими искаженными преданиями, и не могли по-истине сказать об этом, как оно есть: однако, они получили некоторое образное представление о суде; и ты найдешь, что и поэты, и философы, и ораторы, и все философствовали об этих предметах. Ты слыхал также о Елисейском поле, и об островах блаженных, о лугах и миртах, о нежном ветре и великом благоухании, о хорах там обитающих и одетых в белую одежду, ликующих и воспевающих некоторые гимны, и вообще об ожидающем добрых и злых воздаянии по отшествии отсюда. Как же, ты думаешь, живут с такими мнениями добрые и недобрые? Одних, когда они думают об этом, хотя бы у них настоящая жизнь протекала беспечно и в великом удовольствии, не преследует ли, как бы какой бич, совесть и ожидание имеющих постигнуть их страданий; а добрые, хотя бы терпели тысячи зол, не питают ли, по словам Пиндара, целительной надежды, которая не дает им ощущать настоящих бедствий? Таким образом, и от этого у последних бывает больше удовольствия. Ибо гораздо лучше, начав временными трудами, закончить бесконечным успокоением, нежели, вкусив за краткое время мнимых приятностей, наконец, впасть в самые горькие и тяжкие бедствия. А когда при этом еще несомненно, что такая жизнь и здесь приятнее, то не должно ли теперь делать то, о чем я сказал вначале, жалеть тех, которые оплакивают такие блага? Подлинно, сын твой достоин не слез, но рукоплесканий и венцов, как пришедший к безмятежной жизни и в тихую пристань. — Но тебя порицают многие отцы, которых дети кружатся в настоящей жизни; другие, смотря на тебя, плачут, а иные смеются над тобою? Почему же ты еще больше не смеешься над ними и не плачешь? Мы должны смотреть не на то, смеются ли над нами, а хорошо ли и справедливо ли это делают; если так, то хотя бы и не смеялись, мы должны плакать; если же делают это несправедливо, то, хотя бы все смеялись, мы должны ублажать себя, а их оплакивать, как самых несчастных и ничем не отличающихся от безумных. Ибо смеяться над тем, что достойно великих похвал и венцов, свойственно безумным и больным подобно им. Не счел бы ты насмешкой, скажи мне, если бы тебя все стали хвалить, превозносить и называть блаженным за то, что сын твой пристрастился к безумному занятию плясунов и наездников? А что, если бы они стали смеяться и порицать его, когда бы он делал что-либо благородное и достойное похвал, не назвал бы ты их безумными? Так поступим и теперь: предоставим приговор о твоём сыне не мнению толпы, но тщательному обсуждению дела; и ты увидишь, что эти насмешники — отцы скорее рабов, а не свободных, если сравнивать их детей с твоим сыном. Теперь ты, омрачаемый скорбью, не можешь вникнуть в это; когда же немного успокоишься, и сын твой окажет великую добродетель, ты уже не будешь нуждаться в наших словах, но сам станешь другим говорить это и еще больше этого. Предсказываю тебе это не без основания, но по опыту. У меня был друг, имевший отца неверующего, богатого, уважаемого и во всех отношениях знаменитого. Этот отец сперва действовал чрез начальников, и грозил узами и, отняв у сына все, оставил его на чужой земле и без необходимой пищи, чтобы таким образом заставить его — возвратиться к мирской жизни; но когда увидел, что сын ничему этому не уступает, то, побежденный, запел иную песню; и теперь почитает и уважает сына более чем (своего) отца, и хотя имеет много и других детей почтенных, но говорит о них, что они негодны даже и в слуги тому, и сам чрез того сына сделался гораздо знаменитее. Это мы увидим и на твоём сыне; и что я не лгу, ты хорошо узнаешь на самом деле. Поэтому я смолкну, наконец, и только попрошу тебя, подожди один год или еще меньше времени, — для нашей добродетели не нужно много дней, потому что она возвращается божественною благодатью, — и ты увидишь, что все сказанное исполнится на самом деле, и не только похвалишь то, что уже сделано, но, если пожелаешь, хотя немного возвыситься, скоро и сам сделаешься подражателем ему, имея в сыне учителя добродетели.

СЛОВО ТРЕТЬЕ К ВЕРУЮЩЕМУ ОТЦУ

НАУЧИМ теперь и верующего отца, что не должно враждовать против тех, которые привлекают сына его к богоугодному. Конечно, можно опасаться, чтобы и это слово наше не оказалось излишним и не вышло противное тому, о чем я говорил прежде. Тогда я сказал, что закон борьбы не принуждает меня вступать против язычника, но что апостол Павел оставил нас свободными от состязания со внешними, повелев судить только внутренних (1 Кор.5:12). А теперь, как кажется, мы не обязаны и к этим прениям: если и прежде казалось постыдным беседовать об этом с христианином, тем более теперь. Ибо как не стыдно будет верующему нуждаться в увещании касательно того, в чем и неверующий ничего не может сказать против нас? Что же? Ужели мы, поэтому замолчим и ничего не скажем? Нет. Если бы кто-нибудь поручился за будущее и сделал для нас очевидным, что впредь никто не отважится на это, тогда следовало бы и нам успокоиться и предать прошедшее забвению; но так как мы не имеем ни одного достоверного поручителя в этом, то необходимо и словесное увещание. Если оно найдет страждущих такою болезнью, то сделает свое; а если никто не впадет в эту немощь, то желаемое нами исполнилось. И врачам, по изготовлении лекарств для больных, следует желать, чтобы больному не было и нужды в них: так и мы молимся, чтобы никому из наших братий не было нужды в этом увещании; если же она случится, — чего да не будет, — то, по пословице, не избежать им второго плаванья. — Итак, представим себе и верующего таким же, каков неверующий, подобным ему во всем, кроме понятия о Боге; пусть он и плачет также, и валяется у всех в ногах, и указывает на свои седины, и на старость, и на одиночество; пусть говорит все то же и, сколько хочет, возбуждает гнев в судьях. Впрочем, с ним суд у нас уже не пред людьми, потому что он слышал все, что у нас мужи, исполненные Духа Божия, любу мудрствовали о страшном и ужасном судилище по отшествии отсюда. И, прежде всего прочего ему должно напомнить о том дне, об огне текущем рекою, о пламени никогда не угасающем, о меркнущих лучах (солнца), о скрывающейся луне, о ниспадающих звездах, о свивающихся небесах, о колеблющихся силах (небесных), о потрясаемой со всех сторон и мятущейся земле, о страшном и непрерывном звуке труб, об ангелах, проходящих по вселенной, о тысячах предстоящих, о тьмах служащих, о грядущих с самим Судиею воинствах, о сияющем пред Ним знамении, о поставляемом престоле, о раскрываемых книгах, о неприступной славе, о страшном и ужасном гласе Судии, одних посылающего в огонь, уготованный диаволу и ангелам его, а для других затворяющего двери и после их великого подвига девства; одним из слуг Своих повелевающего связать плевелы и ввергнуть в пещь, а другим — сковать некоторым ноги и связать руки, отвести их во тьму кромешную и предать мучительному скрежету зубов; предающего тягчайшему и жесточайшему наказанию — одного за бесстыдные только взгляды, другого за неуместный смех, иного за то, что без исследования осудил ближнего, а другого и за то, что злословил (ближнего); а что и за это положено наказание, можно слышать от самого Судии, имеющего совершить наказание, в Его словах и угрозах. К этому Судии необходимо всем нам отойти отсюда и увидеть тот день, в который будет открыто и обнаружено все, т. е., не только дела и слова, но и самые помышления.

2. Тогда мы дадим страшный ответ и в том, что теперь кажется маловажным; ибо Судия с одинаковою строгостью требует от нас (попечения о) спасении нашем и наших ближних. Посему Павел везде убеждает, чтобы «никто» не искал «своего, но каждый [пользы] другого» (1 Кор.10:24); посему он и Коринфян сильно порицает за то, что они не попеклись и не позаботились о впадшем в прелюбодеяние, но оставили без внимания опасную рану его (1 Кор.5:1, 2); и в послании к Галатам говорит: «братия! если и впадет человек в какое согрешение, вы, духовные, исправляйте такового» (Гал.6:1). А еще прежде их он убеждает к тому же самому и Фессалоникийцев, говоря: «посему увещивайте друг друга и назидайте один дру-

гого, как вы и делаете» (1Фесс.5:11); и еще: «вразумляйте бесчинных, утешайте малодушных, поддерживайте слабых» (1Фесс.5:14). Дабы кто-нибудь не сказал: «что мне заботиться еще о других? – погибающий пусть погибает, а спасающийся пусть спасается; это нисколько меня не касается; мне велено смотреть за собою», – дабы кто-нибудь не сказал этого, Павел, желая истребить такую зверскую и бесчеловечную мысль, противопоставил ей такие законы, повелевая оставлять без внимания многое из своего, чтобы устраивать дела ближних, и требует во всем такой строгости жизни. Так и в послании к Римлянам он заповедует иметь великое попечение об этом долге, поставляя сильных как бы отцами для немощных и убеждая заботиться об их спасении (Римл.15:1). Но здесь он говорит это в виде увещания и совета, а в другом месте потрясает души слушающих с великою силою, когда говорит, что нерадящие о спасении братьев грешат против самого Христа и разрушают здание Божие (1 Кор.8:12). И это говорит он не от себя, но по наставлению Учителя. Ибо и Единородный (Сын) Божий, желая внушить, как обязателен этот долг, и что не желающих исполнять его ожидают великие бедствия, сказал: «а кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской» (Матф.18:6). И принесший талант подвергается наказанию не за то, что он пренебрег чем-нибудь собственным, но за то, что не радел о спасении ближних. Таким образом, хотя бы у нас все было хорошо устроено в нашей жизни, нет нам никакой пользы, потому что и того греха довольно, чтобы ввергнуть нас в геенскую пучину. Если и тех, которые не хотели помогать ближнему в телесных нуждах, не спасет никакое объяснение, так что, хотя бы они и подвиг девства совершили, будут все-таки извержены из брачного чертога; то опустивший гораздо важнейшее (потому что попечение о душе гораздо важнее) – не потерпит ли по справедливости все бедствия? Бог создал человека не для того, чтобы он приносил пользу только себе самому, но – и многим другим. Посему и Павел называет верующих «святилами» (Филип.2:15), выражая, что они должны быть полезны и другим, ибо светило не было бы и светилом, доколе освещало бы только себя. Поэтому он нерадящих о ближних называет худшими даже язычников в следующих словах: «если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного» (1Тим.5:8). Что же он хочет здесь означить словом: «не печется»? Доставление ли необходимого? Я думаю, что он разумеет попечение о душе: если же ты не согласишься, то тогда мое мнение будет еще более твердым. Ибо если он говорит это о теле, предаст такому наказанию и называет худшим язычников не подающего этой ежедневной пищи; то где будет место тому, кто небрежет о важнейшем, о необходимейшем?

3. Рассудим же теперь о важности нашего греха и, восходя мало-помалу, покажем, что нерадение о детях больше всех грехов и доходит до самого верха нечестия. Так, первая степень порочности, нечестия и жестокости – есть небрежение о друзьях. Впрочем, сведем слово еще ниже; не знаю, как это я едва не забыл, что прежний закон, данный иудеям, не позволяет пренебрегать и скотами врагов – или упавшими, или заблудившимися, но повелевает этих привести, а тех поднять (Исх.23:4, 5). Итак, первая, снизу идущая, степень порочности и жестокости – оставлять без внимания рабочий и домашний скот врагов, когда он страждет; а вторая за ней высшая – не радеть о самих врагах; потому что насколько человек превосходнее бессловесного, настолько этот грех больше того; третья за этою (степень) – презирать братьев, хотя бы они были и незнакомые; четвертая – не радеть о домашних; пятая – когда небрежем не только об их теле, но и о погибающей душе; шестая, – когда беспечно смотрим на гибель не только домашних, но и детей наших; седьмая – когда не ищем и других, кто бы о них позаботился, восьмая – когда и тем, которые сами собою хотят это делать, препятствуем и запрещаем; девятая – когда не только препятствуем, но и восстаем против них. Таким образом, если наказание постигнет первую, вторую и третью степень этой порочности, то какой огонь будет следовать превзошедшей все прочие, вашей, именно девятой степени? Даже можно безошибочно назвать ее не только девятою, или десятою, но и одиннадцатою. Почему? Потому, что этот грех

не только по существу своему гораздо важнее прежде исчисленных, но и по времени более тяжел. Что же значит это *по времени*? То, что если мы теперь будем совершать грехи одинаковые с подзаконными, то подвергнемся не одинаковым наказаниям, но гораздо тяжчайшим, насколько больший мы получили дар, совершеннейшее приняли учение и большую почтенны честью. Итак, если этот грех так тяжок и по существу и по времени, подумай, какое пламя низведет он наголову дерзающих совершить его? И что я так рассуждаю не без основания, докажу это действительным событием, дабы вы знали, что, хотя бы у нас все наше было благоустроено, мы подвергнемся крайнему наказанию, если не радеем о спасении детей. Расскажу вам не своими словами, но содержащимися в божественном Писании. Был у иудеев один священник, человек скромный и кроткий; имя ему было Илий. Этот Илий делается отцом двух сыновей. Видя, что они предаются нечестию, он не удерживал их и не останавливал, или вернее – он удерживал и останавливал, но делал это не с надлежащим усердием. А проступки этих сыновей состояли в любоддеяния и чревоугодии. Они, говорится (в Писании), ели священные мяса прежде их освящения и прежде возношения жертвы Богу (1 Цар.2:15,16). Слыша об этом, отец не наказывал их, а пытался словом и убеждением отклонить их от этого нечестия, и постоянно говорил им такие слова: «нет, дети мои, нехороша молва, которую я слышу: вы развращаете народ Господень; если согрешит человек против человека, то помолятся о нем Богу; если же человек согрешит против Господа, то кто будет ходатаем о нем» (1Цар.2:24,25)? Очень сильные и поразительные слова, достаточные для вразумления того, у кого есть ум! Он выставлял на вид грех, показывал его ужас, объявлял и угрожающее за него тяжкое и страшное осуждение; однако же, так как не все сделал, что следовало, то и сам погиб вместе с ними. Следовало бы и усилить угрозы, и прогнать их с глаз своих, и наказать бичами, и быть гораздо более строгим и суровым. А так как он ничего этого не сделал, то разгневал Бога и против себя и против них, и, оказав неуместное снисхождение к своим детям, вместе с детьми погубил и свое спасение. Послушай, что Бог говорит ему, или вернее – уже не ему, потому что его Он признал уже недостойным ответа; но, как тяжко провинившемуся рабу, дает ему знать об угрожающих ему бедствиях через другого. Таков был тогда гнев Божий! Послушай же, что говорит (Бог) об учителе его ученику; потому что лучше хотел говорить о его бедствиях и ученику, и другому пророку, и всем, нежели ему, – так окончательно отвратился от него! Что же Он говорит Самуилу? (Илий) «знал, как сыновья его нечествуют, и не обуздывал их» (1Цар.3:13); не то, чтобы не вразумлял: он и вразумлял, но Бог говорит, что это еще не вразумление, и отверг его, потому что оно было без силы и настойчивости. Так, если и мы, хотя печемся о детях, но не столько, сколько нужно, то и наше попечение не есть попечение, как и Илиево вразумление. Сказав о преступлении, (Господь) с великим гневом налагает и наказание: «посему клянусь», говорит Он, «дому Илия, что вина дома Илиева не загладится ни жертвами, ни приношениями хлебными вовек» (1Цар.3:14). Видишь, какое сильное негодование и наказание без надежды на пощаду? Неизбежно, говорит, должно ему погибнуть, и не только ему и сыновьям его, но вместе с ним и всему дому, и не будет никакого врачевства, которое бы исцелило эту рану. Между тем Бог ни за что другое, кроме беспечности о детях, не мог тогда винить этого старца дивного во всем другом, которого все любомудрие можно видеть не только из других, но и из самых обстоятельств угрожавшего ему несчастья. Так, во-первых, когда он услышал обо всем этом и увидел себя на пути к крайнему наказанию, то не стал роптать и негодовать, не сказал ничего такого, что обыкновенно говорят люди: «разве я властен в чужой воле? – за свои грехи я должен нести наказание, а дети сами в возрасте, сами только и должны бы быть наказаны». Ничего такого он и не сказал и не подумал, но, как благонамеренный раб, только то и знающий, чтобы благодушно переносить все от господина, хотя бы и неприятное, произнес такие, преисполненные любомудрия, слова: «Он – Господь; что Ему угодно, то да сотворит» (1Цар.3:18). И не отсюда только, но и из другого случая можно увидеть доблесть его. Когда во время постигшей иудеев войны, некто пришел и рассказал о несчастьях на этой войне, и о том, как дети

его постыдно и бедственно пали в сражении, он выслушал это спокойно; когда же тот к (вести об) этом поражении присовокупил (весть) о взятии врагами кивота, тогда помрачившийся от скорби старец «упал с седалища навзничь у ворот, сломал себе хребет и умер; ибо он [был] стар и тяжел. Был же он судьей Израиля сорок лет» (1Цар.4:18). Если же священника, – престарелого, знаменитого, двадцать лет безукоризненно начальствовавшего над еврейским народом, – жившего во времена, не требовавшие великой строгости, ни одно из этих обстоятельств не могло извинить, но он погиб ужасно и бедственно за то, что не заботился о детях с полным вниманием, и грех этой слабости, как сильная и великая волна, превысил все прочее и закрыл все добрые дела его; то какое осуждение постигнет нас, которые живем во времена, требующие гораздо большего любомудрия, но не имеем и его добродетели, и не только сами не имеем попечения о детях, но и против желающих делать это строим козни и восстаем, и относимся к детям своим хуже всякого варвара? Ибо жестокость варваров доводит только до рабства, до опустошения и пленения отечества, и вообще до бедствий телесных; а вы поработаете самую душу, и, связав ее как какую-нибудь пленницу, передаете, таким образом, лукавым и свирепым демонам и их страстям. Именно это, а не другое что делаете вы, когда и сами не внушаете (детям) ничего духовного, и другим делать это не позволяете. Пусть никто не говорит мне, что многие, больше Илия не радевшие о своих детях, не потерпели ничего такого, что Илий: нет, многократно терпели, и многие, и более того тяжкое, и за такой же грех. Ибо откуда преждевременные смерти? Откуда тяжкие и продолжительные болезни, и у нас, и у наших детей? Откуда потери, откуда несчастья, откуда огорчения, откуда бесчисленное множество зол? Не от небрежения ли о порочных детях? Что это не вымысел, достаточно могут свидетельствовать и бедствия этого старца, но я скажу вам еще слово об этом одного из наших мудрецов. Он, рассуждая о детях, говорит так: «не радуйся о сыновьях нечестивых, если нет в них страха Господня. Не надейся на их жизнь» (Сир.16:1,2); ты зарыдаешь плачем преждевременным, и неожиданно узнаешь об их гибели. Итак, многие, как я сказал, потерпели много подобного, если же некоторые и избегли, то не до конца избегнут, но – на зло своей голове, потому что понесут жесточайшее наказание по отшествии отсюда. Почему же, скажут, не здесь все наказываются? Потому что Бог назначил день, в который будет Он судить вселенную, но этот день еще не пришел. С другой стороны, если бы было так, то весь род наш давно бы уже прекратился и исчез. Но, чтобы и этого не случилось, и от замедления суда многие не сделались беспечнее, Бог, избирая некоторых виновных во грехах и наказывая здесь, чрез них и прочим показывает меру угрожающих им наказаний, чтобы они знали, что, если они здесь и не потерпят наказания, то, без сомнения, понесут более тяжкое по отшествии туда. Не будем же бесчувственными оттого, что Бог теперь не посылает пророка и не предвозвещает наказания, как было с Илией, потому что теперь не время пророков, впрочем, Он посылает их и теперь. Откуда это известно нам? «У них есть», говорит (Господь), «Моисей и пророки» (Лук.16:29). Сказанное древним сказано также и нам; и Бог говорит не одному Илию, но, через него и его страдания, всем, подобно ему согрешающим. Бог нелицеприятен, и если Он так истребил со всем домом менее виновного, то не оставит без наказания совершивших более тяжкие прегрешения.

4. Нельзя сказать и того, будто у Него немного попечения об этом деле: нет, он имеет великое промышление о воспитании детей. Для того Он и вложил такое влечение в природу родителей, чтобы поставить их как бы в неизбежную необходимость заботиться о детях. А впоследствии в своих изречениях Он преподавал нам и законы касательно попечения о них, и, учреждая праздники, повелел объяснять детям причину (установления) их. Так, сказав о пасхе, Он присовокупил: «и объяви в день тот сыну твоему, говоря: это ради того, что Господь сделал со мною, когда я вышел из Египта» (Исх.13:8). Тоже самое делает Он и в законе, потому что, сказав о перворожденных, опять присовокупляет: «и когда после спросит тебя сын твой, говоря: что это? то скажи ему: рукою крепкою вывел нас Господь из Египта, из дома рабства; ибо когда фараон упорствовал отпустить нас, Господь умертвил всех первенцев в земле

Египетской, от первенца человеческого до первенца из скота, – посему я приношу в жертву Господу все, разверзающее ложесна, мужского пола» (Исх.13:14,15). Всем этим он внушает вести детей к богопознанию. И самим детям он заповедует многое относительно их родителей, награждая послушных, а неблагодарных наказывая, и таким образом делая их еще более любезными для родителей. Так, когда кто сделает нас властными над кем-либо, то этою честью он налагает на нас сильнейшее обязательство заботиться о нем; потому что и без всего другого это одно, что вся судьба того человека находится в наших руках, достаточно для нашего предостережения, и мы нескоро решились бы покинуть того, кто вверен нам; если же он потом станет еще гневаться и негодовать более самих обижаемых и являться строгим карателем, то этим еще более побудит нас (к исполнению долга). То же сделал и Бог. К этим побуждениям Он прибавил еще третье, состоящее в природной связи, а если хочешь, то-первое. Дабы родители, получив повеление воспитывать детей, не пренебрегали Его повелениями, Он присоединил естественную необходимость. А чтобы эта связь не была ослабляема оскорблениями со стороны детей и не расторгалась, Он оградил ее наказаниями и от Себя и от самих родителей, таким образом, и детей весьма строго подчиняя (родителям), и в родителях возбуждая любовь (к детям). И не этим только, но и другим еще, четвертым, способом Бог крепко и тесно связал нас с ними. Он не только детей злых в отношении к родителям наказывает, а к добрым благоволит, но точно так же поступает и с родителями, тяжело наказывая нерадеющих о детях, а попечительных удостаивая почестей и похвал. Так и того старца (Илия), в других отношениях знаменитого, Он наказал за одно только нерадение (о детях); а патриарха (Авраама) наградил за его попечительность не менее, как и за другие (добродетели). Сказав о многих и великих дарах, которые обещал дать ему, и, приводя причину, Он указал на эту его (добродетель): «ибо Я избрал», говорит, «его (Авраама) для того, чтобы он заповедал сынам своим и дому своему после себя, ходить путем Господним, творя правду и суд» (Быт.18:19). Это сказано мною теперь для того, чтобы мы знали, что Бог не будет снисходительно переносить нерадение о тех, о которых сам Он столько печется. Ибо не возможно, чтобы один и тот же (Бог) и столько делал Сам для спасения (детей), и оставлял без внимания нерадение о них (со стороны родителей). Так, Он не оставит этого без внимания, но будет сильно негодовать и гневаться, как и оказалось на самом деле. Посему и блаженный Павел, настоятельно убеждая, говорить: «отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем» (Еф.6:4). Если мы имеем повеление неусыпно заботиться о душах их, «как обязанные дать отчет» (Евр.13:17), тем более – отец, который родил сына, воспитал и постоянно живет с ним. Как не может он прибегать к извинению и оправданию в своих собственных грехах, так точно и в проступках детей. И это также ясно выразил блаженный Павел. Заповедуя, каковыми должны быть принимающие начальство над другими, он, вместе со всеми другими необходимыми для них качествами, требует и попечительности о детях, так что нет нам извинения, когда дети у нас развратны (1 Тим.3:4, 5). И совершенно справедливо! Потому что, если бы порочность в людях была от природы, то иной имел бы право прибегать к извинению; но так как мы бываем и худы, и хороши по свободной воле, то какое благовидное оправдание может представить допустивший до развращения и порочности (сына) любимого им больше всего? То ли, что не хотел сделать его честным? Но ни один отец не скажет этого; потому что сама природа настоятельно и непрерывно побуждает его к тому. Или то, что не мог? Но и этого нельзя сказать; потому что многое – и то, что он взял сына (на свое попечение) еще в нежном возрасте, и то, что ему первому и одному только вручена власть над ним, и то, что он постоянно имел его при себе, – делает для него воспитание (сына) легким и очень удобным. Таким образом, развращение детей происходит не от чего другого, как от безумной привязанности (родителей) к житейскому: обращая внимание только на это одно и ничего не желая считать выше этого, они необходимо уже не радеют о детях с их душою. О таких отцах я сказал бы (и никто пусть не приписывает этих слов гневу), что они хуже даже детоубийц. Те отделяют тело

от души, а эти то и другую вместе ввергают в огонь гееннский; той смерти подвергнутся неизбежно по естественной необходимости, а этой можно было бы и избежать, если бы не довела до неё беспечность отцов. Притом смерть телесную сможет уничтожить воскресение, как скоро наступит оно, а гибели души ничто уже не вознаградит; за нею следует уже не спасение, а необходимость вечно страдать. Следовательно, мы не несправедливо сказали бы, что такие отцы хуже детоубийц. Не так жестоко изострить меч, взять его в правую руку и вонзить в самое горло сына, как погубить и развратить душу; потому что ничего равного ей нет у нас.

5. Что же, скажут, неужели живущему в городе и имеющему дом и жену невозможно спастись? Конечно не один способ спасения, но их много и они разнообразны. Об этом, хотя неопределенно, говорит и Христос, возвещая, что «в доме Отца Моего обителей много» (Иоан.14:2); а с некоторою определенностью говорит Павел, когда пишет так: «иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится в славе» (1Кор.15:41). Смысл слов его такой: одни будут сиять, как солнце, другие, как луна, а иные, как звезды. И на этом различии он не остановился, но между самыми звездами показывает великую разность, – такую, какой естественно быть при таком множестве их: «звезда», говорит, «от звезды разнится в славе. Представь же, переходя от великого солнца до последней из всех звезд, сколько можно пройти степеней достоинства. Поэтому, не странно ли, что ты, если ведешь сына в царский дворец, то и сам делаешь и терпишь все, и его убеждаешь к тому же, чтобы сделать его близким к царю, и не обращаешь внимания решительно ни на что, ни на издержки, ни на опасность, ни на самую смерть; а когда предлагается нам подумать о воинстве небесном, то не скорбишь, если (сын твой) получит там последнее место и станет ниже всех? Впрочем, если угодно, посмотрим еще и на то, возможно ли вращающемуся в мире получить и это место. Блаженный Павел изъяснил это кратко, сказав, что имеющие жен могут спастись не иначе, как только, если они будут иметь их так, как не имеющие (1 Кор.7:29), и не станут злоупотреблять миром (ст. 31). А мы, если хочешь, распространим речь об этом. Итак, можешь ли ты сказать, что сын твой или во время совещания с тобою слышал, или сам узнал когда-нибудь, что клянущийся, хотя бы клялся не ложно, оскорбляет Бога? Также, что злопамятному спастись невозможно? Ибо «пути», говорится (в Писании), «злопамятных к смерти» (Прит.12:28). Или, – что злоречивого Бог так посрамляет, что даже устраняет его от чтения слова Божия? Также, – что гордого и дерзкого Он низвергает с неба и придает гееннскому огню? Или, – что взирающего (на жену) нецеломудренными очами наказывает, как действительного прелюбодея? А столь обыкновенного у всех греха – осуждения ближних, навлекающего на нас тягчайшее наказание, убеждал ли ты когда-нибудь (сына) избегать этого греха и читал ли ему Христовы заповеди об этом? Или и сам ты не знаешь, что есть такие заповеди? Как же сын будет в состоянии исполнять то, заповедей о чем не знает и сам отец, который должен бы научить его? И, о, если бы было только это зло, что вы не советуете детям ничего полезного; оно не было бы так велико! Но теперь вы увлекаете их еще к противоположному. В самом деле, когда отцы убеждают детей заниматься науками, то в их разговоре с детьми не слышно ничего другого, кроме таких слов: «такой-то человек низкий и из низкого состояния, усовершенствовавшийся в красноречии, получил весьма высокую должность, приобрел большое богатство, взял богатую жену, построил великолепный дом, стал для всех страшен и знаменит». Другой говорит: «такой-то, изучив италийский язык, блистает при дворе и всем там распоряжается». Иной опять указывает на другого, и все – на прославившихся на земле: а о небесном никто ни разу не вспоминает; если же иной попытается напомнить, то он прогоняется, как человек, который все расстроивает.

6. Итак, вы, когда напеваете это детям с самого начала, учите их не другому чему, как основанию всех пороков, вселяя в них две самые сильные страсти, то есть, корыстолюбие, и еще более порочную страсть – суетное тщеславие. Каждая из них и порознь может извратить все; а когда они обе вместе вторгнутся в нежную душу юноши, то, подобно соединившимся бурным потокам, извращают все доброе и наносят столько терния, столько песку, столько сору,

что делают душу бесплодною и неспособною ни к чему доброму. Это могут засвидетельствовать нам изречения и внешних писателей: так из этих страстей одну, не соединенную с другою, но саму по себе один назвал верхом, а другой главою зол. Если же одно (корыстолюбие) в отдельности есть верх и глава (зол) то, когда оно соединится с другим гораздо жесточайшим и сильнейшим, т. е. с безумным тщеславием, и вместе с ним вторгается в душу юноши, укоренится в ней и овладеет ею; то кто после в состоянии будет истребить эту болезнь, особенно когда и отцы и делают и говорят все, чтобы не ослабить эти злые растения, но еще укрепить их? Кто так неразумен, что не потеряет надежды на спасение воспитываемого таким образом сына? Желательно, чтобы душа, воспитанная в противоположном направлении, избегла порочности; когда же наградою за все считаются деньги и для соревнования предлагаются люди порочные, тогда какая надежна на спасение? Пристрастившиеся к деньгам неизбежно бывают и завистливы, и склонны к клятвам, и вероломны, и дерзки, и злоречивы, и хищны, и бесстыдны, и наглы, и неблагодарны, и исполнены всех зол. Достоверный свидетель этого блаженный Павел, сказавший, что сребролюбие есть корень всякого зла в жизни (1 Тим.6:10), и прежде него то же изъяснил Христос, возвещая, что поработенный этой страсти не может служить Богу (Матф.6:24). Итак, если юноша будет увлечен в это рабство с самого начала, то когда он будет в состоянии сделаться свободным, как может избавиться от потопления, если все толкают его, все погружают и усиленно подвергают необходимости потонуть? Если бы без всякого препятствия, если бы при помощи многих, подающих ему руку, он мог подняться, осмотреться и смыть с себя пену порочности, не было ли бы это вождельно? Не надлежало ли бы хвалить его и тысячекратно украшать венцом и тогда, если бы он, долговременно слушая божественные песнопения, был в состоянии изгнать из себя вторгшиеся недуги? Привычка сильна, способна одолевать и увлекать душу, особенно когда ей содействует удовольствие, а та (добродетель), к которой мы стремимся и стараемся достигнуть, требует от нас много трудов. Поэтому и Бог, когда надлежало потомкам евреев оставить старую привычку к злу, т. е. египетскую, взяв их одних в пустыню и удалив от развратителей сколько можно далее, исправлял души их в пустыне, как бы в каком монастыре, употребляя все способы врачевания, и более тяжелые и более приятные, и не опуская совершенно ничего, что только могло послужить к их исцелению. Однако и при этом они не избегли порочности, но, получая манну, требовали луку и чесноку и всякой мерзости египетской. Такое зло – привычка. Так иудеи, пользовавшиеся таким попечением Божиим, имевшие такого превосходного и доблестного вождя, вразумляемые и страхом, и угрозами, и благодеяниями, и наказаниями, и всяким образом, и видевшие столько чудес, не сделались лучшими: как же, думаешь ты, сын твой в состоянии будет избегнуть сетей диавола, будучи молод, вращаясь среди Египта, или лучше среди диавольского воинства, не слыша ни от кого ни одного полезного совета и видя, что все, а больше всех родители и воспитатели, ведут его к противоположному? Как? При помощи ли твоих увещаний? Но ты внушаешь ему противное и, не позволяя ему вспомнить о любомудрии даже во сне, напротив постоянно занимая его настоящею жизнью и относящимся к ней, еще более содействуешь его потоплению. Или сам собою? Нет, юноша сам по себе недостаточно силен к подвигам добродетели, а если бы и произвел что-либо доблестное, то оно скоро, прежде, нежели возрастет, заглохнет от наводнения слов твоих. Как тело не может прожить даже малое время, если питается не здоровою, но вредною пищею; так и душа, получая такие внушения, не может никогда помыслить о чем-либо доблестном и великом; но, подвергаясь такому расстройству и расслаблению, постоянно объемлясь порочностью как бы какою заразою, она, наконец, неизбежно низвергнется в геенну и там погибнет.

7. Если же скажешь, что это не так, но что и живущему в мире можно совершать все добродетели, если, не шутя, а обдуманно и действительно будешь говорить это, то не поленись объяснить нам это новое и странное учение, потому что и мне не хотелось бы утруждаться напрасно и подвергать себя таким лишениям. Впрочем, я не могу принять такого учения, и вы

сами виной тому, потому что и словами и делами своими противоречите этому мнению и учите противоположному; вы, как будто нарочито стараясь погубить детей, позволяете им делать все то, делая что невозможно спастись. Взгляни несколько повыше. «Горе вам», сказано (в Писании), «смеющиеся ныне» (Лук.6:25); а вы подаете детям множество поводов к смеху. «Горе вам, богатые» (ст. 24); а вы предпринимаете все меры, чтобы они разбогатели. «Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо» (ст. 26); а вы часто тратите целые имущества для людской славы. Еще: поносящий брата своего «подлежит геенне огненной» (Матф.5:22); а вы считаете слабыми и трусливыми тех, кто молчаливо переносит обиды от других. Христос повелевает воздерживаться от ссоры и тяжбы, а вы постоянно занимаете детей этими злыми делами. Он повелел во многих случаях вырывать око, если оно причиняет вред (ст. 29); а вы с теми особенно и вступаете в дружбу, кто может дать денег, хотя бы учил крайнему разврату. Он не позволил отвергать жену, кроме одной только вины – прелюбодеяния (ст. 32); а вы, когда можно получить деньги, позволяете пренебрегать и этою заповедью. Клятву Он запретил совершенно (ст. 34), а вы даже смеетесь, когда видите, что это соблюдается. «Любящий душу свою», говорит (Господь), «погубит ее» (Иоан.12:25), а вы всячески вовлекаете их в эту любовь. «А если не будете прощать людям», говорит Он, «согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших» (Матф.6:15); а вы даже укоряете детей, когда они не хотят мстить обидевшим и стараетесь скорее доставить им возможность сделать это. Христос сказал, что любящие славу, постыятся ли, молятся ли, подают ли милостыню, все это делают без пользы (Матф.6:1); а вы всячески стараетесь, чтобы ваши дети достигли ее. Но для чего перечислять все, если уже и сказанные пороки, не только все вместе, но и каждый сам по себе, достаточны для приготовления тысячи геенн? А вы, собрав их все вместе и возложив (на детей) эту невыносимую тяжесть грехов, с нею ведете их в огненную реку; как же они могут спастись, принося столько пищи для огня? И не только то ужасно, что вы внушаете (детям) противное заповедям Христовым, но и то еще, что прикрываете порочность благозвучными наименованиями, называя постоянное пребывание на конских ристалищах и в театрах светскостью, обладание богатством свободой, славолубие великодушием, дерзость откровенностью, расточительность человеколюбием, несправедливость мужеством. Потом, как будто мало этого обмана, вы и добродетели называете противоположными наименованиями, скромность неучтивостью, кротость трусостью, справедливость слабостью, смирение раболепством, незлобие бессилием, как будто опасаясь, чтобы дети, услышав от других истинное название этих (добродетелей и пороков), не удалились от заразы. Ибо название пороков прямыми и подлинными их наименованиями не мало способствует к отвращению от них: оно может так сильно поражать грешников, что часто многие, отличающиеся бесчестнейшими делами, не переносят равнодушно, когда их называют тем, что они есть на самом деле, но приходят в сильный гнев и зверское раздражение, как будто терпят что-нибудь ужасное. Так, если бы кто бесчестную женщину и развратного юношу назвал по этому постыднейшему пороку, тот сделался бы непримиримым врагом (их), как будто нанесший величайшую обиду. И не только эти люди, но сребролюбец, и пьяница, и гордец, и вообще все, преданные тяжким порокам, как всякий знает, поражаются и оскорбляются не столько самым делом и мнением людским, сколько названием по своим делам. Я знаю много и таких, которые этим способом были образумлены, и от резких слов сделались более скромными. А вы отняли (у детей) и это врачевство и, что еще тяжелее, преподаете им недоброе внушение не только словами, но и делами: строите великолепные дома, покупаете дорогие поместья, окружаете их и прочим блеском, и всем этим, как бы каким густым облаком, омрачаете их душу. Чем же я могу убедиться, что им возможно спастись, когда вижу, что их склоняют к таким делам, за которые Христос возвестил неизбежную гибель, когда вижу, что вы о душе их, как бы о чем-то ненужном, небрежете, а о том, что действительно излишне, заботитесь, как о необходимом и важнейшем? Чтобы был у сына слуга, чтобы был конь, чтобы была самая лучшая одежда, вы делаете все; а чтобы он сам был хорош, об этом и подумать никогда не

хотите; но, простирая до такой степени заботливость о деревьях и камнях, душу не устаиваете и малейшей части такого попечения. Чтобы на доме стояла дивная статуя и кровля была золотая, вы все готовы потерпеть, а чтобы драгоценнейшие всякого изваяния – душа была золотая, об этом и помыслить не хотите.

8. Но я еще не сказал о вершине зол, не раскрыл главного нечестия, и хотя много раз приступал к этому со стыдом, но много раз стыдом же и удерживался. Что же это такое? Надобно же, наконец, и об этом сказать. Было бы большою робостью, если бы желающие истребить какое-нибудь зло не смели и слово сказать о нем, как будто молчание само собою исцелит болезнь. Не станем же молчать, хотя бы тысячу раз пришлось нам стыдиться и краснеть. И врач, когда хочет очистить гнилость, не откажется взять в руки нож и вложить пальцы в самую глубину раны: так и мы не откажемся говорить об этом, тем более чем гнуснее эта гниль. Какое же это зло? Какая-то новая и незаконная страсть вторглась в нашу жизнь; постигла (нас) болезнь тяжкая и неисцелимая, поразила язва, жесточайшая из всех язв; измышлено какое-то новое и нетерпимое беззаконие, потому что нарушаются не только писанные, но даже и естественные законы. Для распутства уже мало любоддеяния; и как в болезнях последующее сильнейшее страдание заглушает ощущение предшествовавшей боли, так и чрезмерность этой язвы делает то, что уже не кажется нетерпимым и нетерпимое – разврат с женщиною. Хотят, кажется, иметь возможность избегать этих сетей, и женскому полу предстоит уже опасность сделаться излишним, так как его во всем заменяют отроки. И не только это ужасно, но и то, что такая мерзость совершается с полной безопасностью и беззаконие стало законом. Никто уже не опасается и не страшится; никто не стыдится и не краснеет; но еще хвалятся этим позором, и целомудренные кажутся безумными, а обличающие – не здравомыслящими; если они слабы, то подвергаются побоям, а если сильны, то терпят насмешки, поругания и бесчисленные издевательства. Не помогают ни суды, ни законы, ни воспитатели, ни отцы, ни приставники, ни учителя: одних успели развратить деньгами, другие имеют в виду только то, чтобы им было жалованье; а из тех, которые добросовестнее и заботятся о спасения вверенных им, одни легко поддаются укрывательству и обманам, а другие боятся силы развратников. Легче спастись заподозренному в тирании, нежели избежать рук этих нечестивцев тому, кто попытался бы удалять от них (детей); так среди городов, как бы в великой пустыне, «мужчины на мужчинах делают срам» (Римл.1:27). Если же некоторые избежали этих сетей, то нелегко им избежать худой славы от таких развратников; во-первых, потому, что их весьма немного, отчего они легко затмеваются множеством порочных; во-вторых, потому, что сами окаянные и злые демоны, не имея возможности иначе мстить презирающим их, стараются вредить им этим способом; не имея сил нанести смертельную рану и поразить самую душу, они стараются, по крайней мере, повредить их внешнему украшению и лишить всякой доброй славы. Посему многие, слышал я, удивляются, как и теперь не ниспал еще другой огненный дождь, как еще не подвергся участи Содомы наш город, достойный наказания тем более тяжкого, что не вразумился и бедствиями Содомы. Не смотря на то, что та страна уже две тысячи лет видом своим сильнее, чем голосом, взывает к (людям) всей вселенной, чтобы не дерзали на такую гнусность, они не только не воздерживаются от этого греха, но стали еще бесстыднее, как будто состязаясь с Богом и стараясь показать своими делами, что они тем более будут предаваться этим порокам, чем более Он будет угрожать им. Почему же не произошло ничего такого: грехи содомские совершаются, а содомских наказаний нет? Потому, что их ожидает другой огонь, более жестокий, и наказание бесконечное. Так и жившие после потопа дерзали совершать дела гораздо более нечестивые, нежели погибшие от потопа, однако с того времени не было такого наводнения. И здесь опять та же самая причина; иначе, почему жившие в первые времена, когда и судов не было, и страх пред начальниками не тяготел, не было ни угрожающего закона, ни вразумляющего сонма пророков, ни ожидания геенны, ни надежды царствия, ни другого любомудрия, ни чудес, способных оживить даже камни, – почему люди, не имевшие ничего этого, понесли за

свои грехи такое наказание, а получившие все это и живущие под таким страхом судов божеских и человеческих, донныне еще не потерпели одинаково с теми, тогда как они достойны более тяжкого наказания? Не ясно ли и для младенца, что они сберегаются для строжайшего осуждения? Если мы так гневаемся и негодуем, то, как допустит безнаказанно совершать такие дела Бог, Который более всего печется о человеческом роде и крайне отвращается и ненавидит порочность? Этого быть не может, нет! Он непременно наложит на них крепкую руку, нанесет нестерпимый удар и подвергнет мучениям столь жестоким, что бедствия, постигшие Содом, в сравнении с ними покажутся игрушкой. Подлинно, каких варваров, какую породу зверей не превзошли эти люди своею бесстыдною похотью? Бывает у некоторых бессловесных вожделев сильное и похоть неудержимая, не отличающаяся от бешенства, но и они не знают этой страсти, а удерживаются в пределах природы, и, сколько бы ни раздражались, не нарушают законов природы. А эти, одаренные разумом, сподобившиеся божественного учения, преподающие другим, что должно делать и чего не должно, и слышавшие Писания, нисшедшие с неба, не с такою наглостью совокупляются с блудницами, как с отроками. Они с таким неистовством покушаются на все, что будто они не люди, и как будто нет Промысла Божия, бодрствующего и судящего дела, но как будто бы все покрыла тьма, и никто не видит и не слышит этого. А отцы растлеваемых отроков переносят это молча, не зарываются в землю вместе с детьми и не придумывают какого-либо средства против зла. Между тем, если бы надобно было от этого недуга отправить детей на чужбину, на море, на острова, на необитаемую землю, на самый отдаленный от нас край вселенной, не надлежало ли бы сделать и потерпеть все, чтобы не было таких мерзостей? Когда какое-либо селение подвергается болезни и заразе, то не уводим ли мы оттуда детей, хотя бы там предстояло им много выгод, хотя бы сами они были совершенно здоровы? А теперь, когда все объяла такая зараза, мы не только сами влечем их к этим пропастям, но и тех, которые хотят избавить их, отгоняем, как губителей. Какого же гнева, каких громов не достойно это, когда язык их мы стараемся очистить помощью внешнего образования, а душу, лежащую в самой мерзости разврата и постоянно растлеваемую, не только оставляем без внимания, но и препятствуем, когда она хочет восстать? Ужели же осмелится кто-нибудь еще сказать, что живущим в таких пороках можно спастись? Каким образом? Иные, конечно, избегали неистовства развратником (впрочем, таких немного); но и они не избегают тех жестоких и все губительных страстей – корыстолюбия и честолюбия, а большая часть заражена и этими самыми страстями и, в гораздо большей еще степени, сладострастием. Далее, когда мы хотим ознакомить детей с науками, то не только устраняем препятствия к учению, но и доставляем им все, содействующее ему, – приставляем к ним воспитателей и учителей, издерживаем деньги, освобождаем их от других занятий, и чаще, чем приставники на олимпийских играх, твердим им о бедности от не ученья и богатстве от ученья, – делаем и говорим все, и сами и чрез других, чтобы довести их до окончания предпринятого занятия, и при всем том часто не успеваем. А скромность нравов и строгость доблестной жизни, неужели, по вашему мнению, придут сами собою и притом при столь многих к тому препятствиях? Что может быть хуже этого неразумия – на самое легкое обращать столько внимания и забот, как будто бы иначе и нельзя успеть в этом, а о гораздо более трудном думать, что оно, как бы что-нибудь пустое и ничтожное, сбудется и при нашем сне? Но любомудрие души настолько труднее и тяжелее изучения наук, насколько деятельность труднее разглагольствования и насколько дела труднее слов.

9. А для чего, скажешь, нашим детям нужно это любомудрие и строгий образ жизни? Вот это самое и сгубило все, – что дело столь необходимое и поддерживающее нашу жизнь считается излишним и ненужным. Увидев сына больным по телу, никто не скажет: для чего нужно ему доброе и крепкое здоровье? Напротив, всячески постарается привести его в такое благосостояние, чтобы болезнь более не возвратилась; а когда заболевает душа, то говорят: не нужно им никакого лечения, и после таких слов осмеливаются называть себя отцами. Что же, скажешь, неужели всем нам любомудрствовать, а житейским делам погибнуть? Нет, почтен-

нейший, не преданность любомудрию, а не любомудрие погубило и расстроило все. Кто, скажи мне, расстраивает настоящее положение дел, те ли, которые живут воздержно и скромно, или те, которые выдумывают новые и незаконные способы наслаждения? Те ли, которые стараются захватить себе все чужое, или те, которые довольствуются своим? Те ли, которые имеют толпы слуг и окружают себя роями льстецов, или те, которые считают для себя достаточным только одного слугу (предполагаю еще не высокое любомудрие, но доступное многим)? Человеколюбивые ли, и кроткие, и не имущие похвалы от народа, или те, которые требуют ее от единоплеменников более всего должного, и делают тысячу неприятностей тому, кто не встанет пред ними, не скажет первый приветствия, не поклонится, не выкажет раболепства? Те ли, которые стараются повиноваться, или те, которые стремятся к власти или начальству и для этого готовы сделать и перенести все? Те ли, которые считают себя лучше всех, и поэтому думают, что им можно говорить и делать все, или те, которые ставят себя в числе последних и этим укрощают безумное своеволие страстей? Те ли, которые строят великолепные дома и предлагают роскошные трапезы, или те, которые не ищут ничего, кроме необходимого пропитания и жилища? Те ли, которые прирезавают себе тысячи десятин земли, или те, которые не считают для себя нужным приобретение и одного холма? Те ли, которые прилагают проценты к процентам и гонятся путем неправды за всяким прибытком, или те, которые раздирают несправедливые записи и из своей собственности помогают нуждающимся? Те ли, которые признают немощь человеческой природы, или те, которые не хотят и знать этого, но от чрезмерной гордости даже перестали считать себя людьми? Те ли, которые питают блудниц и оскверняют чужие браки, или те, которые воздерживаются и от своей жены? Первые, не тоже ли в общественной жизни, что опухли на теле и бурные ветры на море, своею невоздержностью потопляя тех, которые сами по себе могли бы спастись? А последние, как яркие светила среди глубокого мрака, не призывают ли бедствующих среди моря к своей безопасности, и, возжегши вдали на высоте светильники любомудрия, не руководят ли таким образом желающих в спокойную пристань? Не от первых ли возмущения и войны, и ссоры, и разрушения городов, и угнетения, и порабощения, и пленения, и убийства, и бесчисленные бедствия в жизни, не только наносимые людям от людей, но и все (посылаемые) с неба, как-то: засухи, и наводнения, и землетрясение, и разрушения, и потопления городов, и голода, и язвы, и все прочее, что свыше насыляется на нас?

10. Так они извращают общественную жизнь и губят общее благо; они причиняют бесчисленные бедствия и другим, беспокоя ищущих спокойствия, развлекаая и возмущая их со всех сторон; для них и суды, и законы, и взыскания, и различные роды наказаний. Как в доме, где много больных, а здоровых мало, можно найти много и лекарств и приходящих врачей; так и во вселенной нет народа, нет города, где бы не было много и законов, много и начальников, много и наказаний; потому что лекарства сами по себе не могут восстановить больного, а нужны еще те, которые бы прилагали их; таковы и есть судии, заставляющие этих больных, волею и неволею, принимать врачевание. Однако и при этом болезнь так усилилась, что превзошла самое искусство врачей и вошла в самих судей; и теперь происходит то же, как если бы кто, страдая горячкою, водячкою и множеством других жесточайших болезней, и не одолевая собственных недугов, стал усиливаться избавлять других, одержимых теми же недугами. Так волны пороков, подобно стремительному потоку, разрушив все преграды, вторглись в души людей. Но что я говорю об извращении общественной жизни? Эта язва, занесенная нечестивцами, угрожает истребить во многих даже самое понятие о Промысле Божиим: так она распространяется, возрастает, стремится овладеть всем, перевернула все вверх дном и, наконец, восстает против самого неба, вооружая языки людей уже не против подобных им рабов, но и против самого Господа Вседержителя. Откуда, скажи мне, так много речей о судьбе? Отчего многие приписывают все происходящее неразумному течению звезд? Почему некоторые предпочитают счастье и случай? Отчего думают, что все делается без причины и без цели? От тех ли, которые живут скромно и воздержно, или от тех, о которых ты говоришь, будто они под-

держивают общественную жизнь, а я доказал, что они общая язва вселенной? Очевидно – от последних. Никто не соблазняется тем, что такой-то любомудрствует и презирает настоящее, но тем, что такой-то богатеет, роскошествует, предан корыстолюбию и хищничеству, что он при своей злобе и бесчисленных пороках блистает и благоденствует. На это ропщут и жалуются неверующие в Бога, этим многие соблазняются, тогда, как по поводу живущих скромно не только не скажут ни одного такого слова, но и стали бы осуждать самих себя, если бы склонялись роптать на Промысл Божий. Если бы все, или даже большая часть людей, захотели так жить, то никто и не подумал бы о подобных речах, и не возникло бы главного из этих зол – исследования о том, откуда зло. Если бы зло не существовало и не обнаруживалось, то кто стал бы отыскивать причину зла и этим изысканием производить бесчисленные ереси? Так и Маркион, и Манес, и Валентин, и большая часть язычников отсюда получили начало. Но если бы все любомудрствовали, то не было бы такого изыскания; напротив, если не из чего другого, то из этого наилучшего образа жизни все узнали бы, что мы живем под властью Царя-Бога, и что Он распоряжается и управляет нашими делами по Своей премудрости и разуму; это, конечно, совершается и теперь, но не легко усматривается вследствие великой мглы, которая распространилась по всей вселенной, а если бы этого не было, то Промысл Божий открылся бы пред всеми, как в светлый полдень и в ясную погоду. Подлинно, если бы не было ни судов, ни обвинителей и клеветников, ни истязаний и пыток, ни темниц и наказаний, ни отнятия имений и потерь, ни страхов и опасностей, ни вражды и козней, ни злословий и ненависти, ни голода и зараз, ни иного чего из перечисленных бедствий, но все жили бы с надлежащею скромностью, тогда кто из всех живущих усомнился бы в Божием Промысле? Никто. А теперь происходит тоже, как если бы во время бури кормчий делал все со своей стороны и старался бы спасти судно, но его ревностное искусство не было бы замечаяемо находящимися на судне вследствие смятения, и страха, и беспокойства от угрожающих бедствий. Так и Бог управляет вселенною и теперь, но многие не видят этого вследствие смятения и неустройства в делах, которое эти люди производят больше всех, так что не только извращают общественную жизнь, но вредят и благочестию; и тот не погрешил бы, кто назвал бы общими врагами этих людей, которые живут во вред спасению других, потопляя своими гнусными учениями и нечистою жизнью плывущих вместе с ними.

11. Ничего такого нельзя видеть в монастырях, но хотя бы (в мире) поднялась буря, (отшельники) одни сидят в пристани в спокойствии и великой безопасности, как бы с неба взирая на кораблекрушения других, потому что они избрали образ жизни достойный неба, и пребывают в нем не хуже ангелов. Как между ангелами нет никакого нестроения, нет того, чтобы одни благоденствовали, а другие терпели крайние бедствия, но все одинаково наслаждаются миром, радостью и славой; так и здесь, никто не жалуется на бедность, никто не превозносится богатством: это – твое, а это – мое, – такое разделение, извращающее и смущающее все дела, изгнано отсюда, все у них общее – и трапеза, и жилище, и одежда. И что удивительного в этом, когда и самая душа у всех одна и та же? Все они благородны одинаковым благородством, рабы одинаковым рабством, свободны одинаковою свободою; одно там у всех богатство – истинное богатство, одна слава – истинная слава, потому что блага их не в названиях, а в делах; одно удовольствие, одно стремление, одна надежда у всех; все у них благоустроено как бы по мере и весу, и нет никакой неправильности, но – порядок, стройность и гармония, самое точное согласие и постоянное соблюдение благодушия. Посему все они и делают и терпят все для того, чтобы им благодушествовать и радоваться. Только там и можно находить это в чистом виде, а в другом месте нигде, не оттого только, что у них презирается настоящее, устранен всякий повод к несогласию и вражде и имеются светлые надежды на будущее, но и оттого, что случающиеся с каждым скорби и радости считаются для всех. И скорбь проходит легче, когда все согласно помогают каждому нести бремя; и для благодушия много поводов имеют те, которые радуются не своему только благополучию, но и чужому не менее, как и своему. Так и у нас – как

пошли бы дела, если бы все мы стали подражать им? Теперь они пропадают и расстроены от тех, которые далеко уклонились от такого образа жизни. А ты, утверждая противное, делаешь то же, как если бы кто хорошо настроенную лиру стал охуждать, как негодную, а испорченную чрезмерным напряжением или ослаблением (струн) назвал годною и для игры и для увеселения зрителей. Но как по отношению к говорящему это мы не стали бы искать другого еще доказательства невежества его в музыке, так и по отношению к утверждающим вышесказанное не нужно другого яснейшего доказательства их недоброжелательности и ненависти к людям. А что говорят отцы более скромные? Пусть, говорят они, дети прежде займутся науками и, усовершенствовавшись в красноречии, потом уже и переходят к этому любомудрию: тогда никто не будет препятствовать. Но откуда известно, что они непременно достигнут мужеского возраста? Многие скончались, подвергшись преждевременной смерти. Впрочем, пусть это будет так; положим, что они достигнут возмужалости возраста: кто поручится за весь предшествующий возраст? Не желая спорить, я скажу, что если бы кто представил надежное в том ручательство, то я не вывел бы (в пустыню) приобретших такое искусство, напротив тогда особенно и посоветовал бы им оставаться (в городе) и не похвалил бы тех, которые стали бы склонять их к бегству, но отнесся бы к ним как врагам общественной жизни, так как, срывая светильники и унося светила из города в пустыню, они лишили бы живущих там величайших благ. Но если никто не будет обещать этого, то какая польза посылать (детей) к учителям, где они научатся прежде красноречия порокам, и, желая приобрести менее важное, потеряют важнейшее – силу души и все доброе настроение. Так что же? Разрушить нам, скажут, училища? Я не говорю этого, но (говорю) о том, как бы нам не разрушить здание добродетели и не заглушить живой души. Когда душа целомудренна, тогда не будет никакой потери от незнания красноречия; а когда она развращена, тогда бывает величайший вред, хотя бы язык был весьма изощрен, и тем больший, чем больше это искусство; ибо порочность в соединении с искусством в слове производит гораздо худшие беды, чем необразованность. А если, скажешь ты, они, удалившись туда, при необразованности языка не будут иметь и добродетели? А если, скажи мне, они, оставаясь в городе, при развращении души, не приобретут в школе никакого красноречия? Мне позволительнее будет сказать это, нежели тебе твое. Почему? Потому что, хотя то и другое, как будущее, не известно, но твое более сомнительно. Как и почему? Потому что для надлежащего занятия красноречием нужна добрая нравственность; а добрая нравственность не нуждается в пособии красноречия. Можно быть целомудренным и без этого знания, но никто никогда не приобретет силы красноречия без добрых нравов, проводя все время в пороках и распутстве. Таким образом, чего ты боишься там, того же должно бояться и здесь, и здесь тем больше, чем чаще неудачи и чем высшему угрожает опасность. Там нужно заниматься только одним, а здесь предстоит овладеть двумя предметами, так как невозможно приобрести одного без другого, – без благонравности изучить красноречие. Но, если хочешь, предположим, невозможное возможным: что будет нам доброго от знания красноречия, когда у нас будет поражено самое существенное? И что худого от незнания, когда у нас, исправно самое важное? И это признано не только у нас, которые смеемся над внешнею мудростью и почитаем ее буйством (1 Кор.3:19), но даже у самих внешних философов. Посему многие (из них) не очень заботились об этом знании, а другие и совсем пренебрегли им и до конца остались неудачными и, посвятив всю свою жизнь нравственной части философии, сделались весьма знаменитыми и славными. Так Анахарсис, Кратис и Диоген нисколько не заботились об этом искусстве; а некоторые говорят тоже и о Сократе, и это может засвидетельствовать нам тот, кто более всех отличался в этом искусстве и точнее других знал дела его. Введя Сократа в судилище для оправдания, в защитительной речи пред судьями, (Платон) представил его говорящим так: «Афиняне, вы услышите от меня всю правду, клянусь Зевсом, а не речи, расцветенные и разукрашенные, подобно речам судей, отменными выражениями и словами; нет, вы услышите речь, изложенную просто и прямо, словами, какие случатся; ибо я уверен в справедливости того, что говорю, и никто из

вас пусть не ожидает чего-нибудь другого; и с моим возрастом несообразно было бы явиться пред вами подобно юноше, сочиняющему речи»⁷. Этими словами он показал, что не учился красноречию и не пользовался им, не по лености, но потому, что не считал его важным. Итак, красноречие не дело философов, и вообще мужей, – а предмет честолюбия для забавляющихся юношей, как думают и сами философы, не только прочие, а даже и тот, который в этом превзошел всех; и он не допускает своему учителю украшаться этим искусством, считая такое украшение постыдным для философа. Эти примеры справедливо было бы привести для неверующего, но еще более – для верующего. Не странно ли, что те, которые гонятся за похвалами толпы и не могут ничем другим отличиться, как только внешнею мудростью, считают ее за ничто, а мы так восхищаемся и увлекаемся ею, что ради нее пренебрегаем самым необходимым?

12. Итак, для неверующего довольно этих примеров, а для верующего, кроме этих, необходимо привести и наши примеры. Какие же? Тех великих и святых мужей, из которых у первых не было грамотности, у последующих – была грамотность, но еще не было искусства красноречия, а у позднейших была и грамотность, и искусство красноречия. Первые не знали ни того ни другого, потому что не учились не только красноречию, но и самой грамоте: однако же, в тех самых случаях, в которых особенно необходима, кажется, сила красноречия, они так превзошли самых сильных в нем, что эти оказались хуже неразумных детей. Если сила убеждения заключается в красноречии, и, однако, философы не убеждают ни одного тирана, а люди некнижные и простые обращают всю вселенную; то, очевидно, торжество мудрости принадлежит простым и некнижным, а не изучившим то и другое искусство. Так, истинная мудрость и истинное образование есть не что иное, как страх Божий. И пусть никто не думает, будто я узакониваю, чтобы дети оставались невеждами; нет, если кто поручится на счет самого необходимого, я не стану препятствовать, чтобы у них было в избытке и это искусство. Как тогда, когда колеблются основания и весь дом со всем зданием находится в опасности упасть, было бы крайне бессмысленно и безумно – бежать к красильщикам, а не к строителям; так и тогда, когда стены стоят твердо и крепко, было бы неуместным упрямством препятствовать желающему окрасить их. А что я говорю это от души, расскажу вам теперь то, что я познал на деле. Один юноша, очень богатый, поселился некогда в нашем городе для изучения латинской и греческой словесности. Этот юноша имел при себе воспитателя, у которого было одно только дело – образовать его душу. Пришедши к этому воспитателю (он был из числа живущих в горах), я попытался узнать, по какому поводу он, посвятивший себя этой мудрости, вступил в жизнь воспитателя. Он сказал, что ему остается немного времени (провести) в этом занятии, и рассказал нам все предшествовавшее. «У этого юноши, говорил он, отец суров и жесток и предан житейским делам; а мать – благонравная, рассудительная, строгая и стремящаяся только к небу. Отец, как оказавший много заслуг на войнах, хочет устроить сына в своем звании, а мать не хочет этого и не соглашается и даже сильно противится; она молится и желает видеть сына сияющим в монашеской жизни. Но сказать это отцу она не посмела, потому что боялась, как бы он, заметив это, заранее не связал сына житейскими узами и, отвлеки его от того намерения, не облек его в воинскую одежду со всею ее суетностью, и не сделал затем для него невозможною жизнь подвижническую. Посему она придумывает другое средство: призвав меня к себе в дом и сообщив все это, она, взяв правую руку отрока, влагает ее в мои руки. Когда же я спросил, для чего делает это? Она сказала, что нам остается одно средство к спасению сына, если я пожелаю и соглашусь в качестве воспитателя взять отрока и придти сюда; а она убедит отца, что если (сын) изберет и воинскую жизнь, для него, однако, будет полезно изучение красноречия. Если я, говорила она, успею в этом, ты, живя с ним одним на чужбине и не встречая противодействия ни от отца, ни от кого-либо из родных, будешь иметь возможность образовать

⁷ Философ Платон в сочинении «Апология Сократа».

его с полною свободою, и настроить его жить так, как бы в монастыре; согласишься же и обещаешь содействовать мне в этом деле. Забота у меня не о маловажном; я беспокоюсь и опасаясь за душу моего отрока. Не пренебреги же опасным положением того, кто для меня любезнее всего, но исхити его из сетей, бури и волнения, которые уже со всех сторон окружают его. Если же ты не хочешь оказать эту милость, то призываю Бога в посредники между нами, и свидетельствую, что я не опустила ничего надлежащего для спасения души его, и чиста от крови этого отрока; и если случится ему потерпеть что-либо, свойственное человеку молодому, живущему в роскоши и рассеянности, то от тебя и твоих рук взыщет Бог в тот день душу этого отрока. Сказав это и еще многое другое, и заплакав сильно и горько, она убедила меня принять на себя этот труд, и с такими внушениями отпустила». И не тщетно было придуманное ею средство: благородный воспитатель в короткое время так настроил отрока, и такой возбудил в нем огонь ревности (к подвигам), что он вдруг бросил все и убежал в пустыню, и нужна была другая мера, чтобы расположить его от усиленного подвижничества к умеренному, потому что была опасность, как бы он, такую ревностью прежде времени обнаружив придуманное дело, не возбудил жестокой войны против матери, и воспитателя и всех монахов. Ведь если бы отец узнал о его бегстве, то не преминул бы употребить все меры к тому, чтобы разогнать святых мужей, не только тех, которые приняли сына его, но и всех прочих. Встретив такого сына и сказав ему это и многое другое, я постарался сохранить в нем и даже еще более усилил расположение к любомудрию, но предложил ему жить в городе и заниматься науками, чтобы таким образом принести величайшую пользу сверстникам и укрыться от отца. А это я считал необходимым не только для тех святых, и для матери, и для воспитателя, но и для самого отрока. Если бы отец удержал его в самом начале, то, вероятно, потряс бы в нем ростки любомудрия, еще нежные, только что насажденные; но когда пройдет много времени и они хорошо укоренятся, тогда, — я твердо был уверен — что бы ни случилось, отец не в силах будет повредить сыну: так действительно, и произошло, и надежда не обманула меня. Когда отец, по прошествии уже долгого времени, приступил к нему и напал с великою силою, то не только не поколебал этого здания, но обнаружил в нем большую крепость; и многие из товарищей его получили столько пользы от общения с ним, что сделались его соперниками. Между тем он, имея постоянно при себе руководителя, подобно статуе тщательно обделываемой рукою художника, с каждым днем более и более усовершенствовал свою душевную красоту. И вот что удивительно: являясь вне дома, он, по-видимому, ничем не отличался от других, потому что и в обращении не был груб и суров, и одежды необычной не носил, но и по виду, и по взгляду, и по голосу, и по всему прочему был таков же, как и все. Поэтому и мог он многих из своих собеседников уловлять в свои сети, скрывая внутри себя великое любомудрие. А если бы кто увидел его дома, то подумал бы, что это — один из живущих на горах (отшельников); потому что и дом у него устроен был точно как монастырь, не заключая в себе ничего, кроме необходимого. Время у него все употреблялось на чтение священных книг; быстро усваивая науки, он внешнему учению уделял малую часть дня, а все остальное время занимался непрестанными молитвами и божественными книгами, и по целому дню оставался без пищи и даже не по одному и не по два только, но и больше. И ночи были у него свидетелями тех же слез и молитв и того же чтения. Все это пересказал нам воспитатель тайно, потому что отрок был недоволен, если узнавал, что какой-нибудь из подвигов его обнаружен; притом он говорил, что отрок и одежду сделал себе из волос, и в ней спал по ночам, нашедши в ней мудрое средство к тому, чтобы скорее вставать от сна. И (все) прочее делалось у него в точности как у монахов, и постоянно прославлял он Бога, даровавшего ему столь легкие крылья любомудрия. Итак, если бы и теперь кто показал мне такую душу и представил такого воспитателя и обо всем прочем обещал столько же позаботиться, я в тысячу раз больше самих родителей пожелал бы, чтобы дело слагалось так. Улов был бы у нас обильнее, когда бы подобные люди, и своею жизнью, и возрастом, и постоянным обращением уловляли своих сверстников. Но нет никого, кто бы обещал это и сделал; а если

нет, то было бы безмерною жестокостью оставить того, кто не может защищать самого себя, но лежит пораженный бесчисленными ранами и на других наводит уныние, терзаться среди битвы, вместо того, чтобы вынести его оттуда. Так и военачальника наказали бы, когда бы он способных сражаться выводил из строя, а раненым и лежащим, которые и других приводят в смятение, приказывал постоянно лежать на месте.

13. Но так как многие из отцов настоятельно желают видеть каждый своего сына занимающимся красноречием, как бы точно зная, что сын непременно достигнет совершенства в красноречии; то мы не станем спорить об этом и говорить, что он не будет иметь успеха, даже уступим на словах, что он непременно окончит учение и достигнет совершенства. Но пусть будут нам предложены на выбор два дела: или пусть сын, посещая училища, старается изучать науки, или пусть в пустыне (печется) о душе; в чем лучше, скажи мне, успевать? Если бы возможно было в том и другом, то этого и я желаю; но если одно из двух останется недостижимым, то лучше избрать превосходнейшее. Так, скажут на это; но откуда нам известно, что он там останется и устоит, а не падет? Многие уже пали. – А откуда известно, что он не останется и не устоит? Многие уже устояли, и таких больше, чем павших, так что надобно более надеяться из-за этих, нежели бояться из-за тех. А почему ты не боишься того же самого и по отношению к науке, где, в особенности следовало бы бояться? Между монахами из многих не достигли цели немногие, а в занятиях науками из многих успели немногие. И не поэтому только, а и по многим другим причинам справедливо можно более бояться касательно последнего. Здесь неспособность отрока, и неопытность учителей, и небрежность воспитателей, и недосуг отца, и недостаток средств на издержки и жалованье, и разность нравов, и порочность, и зависть, и ненависть товарищей, и многое другое препятствует дойти до конца. И не только эти, но и по окончании – еще другие большие (беды); потому что, когда он, преодолев все и не потерпев поражения ни от одного из этих препятствий, достигнет до самого верха образования, опять встречаются другие препоны. Здесь и неприязнь начальника, и зависть сослуживцев, и неблагоприятные обстоятельства времени, и недостаток друзей, и бедность часто удаляют от цели. Но у монахов не так: им нужно только одно – благородная и добрая ревность; и если это есть, тогда ничто не воспрепятствует достигнуть совершенства в добродетели. Посему, не справедливо ли – там, где прекрасные надежды ясны и близки, отчаиваться и бояться, а там, где ожидается противное, в отдаленности и с многочисленными препятствиями, не отчаиваться, а смело надеяться, не взирая на большую очевидность и многочисленность затруднений? В отношении к наукам смотреть не на случающиеся часто неприятности, но на добрые, редко бывающие, последствия, а в отношении к монахам поступать напротив, и там, где надежд на доброе много, устремлять взор только на печальное, а там, где ожидается противное, обращать внимание только на добрые последствия? Между тем там, когда даже сойдутся все благоприятные обстоятельства, часто преждевременная смерть постигает борца у самой цели, и уносит его, после бесчисленных подвигов, не увенчанным; а здесь, хотя бы (смерть) случилась среди самых подвигов, он тогда именно и отходит особенно славным и увенчанным. Итак, если ты боишься за будущее, то больше должно бояться в отношении к наукам, где много препятствий к достижению конца; в этом деле ты долгое время остаешься в ожидании, и не смотришь ни на какие встречающиеся препятствия, ни на издержки, ни на трудность занятий, ни на сомнительность успеха, но только на конец; а здесь, когда отрок не вступил еще и в преддверие, еще и не коснулся этого прекрасного любомудрия, ты уже боишься, трепещешь и впадаешь духом в отчаяние! Между тем, сам же ты прежде говорил: «что же, разве живущему в городе и имеющему дом нельзя спастись?» Так, если можно спастись в городе, имея дом и жену, то гораздо более – без жены и без прочего. Непозволительно одному и тому же человеку – то быть уверенным, что спасение возможно и для того, кто связан житейскими делами, то бояться и трепетать за того, кто будет свободен от всего, как будто без этого невозможно вести доблестную жизнь. Если и живущий в городе мог бы спастись, как ты говоришь, то гораздо более удалив-

пийся в пустыню. Как же ты боишься невозможности здесь, а не боишься ее там, где больше следовало бы бояться ее?

14. Но скажет кто-нибудь, не одно и то же – погрешит ли мирянин, или навсегда посвятивший себя Богу; так как не с одной высоты падают оба они, то и раны у них не одинаковы. Ты очень заблуждаешься и обманываешься, если думаешь, что иное требуется от мирянина, а другое от монаха; разность между ними в том, что один вступает в брак, а другой нет, во всем же прочем они подлежат одинаковой ответственности. Так, гневающийся на брата своего напрасно, будет ли он мирянин или монах, одинаково оскорбляет Бога, и взирающий на женщину «с вожделением», будет ли он тем или другим, одинаково будет наказан за это прелюбодеяние (Матф.5:22, 28). Если же можно прибавить что-нибудь по соображению, то – мирянин менее извинителен в этой страсти; потому что не все равно, тот ли прельстится красотой женщины, кто имеет жену и пользуется этою утехой, или будет уловлен этим грехом тот, кто вовсе не имеет такой помощи (против страсти). Также клянущийся, будет ли он тем или другим, одинаково будет осужден, потому что Христос, когда давал касательно этого повеление и закон, не сделал такого различия и не сказал: если клянущийся будет монах, то клятва его от лукавого, а если не монах, то нет, а просто и вообще всем сказал: «а Я говорю вам: не клянись вовсе» (Матф.5:34). И еще сказав: «горе вам, смеющиеся ныне» (Лук.6:25), не прибавил: монахам, но вообще всем положил это правило; так Он поступил и во всех прочих, великих и дивных повелениях. Когда напр. Он говорит: «блаженны нищие духом, плачущие, кроткие, алчущие и жаждущие правды, милостивые, чистые сердцем, миротворцы, изгнанные за правду», несущие за Него от внешних (неверующих) упомянутые и неупомянутые поношения (Матф.5:3-11), то не приводит названия ни мирянина, ни монаха: такое различие привнесено умом человеческим. Писания же не знают этого, но желают, чтобы все жили жизнью монахов, хотя бы и имели жен. Послушай, что говорит и Павел (а когда говорю о Павле, говорю опять о Христе). Павел же, в послании обращаясь к людям, имеющим жен и воспитывающим детей, требует от них всей строгости жизни, свойственной монахам. Так, устраняя всякую роскошь и в одежде и в пище, он пишет такие слова: «чтобы также и жены, в приличном одеянии, со стыдливостью и целомудрием, украшали себя не плетением [волос], не золотом, не жемчугом, не многоценною одеждою» (1Тим.2:9); и еще: «сластолюбивая заживо умерла» (1Тим.5:6); и еще: «имея пропитание и одежду, будем довольны тем» (1Тим.6:8). Чего еще больше этого можно было бы требовать от монашествующих? А, научая других удерживать язык, он опять постановляет строгие правила, такие, которые исполнить трудно и монахам, потому что устраняет не только срамные и глупые речи, но и шутовские, изгоняет из уст верных не только ярость, и гнев, и обиду, но и крик: «всякое», говорит, «раздражение и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякою злобою да будут удалены от вас» (Еф.4:31). Или мало тебе кажется этого? Подожди и услышишь гораздо больше о том, что Он заповедует всем о незлобии. «Солнце», говорит, «да не зайдет во гнев ваш» (Еф.4:26), «смотрите, чтобы кто кому не воздавал злом за зло; но всегда ищите добра и друг другу и всем» (1Фесс.5:15); и еще: «не будь побежден злом, но побеждай зло добром» (Рим.12:21). Видишь ли доходящую до самой вершины степень любомудрия и долготерпения? Послушай также, что заповедует он о любви – главе добродетелей: поставив ее выше всего и сказав о ее действиях, он объяснил, что от мирян он требует той же любви, какой (требовал) Христос от учеников. Как Спаситель сказал, что самая высшая степень любви состоит в том, чтобы душу свою полагать за друзей своих (Иоан.15:13); так и Павел выразил то же самое, сказав: «не ищет своего» (1 Кор.13:5), и к такой-то любви заповедал стремиться; так что, если бы только это одно было сказано, было бы достаточно для доказательства, что и от мирян требуется то же самое, что от монахов, потому что любовь есть связь и корень многих добродетелей, а Павел излагает ее и по частностям. Чего же можно требовать больше этого любомудрия? Когда он повелевает быть выше и гнева, и ярости, и крика, и любостязания, и чревоугодия, и роскоши, и тщеславия и прочего житейского и не иметь ничего

общего с землею; когда заповедует «умертвите земные члены ваши» (Колос.3:5), то, очевидно, требует от нас такой же строгой жизни, какой (требовал) от учеников Христос, и желает, чтобы мы были так же мертвы для грехов, как умершие и погребенные. Посему и говорит: «умерший освободился от греха» (Рим.6:7). А в иных местах он увещевает нас подражать Христу, а не только ученикам Его; так, когда убеждает нас к любви, к не злопамятству и кротости, то приводит в пример Христа. Итак, если (Павел) повелевает подражать не монахам только и даже не ученикам, но самому Христу, и не подражающим назначает величайшее наказание, то почему ты называешь их высоту большею? Всем людям должно восходить на одну и ту же высоту; то именно и извратило всю вселенную, что мы думаем, будто только монашествующему нужна большая строгость жизни, а прочим можно жить беспечно. Нет, нет, от всех нас требуется, говорит он, одинаковое любомудрие: это весьма хотел бы я внушить; или – лучше – не я, но Сам тот, кто будет судить нас. Если же ты еще удивляешься и недоумеваешь, то вот мы опять почерпнем для слуха твоего из тех же источников, чтобы тебе совершенно омыться от всякой нечистоты неверия. Я представлю доказательство от наказаний, имеющих быть в тот день (суда). Богач не за то много наказан, что был жестоким монахом, но – если можно сказать нечто в пояснение, – за то, что, будучи мирянином и живя в богатстве и пурпуре, презирал Лазаря в крайней бедности. Впрочем, не скажу ни того, ни другого, а только то, что он был жесток и за это терпел тягчайшие муки в огне. И девы за то, что не имели человеколюбия, были отвержены от брачного чертога; и, если можно прибавить нечто и от себя, наказание им не только не было усилено за девство их, но, может быть, еще смягчено за это; ибо они не услышали: «идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его» (Матф.25:41), но только: «не знаю вас» (Матф.25:12). Если же кто скажет, что то и другое одинаково, – противоречить не стану; потому что я стараюсь теперь доказать, что жизнь монахов не делает наказаний более тяжкими, но что и миряне подвергаются тем же самым наказаниям, если грешат одинаково с ними. Так и одетый в нечистую одежду (Матф.22:1-13) и требовавший (с должника) сто динариев (Матф.18:23-34) потерпели постигшие их беды не за то, что были монахи, но первый погиб за блудодеяние, – а последний за злопамятство. Если кто посмотрит и на других, которые будут тогда наказаны, то увидит, что они подвергаются наказанию только за грехи. Это можно заметить не только в наказаниях, но и в увещаниях. Так, (Господь), говоря: «придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим» (Матф.11:28,29), говорит это не одним только монашествующим, но всему человеческому роду. И когда он повелевает идти тесным путем (Лук.13:24), то обращает речь не к ним только одним, но ко всем людям; одинаково всем заповедал Он ненавидеть душу свою в мире сем (Иоан.12:25) и все прочее тому подобное. Когда же Он говорит не ко всем, и не закон преподает, то Сам же и объясняет нам это. Так, говоря о девстве, Он присовокупил: «кто может вместить, да вместит» (Матф.19:12); не сказал: *всякий*, не преподавал этого в качестве заповеди. Так и Павел, который везде является подражающим Учителю, коснувшись этого предмета, сказал: «относительно девства я не имею повеления Господня» (1 Кор.7:25). Итак, впредь думаю, и самый склонный к спорам и бесстыдный не будет отвергать, что и мирянину и монаху должно достигать одинаковой высоты, и что оба они, в случае падения, получают одинаковые кары.

15. Ясно доказав это, исследуем теперь и то, кто легче и скорее может пасть. Впрочем, здесь не нужно нам и исследования. Хотя сохранение целомудрия легко для человека женатого, как пользующегося великою утешью, – в отношении к прочим добродетелям и для него это оказывается не очень (легким), – однако, и здесь мы видим падающими больше женатых, нежели монахов. Не столько выходят из монастырей для вступления в брак, сколько от брачного ложа уходят к блудницам. Если же (миряне) так часто падают в том, против чего им легко бороться, то что им делать с прочими страстями, которыми они возмущаются более, нежели

монахи? На этих, конечно, сильнее нападает похоть, так как они не имеют общения с женщинами; но прочие страсти могут и не приближаться к ним, тогда как мирян сильно преследуют и поражают в самую голову. Если же монахи и в том, в чем сильнее бывает у них борьба, побеждают легче, нежели люди, не подвергающиеся такой борьбе, то они очевидно гораздо легче последних устоят против прочих страстей, которыми они не возмущаются. Так корыстолюбие и страсть к удовольствиям и власти и всему прочему обыкновенно гораздо легче преодолеваются ими, нежели мирянами. Как на войне и в сражении мы называем более легкой не ту часть борьбы, где мертвые падают часто и один за другим, но ту, где падают редко и немногие: так надобно судить и об этом предмете. Корыстолюбие легче преодолеет не тот, кто возвращается среди мира, но тот, кто пребывает в горах; первый легко и побеждается им, а побежденного корыстолюбием, надобно причислять к идолослужителям (Колос.3:5). Последний, если имеет деньги, не захочет оставить без пособия и родных своих, но с охотою отдаст им все, между тем как первый не только оставит их без внимания, но и обидит не меньше чужих: а это уже другой род идолослужения, тяжелее первого. И надобно ли исчислять все прочее, что монашествующими легко побеждается, а мирян низлагает с великою силою? Как же ты не боишься и не трепещешь, вводя (сына) в такую жизнь, в которой он скоро может быть побежден пороками? Или тебе кажется делом маловажным служить идолам, быть хуже неверных, отрицаться делами от служения Богу, – чему всему скорее подвергнутся люди, привязанные к миру, нежели монахи? Не видишь ли, что тот страх твой – пустой предлог? Если уже надобно бояться, то не за тех, которые избегают волнений и поспешают к пристани, но за тех, которые носятся по волнам среди вихря и бури. Здесь скорее могут быть кораблекрушения, оттого, что и волнений больше, и те, кому предстоит бороться, беспечнее; а там и волн таких нет, и великая тишина, и усердия больше в тех, которые должны бороться. Поэтому мы и привлекаем (других) в пустыню, не для того, чтобы они только облеклись во власяницу, надели на себя вериги и посыпались пеплом, но чтобы, прежде всего другого, избегли пороков и предались добродетели. Что же, скажут, неужели все женатые погибнут? Не это говорю я, но то, что им, если захотят спастись, предстоит больше трудов, по неизбежной необходимости, – потому что несвязанному легче бежать, нежели связанному. Но получит ли он и большую награду и блистательнейшие венцы? Нет; потому что он сам налагает на себя эту необходимость, между тем как можно бы и не налагать. Итак, когда у нас ясно доказано, что мы подлежим ответственности одинаковой с монахами, пойдем и сами по удобнейшему пути и сыновей поведем по нему; а не станем, как враги и неприятели, потоплять их и увлекать в бездны порочности. Если бы это делали другие, было бы не так ужасно; но когда родители, испытавшие все житейское и на самом деле узнавшие, как пусты настоящие удовольствия, доходят до такого безумия, что влекут к ним других, так как им самим возраст уже не позволяет (предаваться им), и, когда им следовало бы укорять самих себя за прежнее, ввергают туда же и других, и притом – находясь уже близ смерти, суда и тамошних истязаний; то какое останется для них оправдание, какое прощение, какая милость? Они будут наказаны не только за свои грехи, но и за влияние на детей, успеют ли они довести их до падения, или нет.

16. Но, может быть, вы хотите видеть детей от детей? Как же это, когда вы сами еще не сделали (истинными) отцами? Не рождение делает таким отцом: с этим согласятся и сами родители, которые, видя детей своих дошедшими до крайней порочности, отвергают и чуждаются их, как бы не своих, и ни природа, ни рождение и ничто другое, тому подобное, не может удержать их от этого. Пусть же они и не считаются отцами тех, которые далеки отлюбимудрия; но когда родят их, таким образом, тогда пусть и ожидают себе внуков, потому что тогда только и смогут они увидеть их. Дети их суть те, «которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились» (Иоан.1:13). Эти дети не заставляют отцов беспокоиться ни о деньгах, ни о браке и ни о чем-либо другом подобном, но, оставив их свободными от всякой заботы, доставляют им большее наслаждение, чем каким пользуются плотские отцы.

Они и рождаются и воспитываются не так, как те, но гораздо лучше и блистательнее; потому и радуют родителей более. Кроме того, сказал бы я и то, что неверующим в воскресение естественно плакать о детях, так как для них и остается одно только это утешение; но мы, которые смерть почитаем сном и научены презирать все здешнее, удостоимся ли какого-либо прощения, если станем плакать о них и будем стараться о том, чтобы видеть детей и оставить их здесь, откуда сами стремимся удалиться и где, пребывая, вздыхаем? Впрочем, это сказано нами для людей более духовных. А тем, которые любят плоть и очень привязаны к настоящей жизни, я сказал бы, что, во-первых, неизвестно, будут ли непременно дети после брака; во-вторых, если и будут, то от них будет горя больше, потому что мы получаем не столько радости, сколько скорби от ежедневных забот, беспокойств и опасений за них. Но кому, скажут, оставим мы поля, дома, рабов и золото (они, как я слышу, и об этом плачут)? Тому, кто и прежде имел (право) наследовать их, а теперь тем более чем более надежным будет он теперь и хранителем и обладателем их. Тогда многое могло вредить этим благам: и тля, и долговременность, и разбойники, и клеветники, и завистники, и неизвестность будущего, и непостоянство людей, и, наконец, смерть могла лишит сына и денег, и этих имений; а теперь он сложил свое богатство выше всего этого, нашедши место безопасное, куда ничто из сказанного достигнуть не может. Именно небо есть такое место, которое недоступно никакому нападению, плодоноснее всякой земли, и сложившим в нем свои богатства дает пожинать плоды их в великом изобилии. Посему не теперь надлежало бы говорить так, но когда бы сын намеревался быть человеком мирским, тогда (надлежало бы) плакать и говорить: кому оставим мы поля, кому золото, кому прочее имущество? Теперь у него столь много власти над богатством, что он не лишится обладания им даже и по отшествии отсюда, но тогда особенно и будет наслаждаться выгодами от богатства, когда отойдет отсюда. Если же хочешь еще здесь видеть сына господином имущества, то и этого скорее можно ожидать от монаха, нежели от мирянина. Кто, скажи мне, бывает более господином богатства: тот ли, кто издерживает и раздает его с великою щедростью, или тот, кто от скупости не смеет и прикоснуться к нему, но зарывает его и воздерживается от своего, как бы от чужого? Тот ли, кто тратит безрассудно и напрасно, или кто делает это надлежащим образом? Тот ли, кто сеет на земле, или кто делает это на небе? Тот ли, кому не позволено раздать все свое, кому он захочет, или кто свободен от всех требователей разных поборов? К земледельцу и торговцу многие приступают со всех сторон, принуждая платить подати и требуя каждый своей доли; но кто желает подавать нуждающимся, к тому никто ни откуда не явится с подобными требованиями, так что он и здесь более бывает господином (своего богатства). Неужели того, кто расточал бы имение на блудниц, на чревоугодие, на тунеядцев и льстецов, позорил бы свою честь, терял бы спасение и делался бы достойным посмеяния, ты назовешь господином расточаемого, а того, кто издерживает свое имущество с великим благоразумием, для истинной славы и пользы и на угодное Богу, ты не назовешь таким? Тогда ты сделаешь то же, как если бы, видя кого-нибудь бросающим свои имущества в водосточные канавы, назвал его господином их, а употребляющего их на необходимые нужды стал бы оплакивать, как бы не имеющего власти над издерживаемым. А лучше сказать, таковых людей надобно сравнивать не с теми, которые просто тратят (свое имение), но с теми, которые тратят на зло своим головам, потому что те издержки делают человека более знатным, более достаточным и более безопасным, а эти подвергают не только стыду и позору, но и неизбежной гибели.

17. Но, скажут, разве после брака и рождения детей нельзя посвятить себя любомудрию, достигши глубокой старости? А кто нам поручится, во-первых, что мы достигнем глубокой старости, и, во-вторых, что, достигши ее, непременно сохраним это намерение? Мы не властны в пределах жизни, чему учит и Павел, когда говорить: «что день Господень так придет, как тать ночью» (1 Фесс.5:2); и наши мысли не остаются всегда в одинаковом настроении. Посему и премудрый дает такое увещание: «не медли обратиться к Господу и не откладывай со дня на день: ибо внезапно найдет гнев Господа, и ты погибнешь во время отщепености» (Сир.5:8,9).

Но если бы даже и не было такой неизвестности, и тогда не следовало бы откладывать дела с сыновьями и опускать из вида, сколько от этого бывает вреда. Подлинно, крайне было бы безрассудно, когда юноша нуждается в помощи и когда ему угрожает сильный враг, приказывать ему погружаться в житейские дела, так что он легко может быть побежден (врагом), а когда он получит тысячи ран и не будет уже на нем ни одного здорового места, тогда вооружать и возбуждать его, уже лежащего и изнеможенного. Да, скажут, тогда и легка борьба, тогда и удобна битва, когда погаснут похоти. Но какая уже борьба тогда, когда никто не вступает в борьбу с нами? За это не будет потом и венцов светлых; ибо «благо человеку, когда он несет иго в юности своей; сидит уединенно и молчит» (Плач.3:27,28). Тот достоин бесчисленных похвал, прославлений и почестей, кто обузывает беснующуюся природу и спасает ладью во время самой жестокой бури. Впрочем, не будем спорить об этом; пусть будет отсрочена борьба, если хочешь. Но, если бы от нас зависело время борьбы, можно было бы ожидать старости; если же надобно человеку бороться в течение всей настоящей жизни, начиная с самого юного возраста, или с десяти лет (ибо с этого возраста надлежит давать отчет за грехи, как показывает пример отроков, пожранных медведями за насмешки над Елисеем), и притом бороться с того возраста, в котором воздвигается против нас сильнейшая война, то почему ты назначаешь для подвигов время старости? Если бы ты властен был приказать и диаволу, чтобы он не нападал и не вступал в борьбу, то этот совет твой имел бы некоторый смысл; но если ему ты предоставляешь действовать и поражать, а мне повелеваешь оставаться спокойным, или даже добровольно преклоняться пред ним, что может быть хуже этой обиды – в то самое время, когда враг неистовствует, обезоруживать того, на кого он нападает, и таким образом предавать в его руки? – Но сын молод и слаб? Потому-то он и нуждается в большей безопасности, а, нуждаясь в безопасности, имеет нужду и в большем попечении. Такому человеку надобно быть всегда в тишине и спокойствии, не вмешиваться в (мирские) дела и вращаться в той среде, где много шума и смятения. А ты этих самых, для кого борьба особенно тяжела и по их возрасту, и по слабости, и по неопытности, и по рассеянности среди мира, влечешь в мир, как будто уже опытных и крепких, и не позволяешь им уйти подвизаться в пустыне, подобно тому, как если бы кто человеку, который может одержать тысячи побед, приказывал размышлять о делах военных в бездействии, а неопытного, который не может и взглянуть на сражение, по этому самому заставлял бы быть в сражении, ввергая его в крайние затруднения в этом неисполнимом деле. Притом надобно знать и то, что по вступлении в брак нельзя быть господином самого себя, но неизбежно одно из двух: или иметь постоянное сожительство с женою, если она захочет этого, или, если она пожелает воздерживаться, оставить ее и предаться любодеянию. Надобно ли говорить о прочих затруднениях, о заботах касательно детей и дома, которые могут притупить всякое усердие (к благочестию) и произвести в душе великое расслабление?

18. Поэтому лучше вооружать (сына) с юного возраста, когда он властен над собою и ничем не связан, – лучше не только по сказанным причинам, но не меньше и по тому, что имеет быть сказано. Приступивший к любомудрию в конце своей жизни употребляет все время на то, чтобы посильно омыть грехи, соделанные в прежнем возрасте, и на это истощается все его усердие; но часто он не успевает и в этом, а отходит отсюда с остатками ран; а кто с юных лет вступил в подвижничество, тот не тратит времени на это и не сидит, врачую свои раны, но с самого начала уже получает награды; для первого желательно избавиться от всех ран, а последний с самого вступления на поприще воздвигает трофеи и присоединяет победы к победам; он, как олимпийский борец, с юного возраста до старости шествуя среди победных восклицаний, отходит туда, увенчанный бесчисленными на главе венцами. С кем же ты желаешь быть твоему сыну? С теми ли, которые с великим дерзновением могут взирать на самих архангелов, или с теми, которые стоят вместе со всеми и занимают последнее место? Такие, конечно, займут последнее место, если даже будут в состоянии преодолеть все препятствия, какие исчислил я теперь: если не постигнет их преждевременная смерть, если затем не воспрепятствует жена,

если не получают они столько ран, что для излечения их недостаточно будет всей старости, и если навсегда сохранять свое расположение (к благочестию) твердым и непоколебимым. Когда все это сойдется, и тогда они едва займут место между последними. С ними ли ты желаешь быть твоему сыну, или в числе тех, которые блистают в первом ряду воинства (небесного)? Кто же, скажут, так жалок, чтобы пожелать своим детям первого, а не последнего? – но мы следуем привычке и хотим, чтобы они были при нас. Этого и я желаю, и не менее вас, родителей, молюсь, чтобы они возвратились в родительский дом, и вознаградили за воспитание так, что других равных воздаяний и найти было бы невозможно; но не будем требовать от них этого теперь. Не странно ли, посылая их учиться красноречию, удалять надолго даже из отечества, или, когда они намереваются изучить какое-нибудь слесарное, или другое еще более низкое ремесло, не пускать их в свой дом, а приказывать и обедать и ночевать в доме учителя; когда же они намереваются приступить к изучению не человеческой науки, но небесного любомудрия, тотчас отвлекать их от этого, прежде, нежели исполнится нами желаемое? Иной, учащийся ходить по натянутой веревке, надолго расстается с родными; а тех, которые учатся взлетать от земли на небо, мы станем удерживать при родителях? Что может быть хуже такого безрассудства? Не видите ли, что и земледельцы, как ни сильно желают получить плоды трудов своих, никогда, однако же, не решатся собирать их преждевременно? Так не будем же и мы прежде времени отклонять сыновей от пустынной жизни, но предоставим урокам укрепиться в них и семенам (благочестия) укорениться; не будем беспокоиться и скорбеть, хотя бы должно было им воспитываться в монастыре десять или двадцать лет; потому что, чем кто более станет упражняться в школе, тем более приобретет силы. А лучше, если угодно, не станем назначать срока; но пусть будет единственным пределом то время, когда посеянные в сыне плоды достигнут зрелости; тогда пусть он возвращается из пустыни, а прежде – нет; потому что от поспешности нашей произойдет только то, что он никогда не будет зрелым. Кто прежде времени лишается питания в корне, тот и в надлежащее время не будет годен; а чтобы этого не случилось (с нашими детьми), будем терпеливо переносить разлуку, и не только сами не станем торопить, но, если и они захотят возвратиться преждевременно, не позволим. Усовершенствовавшись, сын будет для всех приобретением, и для отца и матери, и для дома и города, и для общества; если же он возвратится, не достигши цели, то будет предметом посмеяния и позора, и повредит себе и другим. Не будем же делать такого вреда. Отправляя сыновей на чужбину, мы хотим увидеть их тогда, когда они усовершенствуются в том, для чего предприняли путешествие; если же они возвратятся прежде, то мы не столько получаем удовольствия от их прибытия, сколько скорби от того, что они возвратились без пользы. Так, не крайне ли безрассудно – о духовном не прилагать и такого попечения, какое мы показываем в отношении к житейскому, но там любомудро переносить разлуку с детьми, даже с пожеланием большего продолжения ее, если это будет сколько-нибудь полезно, а здесь быть столь нежными и чувствительными к разлуке, что от такого малодушия погибают величайшие блага, имея притом здесь гораздо больше утешений не только в том, что дети посвятили себя важнейшим занятиям и непременно достигнут своей цели и ничто не разрушит их надежд, но и в самой даже разлуке? Когда дети находятся в дальнем путешествии, то трудно видаться с ними, особенно если родители будут в преклонных летах; а здесь можно часто приходить к ним. Так и станем делать: когда детям еще нельзя придти к нам, будем мы приходить к ним для свидания и собеседования. От этого нам будет много пользы и удовольствия: мы не только будем радоваться при свидании с любимыми детьми, но и возвращаться домой с великими плодами для нас самих; а нередко и сами останемся с ними, проникнувшись любовью к любомудрию. Итак, станем вызывать их тогда, когда они сделаются крепкими и способными приносить пользу другим; тогда только будем выводить их оттуда, чтобы они были светом для всех, чтобы светильник стоял на свечнике. Тогда вы увидите, каких детей отцы вы, и каких – те, кого вы считаете счастливыми; тогда вы узнаете пользу любомудрия, когда (дети ваши) станут врачевать людей, страдающих

неизлечимыми болезнями, когда будут прославляться, как общие благодетели, покровители и спасители, когда будут жить с людьми на земле как ангелы, и обращать на себя взоры всех; или вернее, что бы мы ни сказали, вам не высказать всего того, что можно видеть на опыте и на самом деле. Так и законодателям надлежало бы поступать, чтобы делалось должное, – не тогда внушать молодым людям страх, когда они сделаются мужами, но наставлять и направлять их в детстве; тогда и впоследствии не было бы нужды в угрозах. А теперь бывает то же самое, как если бы какой-либо врач начинающему заболеть не говорил ничего и не указывал, чем ему освободиться от болезни, а изнуренному и неизлечимому стал бы преподавать бесчисленные правила. Так и законодатели тогда руководят нас, когда мы уже развратились. Но не так (поступает) Павел; он приставляет к детям учителей добродетели сначала и с юного их возраста, преграждая порокам доступ к ним. Самое лучшее учение не то, когда, допустив наперед порокам одержать верх, потом стараются изгнать их, но то, когда употребляют все меры, чтобы сделать природу нашу недоступною для них. Посему увещаю не только удерживать других желающих поступать так, но и самим действовать и спасать ладью (жизни), и стараться, чтобы она плыла при попутном ветре. Подлинно, если бы мы все усвоили себе такой образ мыслей и прежде всего другого вели детей к добродетели, считая это главным делом, а все прочее придаточным, то отовсюду произошло бы столько благ, что, перечисляя их теперь, я показался бы преувеличивающим дело. Если же кто желает убедиться в этом, тот хорошо может узнать это из самых дел, и изъяснит нам, а прежде нас Богу, великую благодарность, видя, что на земле процветает жизнь небесная, и что вследствие этого учение о будущих благах и воскресении принимают с верою и сами неверные.

19. А что это не самохвальство, видно из следующего: когда мы говорим неверным о жизни пустынников, они не могут сказать ничего против нее, а думают найти опору для возражений в малочисленности провождающих такую жизнь. Но если бы мы насадили этот плод в городах, если бы благочиние стало законом и началом и если бы мы детей своих прежде всего другого наставляли быть друзьями Божиими и учили вместо всех и прежде всех прочих наук духовным, то прекратились бы все скорби, настоящая жизнь избавилась бы от бесчисленных зол, и то, что говорится о будущей жизни, т. е. «печаль и воздыхание удалятся» (Ис.35:10), все мы имели бы и здесь. Если бы не было в нас пристрастия ни к деньгам, ни к пустой славе, если бы мы не боялись ни смерти, ни бедности, скорби считали не злом, но величайшим благом, не знали ни вражды, ни ненависти, то не страдали бы ни от своих, ни от чужих горестей, но род человеческий приближался бы к самим ангелам. Но, скажет кто-нибудь, кто из людей достиг такого совершенства? Ты, конечно, не поверишь этому, проживая в городах и не читая божественных книг; но если бы ты узнал живущих в пустынях и древних, упоминаемых в духовных книгах, то убедился бы, что и монахи, и прежде них апостолы, и прежде этих (ветхозаветные) праведники, со всею верностью отличались таким любомудрием. Впрочем, чтобы нам не спорить с тобою, положим, что твой сын будет на две или на три степени ниже их, но и в таком случае он получит не мало благ. Он не сравняется с Петром и Павлом и даже не будет близко к ним: но неужели, поэтому лишим его и низшей сравнительно с ними чести? Так рассуждая, ты сделал бы то же, как если бы сказал: если он не может быть драгоценным камнем, то пусть остается железом, но не будет ни серебром, ни золотом. Почему же ты не рассуждаешь так и во внешних делах, но совсем напротив? Посылая сына учиться красноречию, ты хотя и не надеешься непременно увидеть его на высоте совершенства, однако поэтому не отвлекаешь его от этого занятия, а делаешь все со своей стороны, считая удовлетворительным, если сыну твоему, по успехам в красноречии, удастся быть пятым или десятым от первых. И определяя сыновей на службу царю, вы не ожидаете, что они непременно достигнут степени военачальников, однако не приказываете им снять с себя воинскую одежду и не приближаться даже к порогу дворца, но употребляете все средства, чтобы они не были устранены от пребывания там, считая достаточным видеть их хотя в числе средних. Почему же вы там, если и нельзя полу-

чить большего, стараетесь и заботитесь о меньшем, хотя надежда и на это также сомнительна, а здесь не радеете и уклоняетесь? Потому, что тех благ вы сильно желаете, а этих ни мало; а после, стыдясь признаться в этом, придумываете отговорки и предлоги; между тем, если бы вы истинно желали (этих благ), вас ничто не отклонило бы от них. Это действительно так: кто подлинно любит что-нибудь, тот, если не может достигнуть всего или самого высшего, постарается, по крайней мере, достигнуть среднего и даже в тысячу раз низшего. Так, пристрастный к вину и напиткам, если не может получить вина сладкого и ароматного, не откажется никогда и от самого дурного; и корыстолюбивый, хотя бы кто дал ему не драгоценные камни и не золото, но серебро, будет весьма благодарен. Такова страсть: это некое насилие, способное принудить всякого, одержимого ею, терпеть и переносить все для чего бы то ни было; посему, если бы ваши слова не были только предлогом, то вы должны бы содействовать нам, потому что желающему осуществления чего-нибудь свойственно не препятствовать этому осуществлению, но всячески содействовать ему. Так и выходящие на олимпийские игры, хотя знают, что из множества (соперников) только одному достанется награда за победу, однако же, вступают в борьбу и подвизаются. Между тем нет никакого сравнения между здешним и тамошним, не только по цели подвигов, но и потому, что там увенчанным уходит непременно только один, а здесь преимущество и унижение не в том, что один уходит не увенчанным, а другой увенчанным, но в том, что он один получает более блистательную похвалу, другой менее, однако все получают. Вообще, если бы мы захотели с начала настроить детей и передать желающим воспитывать их, то не было бы невероятным, что они станут в первом ряду воинства; потому что Бог не презрел бы такого усердия и ревности, но простер бы Свою руку и приложил бы ее к этим (живым) изваяниям. А когда действует рука Его, тогда невозможна безуспешность в чем бы то ни было, или вернее, невозможно не дойти до самой высшей степени блеска и славы, только бы при этом было и должное с нашей стороны. Если и жены были в состоянии умолить Бога, чтобы Он помог им в воспитании детей, тем более мы могли бы сделать это, если бы захотели. Чтобы не удлинять слова, я умолчу о прочих женах, хотя и мог бы сказать о многих, а упомяну только об одной.

20. Была одна иудейка, Анна. Эта Анна родила одного сына и не надеялась иметь другого, потому что и того едва получила после многих слез, так, как была бесплодна. Хотя она видела, что соперница часто укоряет ее за это, она, однако не поступила так, как поступаете вы, но, и, получив этого сына, держала его при себе только дотол, пока нужно было питать его молоком. А как скоро он уже не стал нуждаться в этой пище, она, взяв его, немедленно посвятила Богу, не приглашала его приходить в дом родительский, и он жил постоянно в храме Божиим: и если когда она, как мать, хотела видеть его, то не вызывала отрока к себе, но сама с отцом приходила к нему, обращаясь с ним, как уже посвященным (Богу). Оттого юноша сделался столь доблестным и великим, что когда Бог отвратился от народа еврейского за распространившееся в нем нечестие, не изрекал пророчеств и не открывал никакого видения, он своею добродетелью опять преклонил и умолил даровать (иудеям) то же, что и прежде, и возвратил отлетевший дар пророчества. И это сделал он, когда был не в зрелом возрасте, но еще малым отроком: «слово Господне было редко в те дни», говорит Писание, «видения [были] не часты» (1 Цар.3:1); между тем, ему Бог часто открывал Свою волю. Так полезно всегда отдавать свои стяжания Богу и отказываться от всего, не только от денег и имений, но и от самых детей. Если нам велено поступать так с душою своею (Матф.16:24, 25), тем более со всем прочим. Так поступил и патриарх Авраам, или, лучше сказать, гораздо выше: за то и получил обратно сына с большею славою. По истине, мы тогда особенно и остаемся с детьми своими, когда отдаем их Господу. Он гораздо лучше (нас) сохранит их, так как больше и печалится о них. Не видите ли, что так бывает и в домах богачей? И там можно видеть, что низшие (слуги), живущие с отцами, не так заметны и не имеют такой силы; а те, которых, господа, отняв от родителей, определяют к себе на службу для хранения сокровищ, пользуются большим благоволением и

свободою, и бывают настолько славнее своих со служителей, насколько господа славнее рабов. Если же люди так добры и благосклонны к своим слугам, то гораздо более беспредельна Благость, т. е. Бог. Отпустим же детей служить (Богу), вводя их не в храм, как Самуила, но в самое небо, вместе с ангелами и архангелами. А что посвятившие себя этому любомудрию действительно будут служить вместе с ними, это очевидно для всякого. Они будут предстательствовать с великим дерзновением не только за себя самих, но и за вас. Ибо, если некоторые получали (от Бога) некоторую милость за отцов, тем более отцы (получат) за детей; потому что в первом случае правом (на милость) служит только единство природы, а в последнем – и воспитание, которое гораздо важнее природы. То и другое я могу подтвердить вам и божественными писаниями. Так Езекию добродетельного и благочестивого, но не имевшего по своим делам дерзновения противостать великой опасности, Бог спасает, как Сам сказал, за добродетель отца: «буду охранять», говорит, «город сей, чтобы спасти его ради Себя и ради Давида, раба Моего» (4Цар.19:34). И Павел в послании к Тимофею о родителях сказал: «спасется через чадородие, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием» (1Тим.2:15). И Иова Писание прославило как за то, что он был «непорочен, справедлив и богобоязнен и удалялся от зла» (Иов.1:1), так и за попечение о детях; а оно состояло не в собирании для них богатства, и не в старании сделать их славными и знаменитыми, но в чем? Послушай, что говорит Писание: «когда круг пиршественных дней совершался, Иов посылал [за ними] и освящал их и, вставая рано утром, возносил всесожжения по числу всех их. Ибо говорил Иов: может быть, сыновья мои согрешили и похулили Бога в сердце своем» (Иов.1:5). Какое же будем иметь оправдание мы, дерзающие на такие дела? Если тот, кто жил прежде благодати и прежде закона, и не слышал никакого учения, имел столь великое попечение о детях, что опасался и за тайные грехи их, то кто оправдает нас, которые живем во время благодати, имеем столько учителей, такие примеры и такие увещания, и между тем не только не боимся за тайные, но не обращаем внимания и на явные грехи, и не только не обращаем внимания, но и желающих исправить их преследуем? И Авраам, как я сказал прежде, прославился между прочими и этою добродетелью.

21. Итак, имея столько примеров, будем готовить Богу доблестных служителей и исполнителей. Если тот, кто воспитывает борцов для городов, или обучает воинов для царей, удостоивается великой чести, то какой дар можем получить мы, воспитывая для Бога столь доблестных и великих мужей, или лучше сказать – ангелов? Будем же делать все, чтобы оставить им богатство благочестия, которое пребывает постоянно, сопровождает нас при отшествии отсюда, и может принести величайшую пользу не только здесь, но и там. Богатство житейское не перейдет туда вместе с людьми, но еще и здесь погибает прежде их, а часто губить вместе и владеющих им; но то богатство и здесь и там пребудет прочным и стяжавших его сохранит в великой безопасности. Действительно так: кто предпочитает земное духовному, тот лишится и того и другого; а кто стремится к небесному, тот непременно получит и земное. Это не мои слова, но самого Господа, имеющего подать эти блага: «ищите же», говорит Он, «прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Матф.6:33). Что может сравниться с этою честью? Заботься, говорит Он, о духовном, а все твое предоставь Мне. Подобно тому, как если бы чадолубивый отец принимал на себя попечение о доме, управление слугами и всем прочим, а сыну советовал заниматься одним только любомудрием; так точно (поступает) и Бог. Будем же послушны, станем искать царствия Божия; тогда и детей увидим везде почтенными, и сами прославимся с ними, будем наслаждаться и настоящими благами, если только возлюбим будущие и небесные. Это доставит вам, когда послушаетесь, великую награду, а противящимся и непослушным – тяжчайшее наказание; потому что нельзя оправдываться и говорить: никто нас не учил этому. Такое оправдание, еще прежде наших слов, уже опровергнуто, так как и (наша) природа имеет способность точно отличать хорошее от нехорошего, и наше любомудрие предлагается повсюду, и случающиеся в жизни бедствия достаточно сильны, чтобы изгонять в пустыню даже и сильно привязанных к миру. Так, если бы мы и молчали, как я сказал,

оправдание уже опровергнуто, а тем более теперь, после этого продолжительного рассуждения, после такого вразумления, предлагаемого как из опыта, так еще из Божественных Писаний. Даже если бы дети, оставаясь дома, не совсем развратились, но получили спасение только на последнем месте, и тогда мы (родители) не избегли бы наказания за то, что воспрепятствовали их желанию вести жизнь более строгую, и удержали при житейских делах тех, которые стремились к небу; но если и это оказывается невозможным, а напротив неизбежно предстоит им погибнуть и угрожает крайняя опасность, то, какое будем мы иметь извинение, какое оправдание, навлекши на себя тягчайшую ответственность не только за свои грехи, но и за последующие грехи детей? Не столько они, я думаю, будут наказаны за то, в чем погрешат после того, как были увлечены в эти волны (мирской жизни), сколько вы, поставившие их в такую крайность. Подлинно, если соблазнившему одного лучше было бы с жерновым камнем быть потопленным в море (Матф.18:6); то какое наказание и мучение будет достаточно для тех, которые оказывают такую жестокость и недоброжелательство к своим детям? Посему прошу прекратить состязание и быть отцами любомудрых детей. Нельзя же говорить и того чем многие, как я слышу, отговариваются. Что же это такое? Мы знали, говорят, что они не могут дойти до конца, поэтому и остановили их. Но если бы ты даже ясно предвидел это и если бы это не было только догадкой, — ибо устояли многие и из тех, о ком думали, что они падут, — если бы, говорю, ты подлинно предузнал это, и тогда тебе не следовало бы отвлекать сына. Если бы мы, например, стали подставлять ногу тому, кто уже готов упасть, то этого не поставили бы нам в оправдание, напротив это именно более всего и послужило бы к нашему осуждению. Почему ты не дал падению совершиться по собственной беспечности человека, но предвосхитил этот грех и всю вину привлек на свою голову? А лучше сказать, не следовало тебе и допускать этого; почему ты не употребил все средства к тому, чтобы сын твой не пал? Так как особенно ты знал, что он падет, то за это особенно ты и достоин наказания. Тому, кто наперед знал это, следовало не содействовать падению, а подать руку и оказать всевозможное усердие к тому, чтобы готовый упасть стоял твердо, хотя бы он устоял, хотя бы нет. Мы должны исполнять все со своей стороны, хотя бы другие не получали от нас никакой пользы. Почему и для чего? Для того чтобы отчета Бог потребовал уже не от нас, но от них. Это и сам Он сказал в осуждение тому, который ничего не сделал со своим талантом: «посему надлежало тебе», говорит, «отдать серебро мое торгующим, и я, придя, получил бы мое с прибылью» (Матф.25:27). Послушаем же Того, Кто внушает это, чтобы нам избежать наказания. Не можем мы обмануть вместе с людьми и Бога, Который испытывает сердца, все обнаруживает и везде возлагает на нас ответственность за спасение детей. Если такому наказанию подвергся не отдавший серебра (торговцам), то чему подвергнется тот, кто препятствует и (другим), желающим отдать его? Так, не только тогда, если дети погрузятся по вашему внушению в житейские дела, но и тогда, если мужественно устоят против нашего нападения и опять удалятся в горы, одинаковое наказание постигнет тех, которые хотели воспрепятствовать им. Как привлекающий к любомудрию, убедит ли он, или не убедит, получит полную награду (ибо он исполнил свое дело), так и желавший развратить, успеет ли сделать это, или нет, потерпит одинаковое наказание, потому что и он исполнил свое дело. Таким образом, если вы и не успели побороть и искоренить благородные стремления детей, вы за одно покушение на это подвергнетесь такому же наказанию, какому и отвлекшие их отсюда. Итак, рассудив обо всем этом и оставив всякие отговорки, постараемся быть отцами доблестных детей, строителями Христоносных храмов, попечителями небесных ратоборцев, намашая и возбуждая их, и всячески содействовать их пользе, чтобы и нам быть соучастниками их венцов. Если же вы будете сопротивляться, то дети, если они доблестны, и против вашей воли достигнут этого любомудрия и будут наслаждаться всеми благами, а с вами случится то, что вы навлекете на самих себя безмерное наказание и будете хвалить сказанное нами тогда, когда от этих похвал уже не будет вам никакой пользы.

СРАВНЕНИЕ ВЛАСТИ, БОГАТСТВА И ПРЕИМУЩЕСТВ ЦАРСКИХ С ИСТИННЫМ И ХРИСТИАНСКИМ ЛЮБОМУДРИЕМ МОНАШЕСКОЙ ЖИЗНИ

В слове или рассуждении с таким заглавием, означающем его содержание, более подробно излагаются мысли, высказанные в одном из предыдущих слов (Слово второе – к неверующему отцу, отдел. 6 и 7) в обличение нравов общества, современного Златоустому Святителю.

ВИДЯ, что многие из людей более любят и уважают кажущиеся блага, нежели существенно полезные и действительно добрые, я считаю необходимым сказать кратко о тех и других и противопоставить теперь одни другим – блага многими презираемые и блага весьма желаемые, чтобы, узнав различие между теми и другими, мы ценили одни, как достойные приязненности и спасительные, а другие научились презирать, как ничего не стоящие. Так люди любят богатство, власть, первенство и славу, и многие ублажают властителей народов, возимых на блестящих колесницах и сопровождаемых криком глашатаев и большой толпой оруженосцев, а презирают жизнь Любомудрствующих и избравших монашескую жизнь; те, появляясь, обращают на себя взоры народа, а эти, появляясь, не привлекают на себя взоров ничьих или очень немногих; и последним никто не пожелал бы уподобиться, а тем – все, между тем как приобрести власть и получить господство над народом трудно и для многих невозможно, и стремящимся к этой власти нужно иметь много денег, а избрать монашескую жизнь и проводить жизнь в служении Богу для всех одинаково легко и удобно. Притом обладание властью прекращается с этой жизнью, или лучше сказать – еще при жизни оставляет пристрастных к ней, и даже некоторых подвергало великой опасности или позору; а монашеская жизнь и теперь обогащает праведников многими благами и по окончании жизни приводит светлыми и радостными пред судилище Бога и Отца, когда большая часть начальствовавших явятся получить великое наказание за деяния своей жизни. Поэтому противопоставив блага Любомудрия и кажущиеся полезными блага владычества и славы в настоящей жизни, вникнем в различие тех и других благ; потому что при сравнении они будут более ясными, или лучше, если угодно, верховное из благ, т. е. царствование, сравнив с Любомудрием, посмотрим на плоды того и другого достояния, тщательно исследовав, над кем властвует царь и над кем Любомудрый. Так царь господствует над городами и областями и многими народами, руководствуя своими указаниями и военачальников и градоначальников и войска и народы и советы; а предавший себя Богу и избравший монашескую жизнь властвует над гневом и завистью и сребролюбием и сладострастием и прочими пороками, постоянно имея в виду и заботясь, как бы не допустить душу подпасть под власть гнусных страстей и не предать разум в рабство этой тяжелой тирании, но всегда соблюдать ум выше всего, поставив над страстями страх Божий. Такое господство и владычество принадлежит царю и такое монаху, так что справедливее иной назвал бы последнего царем, нежели блистающего багрянницею и венцом и сидящего на золотом престоле.

2. Так, поистине царь есть тот, кто побеждает гнев и зависть и сладострастие, подчиняет все законам Божиим, сохраняет ум свой свободным и не позволяет возобладать над душою страсти к удовольствиям. Такого мужа я желал бы видеть начальствующим над народами, и землей и морем, и городами и областями, и войсками; потому что кто подчинил душевные страсти разуму, тот легко управлял бы и людьми согласно с божественными законами, так что он был бы вместо отца для подчиненных, обращаясь с городами со всякой кротостью. А кто по видимому начальствует над людьми, но раболепствует гневу и честолюбию и удовольствиям, тот, во-первых, может быть смешным для подчиненных, потому что хотя носит венец, украшенный драгоценными камнями и золотом, но сам не увенчан смиренномудрием, и хотя все

тело его блесит багряницею, но душа его остается неукрашенною. Потом он не будет знать, как распорядиться с властью, потому что неспособный управлять самим собою как может подчинять законам других? Если хочешь видеть и войну того и другого, то найдешь одного сражающимся с демонами, и преодолевающим, и побеждающим и увенчиваемым от Христа; потому что он выходит на войну с божественною помощью, оградившись небесным оружием, отчего по необходимости ему и достается победа; а царя – сражающимся с варварами. А чем демоны страшней людей, тем побеждающий первых блистательнее побеждающего последних. Если же захочешь знать и причину той и другой войны, то и в этом найдешь большое неравенство. Тот сражается с демонами за благочестие и служение Богу, или желая исторгнуть из заблуждения города и селения, а этот сражается с варварами за отнятые местности, или пределы, или имущества; или же корыстолюбие и несправедливое властолюбие влечет его на сражение, при чем многие цари, желая большего, теряли и настоящее. Таким образом власть и войны показывают, сколь отличны друга от друга царь и посвятивший жизнь на служение Богу; а еще точнее можно узнать их, обратив внимание на жизнь и дневные занятия того и другого. Окажется, что один поистине обращается с пророками, украшает душу мудростью Павла и постоянно переходит от Моисея к Исаии, от этого к Иоанну, а от него (еще) к другому (из них), царь же постоянно обращается с военачальниками и градоначальниками и оруженосцами; а с какими людьми кто постоянно обращается, тем и уподобляется нравом. Посему монашествующий сообразует свой нрав с нравами апостолов и пророков, а царь – с нравами военачальников и оруженосцев и щитоносцев – людей, предающихся вину и услаждающихся удовольствиями и большую часть дня проводящих в пиршестве, не знающих ничего важного или доброго вследствие опьянения. Так и поэтому следует ублажать монашескую жизнь более, нежели жизнь с господством и царствованием и скипетрами.

3. Если мы захотим представить и ночное время, то увидим монаха отличающимся службою Богу и молитвами, воспевающим гораздо раньше птиц, сожительствовавшим с ангелами, беседующим с Богом, наслаждающимся небесными благами, а начальствующего над многими народами, областями и войсками, и обладающего обширной землей и обширным морем – распростертым на ложе и крепко спящим; потому что монах питается такими яствами, которые не требуют от него глубокого сна, а последнего усыпляет роскошь и питье, удерживающее на ложе до самого дня. У монаха и одежда и стол умеренны и соучастниками в яствах бывают подвижающиеся в той же добродетели, а царю необходимо украшаться камнями и золотом, предлагать блистательный стол и иметь соучастниками, если он неразумен, достойных собственной его порочности, а если имеет ум и смиренномудрие, то может быть честных и справедливых, но много уступающих первым в добродетели. Так, хотя бы царь был любомудр, он даже и мало не может приблизиться к доблестям монашествующего. Он в путешествиях бывает обременителен для поданных, и живя в городе, и наслаждаясь миром, и участвуя в войнах, и требуя податей, и собирая войска, и проводя пленников, и побеждая, и подвергаясь поражению; потому что, подвергаясь поражению, он слагает на подданных собственные бедствия, а побеждая становится невыносимым, украшаясь трофеями, и тщеславясь, и представляя воинам свободу грабить, расхищать, обижать путников, держать города в осаде, разорять дома бедных, от принимающих к себе их требовать каждый день того, чего не позволяет никакой закон, под предлогом какого-то древнего, беззаконного и несправедливого обычая. Притом богатому царь несколько не вредит такими тягостями, а причиняет зло бедным, как бы по-истине стесняясь богатых. А монах не таков, но, как только покажется, он является приносящим некоторую благодать богатым и бедным, одинаково тем и другим, облакаясь в одну одежду целый год и для питья употребляя воду охотнее, чем другие – чудное вино, для себя не испрашивая у богатых никакой – ни малой ни большой милости, а для бедных (испрашивая) многих и постоянных (милостей), с пользою для тех и других, и для дающих и имеющих получить. Таким образом он есть общий врач, одинаково и богатых и бедных, первых освобождая от грехов добрым увеща-

нием, а последних избавляя от бедности. Царь, даже и повелевая облегчить подати, приносит пользу больше богатым, нежели бедным, а поступая напротив, (тем более) вредит имеющим мало; потому что богатому немного может повредить тяжесть податей, а дома бедных она как поток разрушает, наполняя селения воплями, и ни старости не жалеют сборщики податей, ни вдовства жен, ни сиротства детей, но бесчинствуют во все время, как бы общие враги страны, требуя от земледельцев того, чего и земля не производила.

4. Теперь рассмотрим и то, что монах и что царь доставляет подданным: этот – золото, а тот – благодать Духа, этот избавляет от бедности, если он добр, а тот молитвами освобождает души, одержимые демонами. И если кому-либо случится подвергнуться таким несчастьям, то он проходит мимо царя, как бы бездушного предмета, и поспешает в жилище монахов, как бы избегая волка и прибегая к зверолову, имеющему меч в руке; ибо что для зверолова меч, то для монашествующего молитва. Подлинно, не так страшен для волков меч, как для демонов – молитвы праведников. Посему не только мы в нуждах прибегаем к святым монахам, но и сами цари прибегают к ним в опасных обстоятельствах, как бедные во время голода – к жилищам богатых. Ахав, царь иудейский во время голода и недостатка хлеба не полагал ли надежду спасения в молитвах Илии (3 Цар. 17)? Езекия, имевший такую же власть и державу, находясь в болезни и ожидании кончины, видя наступающую смерть, не прибег ли к пророку, как сильнейшему смерти и подателю жизни (4 Цар. 20)? Также, когда разразилась война и Палестина была в опасности разориться до самого основания, то цари иудейские, распустив войско, и пеших воинов, и стрельцов, и всадников, и военачальников и полководцев, прибегли к молитвам Елисея, так как думали, что служитель Божий заменит для них многие тысячи воинов (4 Цар. 3). Точно также и царь Езекия, когда наступила персидская война, и город с величайшей опасностью колебался до самого основания, и находившиеся на стене дрожали, страшились и трепетали как бы в ожидании грома или всеколеблющего землетрясения, противопоставил молитвы Исаии многим тысячам персов, и не обманулся в надежде (4 Цар. 19); ибо, как только пророк поднял руки к небу, Бог небесными стрелами прекратил персидскую войну, внушая царям почитать служителей Его общими спасителями земли, дабы они научились, принимая от праведников увещания ко всякому доброму и человеколюбивому делу, уважать эти советы и следовать благим внушениям. И не из этого только можно видеть различие того и другого, но, если случится тому и другому пасть, лишиться одному добродетели, а другому царства, то первый легко может придти в себя и скоро, очистив грехи молитвою и слезами, скорбью и попечением о бедных, опять удобно достигнуть прежней высоты; а ниспавший царь будет нуждаться во многих союзниках, многих воинах и всадниках, и конях и деньгах, (пребывая в) опасностях; последний всецело полагает надежду спасения в других, а первый получает спасение быстро вслед за желанием, усердием и переменою нрава; ибо «Царство» небесное, говорится в Писании, «внутри вас есть» (Лк. 17:21). Даже смерть для царя страшна, а для любомудрствующего беспечальна; потому что тому, кто презирает богатства, удовольствия и роскошь, для которых многие желают жить, по необходимости легко переносить и переселение отсюда. Если бы случилось тому и другому быть убиваемым, то один подвергнется опасностям за благочестие, приобретая смертью бессмертную и небесную жизнь, а царь встретит в убийце тирана и искателя власти, представляя после убиения жалкое и ужасное зрелище; а видеть монаха, убиваемого за благочестие – приятное и спасительное зрелище. Притом один будет иметь многих соперников его доблестей, подражателей и учеников, молящихся о том, чтобы оказаться подобными ему, а другой много потратит слов в молитвах, умолая Бога, чтобы не явилось ни одного искателя царства. Даже первого и убивать никто не осмелится, считая нечестьем против Бога, если убьет такого, а на последнего восстают многие убийцы, искатели тирании. Поэтому этот ограждается воинами, а тот ограждает города молитвами, не боясь никого; царь всегда живет со страхом и в ожидании убийства, потому что он имеет при себе опасное любостяжание, а монах – безопасное спасение. Итак, кажется, довольно сказано мною о делах настоящей

жизни. Если же мы захотим рассмотреть и будущее поприще, то увидим одного в блеске и славе, восхищаемого на облаках во сретение Господа в воздухе, как вождя и наставника спасительной жизни и всякой добродетели; а царь, если окажется пользовавшимся властью праведно и человеколюбиво (но это весьма редко), сподобится меньшего спасения и прославления, потому что они не равны, – не равны царь добрый и монах, живущий в высоком служении Богу; а если он окажется порочным и дурным, наполнившим землю множеством зла, то кто может изобразить бедствия, которыми он будет окружен, сожигаемый огнем, бичуемый, терзаемый, претерпевающий такие страдания, какие невыразимы словом и непереносимы делом? Все это представляя и помня, не должно восхищаться богатыми; ибо и владыка их, как оказывается, не может нимало приблизиться к добродетели монаха. Итак, когда ты увидишь богатого украшенного одеждою, убранного золотом, везомого на колесницах, выступающего в блистательных выходах, не ублажай этого человека; потому что богатство временно, и кажущееся прекрасным истлевает с этою жизнью; а видя монаха идущего одиноким, смиренным и кротким, спокойным и тихим, соревнуй этому мужу, окажись подражателем его любомудрия, молись о том, чтобы сделаться подобным праведнику; ибо «просите», говорит Писание, «и дано будет вам» (Мф. 7:7). Это поистине прекрасно, и спасительно, и благонадежно, по человеколюбию и промыслению Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

О СОКРУШЕНИИ

Два слова о душевном сокрушении написаны св. Иоанном Златоустым по просьбе благочестивых и близких к нему лиц, имена которых поставлены в заглавии этих слов, монаха Димитрия и Стелехия, в конце 374 или в начале 375 года по Р. Х., когда он сам, по посвящении в церковного чтеца св. Мелетием, епископом антиохийским, поселился в обители иноков, проводивших подвижническую жизнь на смежных с Антиохиею горах, о чем ясно говорится в первом слове (отдел. 6).

СЛОВО ПЕРВОЕ К ДИМИТРИЮ МОНАХУ

ВИДЯ, что ты, блаженный Димитрий, непрестанно обращаешься к нам и с великим усердием просишь от нас слов о сокрушении, я всегда ублажал (тебя) и удивлялся чистоте души твоей; потому что и пожелать таких наставлений невозможно, не очистившись перед этим совершенно и не возвысившись над всем житейским. Это легко видеть на тех, которые объемлются таким желанием даже на краткое время: в них происходит вдруг такая перемена, что они тотчас переносятся на небо; отрешив душу от мирских забот, как бы от тяжких уз, они таким образом дают ей свободу взлетать в свое, сродное ей, место. Но со многими обычно в течение жизни это случается редко; а ты, божественная глава, всегда, как известно мне, объят этим огнем сокрушения. И свидетелями мне в этом могут быть (твои) бессонные ночи, и потоки слез, и любовь к пустыне, постоянно живущая и процветающая в душе твоей. Какая же будет тебе польза от наших слов? Уже то самое, что ты, достигнув самой высоты (добродетели), ставишь себя вместе с идущими вниз, окрыленную душу (свою) называешь каменной и, непрестанно касаясь правой руки моей, целуешь и со слезами говоришь: «сокруши ожесточенное сердце мое», – уже это самое какую означает богобоязненность, какую пламенную ревность? Итак, если ты желаешь пробудить нас спящих, привлекая нас к этому предмету, то одобряю твою великую мудрость и попечение; но если ты действительно имеешь в виду себя самого и думаешь, что ты нуждаешься в возбудителе, то не знаю, как бы еще иначе мог ты убедить нас, что ни в чем нашем ты не нуждаешься. Впрочем, и при этом мы уступим тебе и послушаемся из уважения и (твоего) дерзновения к Богу, и усердия в просьбе, и дружбы к нам; а ты воздай нам за это своими молитвами, чтобы нам правильно устроить жизнь свою в будущем, и теперь сказать что-либо доброе, способное восстановить лежащие и подкрепить и ободрить ослабевшие души. С чего же нам начать это слово? Какое мы положим ему основание, какую опору? Не очевидно ли, что – слова Христа, в которых Он изрекает горе смеющимся, а ублажает плачущих, говоря так: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся» (Мф. 5:4), и: «Горе вам, пресыщенные ныне! ибо взалчете. Горе вам, смеющиеся ныне! ибо восплачете и возрыдаете» (Лк. 6:25)? И это весьма справедливо, потому что вся настоящая жизнь поистине есть время плача и слез; такое несчастье постигло всю вселенную, такая бедствия объяли всех людей, что, если кто захочет распознать их в точности, если только возможна такая точность, то не перестанет скорбеть и плакать: так все извратилось и расстроилось, а добродетели и следа нет нигде! А еще тяжелее то, что мы и сами не чувствуем и другим не даем чувствовать постигших нас бедствий, но стали похожи на человека, которого тело извне цветет, а внутри разрушается сильным огнем; и по этой безчувственности мы несколько не отличаемся от умалишенных, которые без опасения и говорят и делают много опасного и непристойного, и не только не стыдятся, но еще хвалятся этим, и считают себя здоровее здоровых. Так и мы, делая все, свойственное больным, не знаем и того, что мы больны. Между тем, если в теле нашем случится даже малая болезнь, мы и приглашаем врачей, и тратим деньги, и обнаруживаем терпение, и не перестаем делать все, пока не прекратим болезнь; а о душе, которая плотскими страстями ежедневно поражается, терзается, сожигается, низвергается в пропасть и всячески губит себя, несколько не заботимся. Причиною же этого то, что болезнь объяла всех. Поэтому, как больные телом, если не случится быть при них кому-либо из здоровых, беспрепятственно могут все подвергнуться крайней опасности оттого, что некому отклонить их от безразсудных желаний, так и у нас, оттого, что нет никого совершенно здорового в вере, но все больны, – одни более, другие менее, – никто не в состоянии пособить лежащим. Так, если бы кто со стороны пришел к нам и хорошо узнал и заповеди Христовы и расстройство нашей жизни, то не знаю, каких бы еще мог он представить себе других врагов Христа хуже нас; потому что мы идем такою дорогою, как будто решились идти против заповедей Его!

2. И чтобы кто не подумал, что наши слова преувеличены, я постараюсь представить и доказательство, не от чего либо другого, но из самых заповедей Христовых. Что же говорит Христос? «Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду. А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: «рака», подлежит синедриону; а кто скажет: «безумный», подлежит геенне огненной» (Мф. 5:21, 22). Это (сказал) Христос. А мы, хуже неверующих в Него, попрали этот закон, каждодневно осыпая братьев своих множеством злословий. И особенно смешно то, что, избегая названия урод, как будто только это слово подлежит наказанию, мы часто наносим (ближнему) другия более тяжкие оскорбления. А на самом деле не так, но (Господь) дал такое запрещение, угрожая наказанием оскорбителям вообще, как это видно и из следующих слов Павла: «Или не знаете, что неправедные Царства Божия не наследуют? Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники – Царства Божия не наследуют» (1 Кор. 6:9, 10). Если же называющий брата своего уродом достоин крайнего наказания, то сколько геенского огня приготовить себе тот, кто называет его злодеем, и завистливым, и безумным, и тщеславным, и многими другими, столь же оскорбительными, словами? Слова безумный и «рака» – гораздо легче сказанных теперь. Посему Христос, не упоминая о них, указал только на те, чтобы ты знал, что если легчайшее злословие подвергает сказавшаго геенне, тем более сделают это более тяжкие и несносные. Если же некоторые допускают в сказанном преувеличение (я знаю, что некоторые испытывают расположение думать так, будто эта угроза сказана только для того, чтобы утешить), то следует уже освободить от упомянутого наказания и самых блудников, мужеложников, малакий, идолослужителей. Если (апостол) высказал угрозу злоречивым только для страха, то явно, что тоже и остальным; потому что он сперва поставил всех вместе, а потом прибавил, что они будут лишены царствия. Что же, скажут, неужели злоречивый станет на ряду с блудником, и малакией, и лихоимцем, и идолослужителем? Одинаковому ли он подвергнется наказанию, это рассмотрим в другое время; а что он одинаково с ними лишится царствия, в этом я верю словам Павла, или, лучше сказать, действовавшего через него Христа, т. е. что ни те, ни другие царствия Божия не наследуют. И не только касательно этого, но и многих других предметов многие также расположены думать, будто то, о чем (в Писании говорится как) имеющем непременно исполниться, сказано преувеличенно. Это – диавольская сеть. Чтобы в людях, проникнутых сокрушением по любви к Богу, истребить страх будущего наказания и сделать их менее тщательными в повиновении заповеди, (диавол) предложил успокоение в мысли о преувеличении, которая в настоящей жизни способна обмануть беспечные души, но будет изобличена в день суда, когда от этого не будет никакой пользы. Что пользы, скажи мне, теперь обманутым узнать этот обман тогда, когда и покаяние нисколько не будет полезно, именно при воскресении? Не станем же тщетно обманывать себя, не будем лжеумствовать на зло себе и навлекать на себя еще другое наказание – за неверие. Жесточайшему наказанию подвергает нас не только неисполнение заповедей Христовых, но и неверие им; а неверие происходит от нерадения об исполнении заповедей. Именно, когда мы не хотим приобрести себе спокойствие повиновением (воле Божией) и исполнять заповеданное нам, то, стараясь отвлечь ум от страха за будущее и отогнать великий страх угрожающих наказаний, мы, подавляемые и терзаемые совестью, ввергаем себя в другую пропасть, – не верим этим наказаниям. Как одержимые сильною горячкою, если и бросаются в холодную воду, не ослабляют удушающего их жара, но еще более прибавляют себе огня; так и мы, уязвляемые сознанием своих грехов, заставляем себя погружаться в бездну (мысли о) преувеличении, чтобы потом безбоязненно предаваться всем грехам. Мы не только гневемся на присутствующих братьев, но часто враждебно относимся и к отсутствующим: а это – верх ожесточения. От тех, кто выше и сильнее нас, мы весьма скромно терпим и обиды и оскорбления, потому что боимся их; а к

равным и низшим, даже и не причинившим нам никакого огорчения, питаем вражду. Так страх пред людьми действует (в нас) сильнее страха Христова.

3. Как же мы можем надеяться на спасение, показывая такую беспечность и невнимательность? И отчего это, скажи мне? Что тяжкого, что трудного требует от нас Христос? Не гневайся, говорит Он, на брата твоего напрасно. А это гораздо легче, нежели терпеть напрасный гнев от другого; там уже готово вещество для огня, а здесь ты сам зажигаешь пламя, когда нет и вещества для него; между тем не все равно – терпеть ли и не воспламеняться, когда другой подносит свечу, или оставаться спокойным и невозмутимым, когда никто не возмущает. Кто вытерпит в первом случае, тот представит доказательство величайшего любомудрия; но кто сделает последнее, тот не заслужит удивления. Итак, когда мы, по страху перед людьми делая более трудное, не хотим делать менее трудного по страху Божию; то подумай, какому подвергаем сами себя наказанию и мучению. Притом, почитай братом не только равночестного тебе, не только свободного, но и слугу: «во Христе Иисусе», по апостолу «нет ни раба, ни свободного» (Гал. 3:28). Таким образом мы подвергнемся одинаковому наказанию, если будем гневаться напрасно и на рабов; потому что и раб есть брат и удостоился истинной свободы, имея один (с нами) дух. Кто же может сказать о своей жизни, что она чиста от безрассудного и напрасного злоречия и гнева? Не указывай мне на того, кто предается этому (пороку) изредка, но покажи такого человека, который бы никогда не предавался ему; а пока не представишь нам этого, до тех пор не можешь отклонить (содержащейся в Писании) угрозы под тем предлогом, что пороку этому предаются не часто. Так и вор, и блудник, хотя бы только однажды совершили грех, не освобождаются от наказаний потому, что совершали этот грех не часто, но наказываются за то, что вообще дерзнули на это. А что за этим следует (в Евангелии), того кто из неверующих не сочтет даже за басню, видя, с каким упорством мы нарушаем это (повеление)? Бог сказал: «Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой.» (Мф. 5:23, 24). А мы приступаем к алтарям, враждуя друг против друга и явно и тайно. Бог столько печется о нашем примирении, что допускает и жертвоприношению своему оставаться несовершенным и службе прерываться, только бы мы прекратили вражду друга к другу и гнев; а мы так мало обращаем на это внимания, что на гибель себе питаем вражду в продолжение многих дней. Христос наказывает не только злопамятных, но и тех, которые, освободившись от этой страсти, небрегут об оскорбленных (ими) братиях. Так как помнить зло свойственно обиженным, а тот, кто обижает, может и не предаваться этой страсти: поэтому (Христос) и повелевает последнему идти к первому, показывая, что большему против первого наказанию подлежит тот, кто дал корень греху. А мы и этим не вразумляемся, но оскорбляем братьев и за малости; потом, как будто бы не было ничего худого, оставляем без внимания и забываем обиженных нами, и даем вражде продолжаться долгое время, не сознавая, что понесем тем большее наказание, чем больше дней попустим продолжаться неприязни, – как за это самое, так и потому, что и примирение потом становится для нас более затруднительным. Как тогда, когда дружба связывает нас, ничто не может легко произвести разрыва (между нами) и даже быть принято с доверием; так тогда, когда вражда овладевает нашими душами, желающие поссорить нас большею частью легко и удобно успевают в этом, потому что мы тогда доброму не верим, а верим только худому. Посему (Господь) повелевает нам, оставив дар пред алтарем, наперед примириться с братом, дабы мы знали, что если в это время не следует отлагать примирения, тем более в другие времена. А мы внешние признаки удерживаем, от самой же истины удалились, – пред принесением дара приветствуем друг друга, но делаем это большею частию только языком и устами. Но Господь хочет не этого, а того, чтобы мы давали ближнему лобзание от души и приветствие от сердца. Это и есть истинное приветствие, а то – ложь и притворство; и кто так целует (ближнего), тот скорее прогневает, чем умилоустивит Бога. Он требует от нас искренней и крепкой дружбы, а

не такой, которая имеет у нас часто вид и призрак (дружбы), а силу вовсе утратила, что самое и служит доказательством господствующих у нас беззаконий. «По причине умножения беззакония», говорит Господь, «во многих оскудеет любовь» (Мф. 24:12). И это делаем мы, люди, которым повелено не гневаться и не иметь врагов, а если и случится кого иметь, то только на день: «солнце», говорит (апостол), «да не зайдет в гнев вашем» (Ефес. 4:26). А мы и на этом не останавливаемся; но строим козни друга против друга, и словами, и делами угрызая и поедая своих сочленов, что свойственно явному умоисступлению; ибо по этому особенно мы узнаем страждущих неисцельно беснованием и сумасшествием. Что же сказать о законе касательно соперника, нечистой похоти, бесстыдных взглядов, безумной и губительной любви? Здесь «правое око» и «правая рука» (Мф. 5:25–30) указывают нам не на другое что, как на любящих нас со вредом (для нас). А закон касательно развода с женами кем не был часто нарушаем и попираем (Мф. 5:32)?

4. О законах против клятвы стыжусь и говорить, потому что не только клянутся, но и нарушают клятвы непрестанно. Если клятва, и в справедливом деле, виновна и законопреступна, то куда мы отнесем нарушение клятвы? Если то, что сверх да и нет, от лукавого (Мф. 5:37), то кому приписать то, что превышает это последнее? Далее Господь говорит: «А Я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся». (Мф. 5:39–42). Что можно сказать на это? Относительно всего здесь сказанного остается только плакать и закрываться (от стыда): так мы уклонились в совершенно противоположную сторону, употребляя все время на суды и неприязни, на распри и ссоры, не перенося ни малейшего оскорбления, ни на деле ни на словах, но раздражаясь и за мелочи. Если бы ты мог указать на таких людей, которые, истратив много на бедных, после сами по бедности подвергаются презрению и терпят множество бедствий, то таких насчитал бы немного и даже весьма мало; но и между ними ты не указал бы нам такого любомудрого, какой изображен здесь: эта последняя (предписываемая Христом) жизнь гораздо духовнее, чем первая; потому что не все равно – дать ли добровольно, или перенести, когда все отнимают у тебя. Что говорю: перенести? Сказанное Христом заключает в себе гораздо более и этого. Слово Его так воспрещает обиженным гневаться на обидевших, что должно не только не скорбеть о том, что уже взято, но и отдавать добровольно то, что осталось, и показывать готовность терпеть зло более, нежели сколько есть страсти у врагов делать нам зло. Так, когда желающий обижать найдет, что обижаемый готов потерпеть более, нежели сколько ему хотелось, и, удовлетворив своей страсти, увидит, что оскорбленный с преизбытком выказывает свое великодушие, то отойдет прочь, побежденный и посрамленный превосходством терпения; и, хотя бы он был зверь, и даже свирепее его, сделается потом скромнее, ясно увидев из сравнения и свою злость и его добродетель. Такой жизни я и ищу теперь, какая именно и предложена в Писании, но какой в других местах и на опыте (не нахожу) нигде. Не указывай мне на такого, который обижен и терпит, ибо случается терпеть и по бессилию; но на такого, который в отношении к равносильным и к тем, кому он мог бы мстить, показал бы терпение, хотя и не до такой степени, чтобы превзойти страсть врага и дать ему более, нежели сколько он хотел, и этою добровольною уступкою большего доказал бы свое великодушие и на счет отнятого насильно. Но, что еще выше и этого и что составляет самый верх (добродетели), – Христос повелел нам считать друзьями, и друзьями близкими, тех, которые так поступают с нами и причиняют нам вред и в деньгах, и в телесном здоровье, и во всем прочем. Не только, говорит Он, прибавляя хищнику и лихоимцу, но и люби его любовью самую крепкой и искренней. Это именно желал Он выразить, когда сказал: «молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф. 5:44; см. Лк. 6:28). Это мы обыкновенно делаем только за тех, кого весьма любим. И чтобы ты опять не счел этих слов за преувеличение и не подпал дьявольскому обольщению, Он приводит этому

доказательство и основательную причину: «Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники?» (Мф. 5:46–47)? Если же мы в этом нисколько не отличаемся от мытарей и язычников, то как нам не плакать и не сокрушаться? И если бы зло состояло только в этом! Но теперь мы так далеки от любви к врагам, что отвращаемся и ненавидим даже тех, которые любят (нас); потому что враждовать, завидовать и губить их честь и добрую славу и делами и словами свойственно только тем, кто сильно ненавидит и отвращается. Таким образом, мы в этом не только ничем не отличаемся от язычников, но еще оказываемся гораздо хуже их. Христос повелел «молиться за обижающих», а мы строим ковы; нам повелено «благословлять проклинающих» (Мф. 5:44), а мы осыпаем тысячью проклятий. Что может быть сильнее этого противоречия и противоборства, какое мы ведем против Законодателя, поступая вопреки всем Его повелениям? Не говорю уже о власти тщеславия, которую Он низложил последующими словами (Мф. 6:1–8), а мы усилили, распространив эту власть его не только на молитвы, посты и милостыни, но и на все прочее, и подчинив себя этой безумной страсти хуже всякого невольника, – не говорю, потому что это ясно для всех; скажу только, что одни из людей, предавшись крайнему нерадению, не соблюдают никаких заповедей, а другие, если и захотят отчасти покоряться им и постараются исполнить некоторые заповеди, то и они опять впадают в тот же недостаток, не желая сбросить с себя уз тщеславия. Один совсем не подает милостыни, а другой даже если и уделяет нуждающимся несколько из своего имущества, но делает это с тщеславием, и потому оказывается ничем не лучше неподающего. Так дьявол всех совершенно опутал своими сетями! Если же кто сможет избежать этого недостатка, то по неразумию опять впадет в схожий с этим или еще гораздо больший грех; и останется не только без пользы для себя от того, что сделал, но и с причинением себе некоторого зла. Я знаю многих, которые помогают нуждающимся не по этим только причинам, но и по дружбе и из угождения и по многим другим подобным побуждениям, а не по страху Божию и не по заповеди. Итак, когда есть столько обстоятельств вредящих добрым делам, то кому из подверженных этим недостаткам легко будет спастись?

5. А слова: «прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим» (Мф. 6:12) кто может произнести смело? Мы если и не мстим врагам, то и не залечиваем (нанесенной нам) раны. А Христос желает, чтобы мы не только прощали, но и принимали врагов в число первых друзей. Поэтому, как я сказал выше, Он и повелел молиться за них. Если же ты, хотя и не делаешь зла (врагу), однако отвращаешься от него, смотришь на него с неудовольствием и хранишь в душе рану свою неисцельною, то ты еще не исполнил заповеди, которую дал тебе Христос. Как же ты просишь Бога, чтобы Он был милостив (к тебе), когда сам ты не милостив к оскорбившим тебя? Посмеяясь этому, один мудрец говорит: «Человек питает гнев к человеку, а у Господа просит прощения; к подобному себе человеку не имеет милосердия, и молится о грехах своих; сам, будучи плотию, питает злобу, кто очистит грехи его?» (Сир. 28, 3–5)? Хотел бы я уже замолчать и остановить речь на том, что сказано: так стыдно и совестно продолжать далее, потому что дальнейшая речь еще яснее покажет эту борьбу и непримиримую вражду, которую мы оказываем против заповедей Христовых. Но что пользы от нашего молчания, когда дела вопиют об этой вражде, а еще прежде самых дел ясно все знает Тот, Кто будет судить нас? Заповедь – не собирать себе «сокровища на земле, но на небе» (Мф. 6:19, 20), хотя и немногие, однако находятся исполняющие верно; прочие же все, как будто услышав противоположную заповедь, как будто имея повеление собирать сокровища на земле, оставили небо и прилепились ко всему земному, с безумной страстью собирают богатство и, возненавидев Бога, любят маммону. Что же касается до заповеди: «не заботьтесь о завтрашнем дне» (Мф. 6:34), то я не знаю никого, кто бы слушался и повиновался ей, по маловерию нашему. Поэтому, от стыда, пройду молчанием эту заповедь. Хотя надлежало бы верить Христу и тогда, как Он просто объявляет, но теперь мы не верим Ему, когда Он представил и

неопровержимые доказательства, и привел примеры, именно птиц и травы; напротив, подобно язычникам и даже с большим, нежели они, малодушием, терзаемся попечением (о земном), и о чем даже не получили повеления молиться, на то истощаем всю свою заботливость. Посему эту заповедь, со стыдом, как я сказал, пройду молчанием, и перейду к последующему, не найду ли там хоть малое облегчение своего стыда. Что же после этого говорит (Христос)? «Не судите, да не судимы будете» (Мф. 7:1). Здесь я думал найти облегчение своего стыда, но вижу приращение его не меньше, чем от предыдущего. Если бы мы не сделали даже никакого другого греха, то уже этот один может свести нас в преисподнюю геенну: так мы строго осуждаем чужие грехи, а у себя (в глазах) не видим бревен (ст. 3); так мы тратим всю свою жизнь на разведывание и осуждение чужих дел! И не скоро найдешь, и между мирянами и между монахами и клириками, такого, кто был бы свободен от этого греха, несмотря на относящуюся к нему такую угрозу: «ибо каким судом судите, [таким] будете судимы; и какою мерою мерите, [такою] и вам будут мерить» (ст. 2). И однако, несмотря на то, что этот грех подвергает такому наказанию, а нисколько не доставляет удовольствия, мы все бежим на зло, как будто стараясь и соревнуя войти в гееннскую печь не одною, а многими дорогами. Мы одинаково грешим не только в отношении к более трудным, но и в отношении к легчайшим (заповедям); нарушая равно и эти и те, и преступлением легчайших доказываем, что мы и труднейших не исполняем по своему небрежению, а не по трудности самых заповедей. Так, скажи мне, какой труд в том, чтобы не разведывать о чужих делах и не осуждать грехов ближнего? Напротив, труд нужен на то, чтобы разведывать и судить о других. Кто же, услышав это, поверит когда-либо нам, что мы дошли до нарушения (заповедей) по беспечности, а не с намерением и не по желанию? Когда то, что (Господь) повелевает делать, легко и удобно для желающих (исполнять), напротив то, что Он воспрещает, более тяжело и трудно, а мы, опуская повеленное, делаем запрещенное, не могут ли враги сказать, что мы грешим по желанию сопротивляться Ему? А что заповеди Христовы не имеют в себе ничего трудного, это объяснил сам Он, в словах: «возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко» (Мф. 9:29–30). Но мы, по неизъяснимой беспечности, делаем то, что легкое кажется для многих трудным. Кто хочет ничего не делать, а всегда спать, тому, конечно, кажется трудным и есть и пить; напротив, люди бдительные и бодрые не уклоняются и от весьма дивных и трудных дел, но приступают к ним с большею смелостью, чем беспечные и сонливые к весьма легким. Нет, точно нет ничего легкого, чего бы великая леность не представила нам весьма тяжелым и трудным; равно как нет ничего трудного и тяжкого, чего бы усердие и ревность не сделали весьма легким. Что, скажи мне, могло бы быть тяжелее, как всякий день терпеть опасности, угрожающие смерти? Однако блаженный Павел и это назвал легким, сказав так: «Ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу» (2 Кор. 4:17). И трудное само по себе дело становится легким по надежде на будущее; эту (причину) привел и сам (Павел), сказав: «когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое» (ст. 18).

6. Посмотрим и дальше. Не давайте, говорит Христос, «святыни псам, не бросайте жемчуга вашего перед свиньями» (Мф. 7:6). Христос дал эту заповедь как повеление, а мы, по тщеславию и неразумному дружелюбию, нарушили и это повеление, допуская к общению таинств, просто и без исследования, людей развратных, неверующих и исполненных множества пороков; прежде точного дознания их нрава открываем им все учение о догматах и сразу вводим в святилище тех, которые еще не могут видеть и преддверия. Поэтому некоторые из посвященных таким образом, скоро сделавшись отступниками, наделали множество зла. И мы нарушаем эту весьма страшную заповедь не только по отношению к другим, но даже и по отношению к самим себе, когда, имея нужду приобщиться бессмертных таин, часто делаем это с присущей нам нечистотою и с бесстыдством. И не только эти заповеди всеми всецело нарушаются, но, как оказывается, и последующие. Так Христос сказал: «Итак во всем, как хотите, чтобы с вами

поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Мф. 7:12). А мы делаем (другим) все, чего сами терпеть не хотим; и, имея повеление входить (в царство небесное) тесными вратами (ст. 13), ищем везде широких. И что таких врат желают и домогаются некоторые из мирян, это не очень удивительно; но что мужи, которые, по-видимому, распялись (для мира), ищут их более, чем миряне, это изумительно, даже походит на загадку. От всех почти монахов, если пригласишь их на какое-либо дело, тотчас услышишь прежде всего вопросы в таких словах: можно ли им найти покой, может ли приглашающий успокоить их; постоянно повторяется слово: *покой*. Что говоришь ты, человек? Тебе повелено идти тесным путем, а ты спрашиваешь о покое? Тебе заповедано входить узкими вратами, а ты ищешь широких? Что может быть хуже такого извращения дела? А чтобы ты не подумал, будто я теперь говорю это в осуждение других, расскажу тебе о самом себе. Когда я недавно решился, оставив город, уйти в келии монахов, то много раздумывал и беспокоился о том, откуда мне будет доставляемо необходимое и можно ли будет есть хлеб, новоиспеченный в тот же день; не заставят ли меня употреблять одно и то же масло и в светильнике и в пище, не принудят ли питаться жалкими овощами, не отправят ли на тяжелую работу, приказав например рубить или носить дрова, таскать воду, и исполнять все прочие такого рода службы? И вообще у меня было много заботы о (своем) покое. Между тем люди, принимающие на себя должности начальников и управление общественными делами, нисколько не заботятся об этом (покое), но только о том, будет ли дело иметь пользу, пользу временную, и если могут надеяться на это, то уже не думают ни о трудах, ни об опасностях, ни о бесславии, ни об унижительных работах, ни о дальних путешествиях, ни о жизни на чужбине, ни об огорчениях, ни о муках, ни о перемене обстоятельств, ни о возможности совершенного неисполнения надежд, ни о безвременной смерти, ни о разлуке с родными, ни об одиночестве жены и детей, ни о другой какой неприятности; но упоенные страстью к деньгам, переносят все, посредством чего только надеются удовлетворить ее. А мы, которым уготованы не деньги и не земля, но небеса и небесные блага, которые «не видел глаз, не слышало ухо», и которые «не приходили на сердце человеку» (1 Кор. 2:9), – мы спрашиваем о покое? Так мы более их жалки и слабы! Что говоришь ты, человек? Ты намереваешься идти на небо и получить там царство, и – спрашиваешь, нет ли какой трудности на этом пути и в этом путешествии, не стыдишься, не краснеешь и не бежишь скрыться под землю? Хотя бы там были все человеческие бедствия, злословия, обиды, бесчестия, клеветы, меч, огонь, железо, звери, потопления, голод, болезнь, и вообще все беды, какие случаются в жизни от начала доселе, неужели ты не посмеешься, скажи мне, и не презришь все это? Даже подумаешь ли об этом? Что было бы глупее, ниже и жалче такой души? Объятому желанием небесного не должно, не говорю – искать покоя (телесного), но и наслаждаться им, когда он имеется. Не странно ли, что, тогда как любящие нечистую любовь так всецело предаются своим возлюбленным, что кроме их и пребывания с ними, не находят ничего приятного в других удовольствиях настоящей жизни, как ни много их, мы, объятые не какою-либо нечистою, но самую возвышенною любовью, не только не пренебрегаем покоем, когда его имеем но еще ищем, когда его нет?

7. Никем еще, возлюбленный, не овладело желание небесных благ, как следовало бы овладеть; иначе он почел бы тенью и посмешищем все то, что (теперь) кажется трудным. Так, кто увлекается настоящим, тот никогда не удостоится увидеть будущие блага; а кто презирает здешнее и все считает не лучше тени и сновидения, тот скоро получит те великие и духовные блага. И если у кого действительно будет это благое (настроение), то оно окажет такую же силу, как огонь в терновнике; и хотя бы (такого человека) угнетало множество зол, хотя бы опутывали его многие верви грехов, хотя бы сильно горел в нем пламень похоти и окружало его великое смятение житейских дел, это (желание небесных благ), как бы крепким бичем, совершенно рассеет все такое и удалит от души. Как легкая пыль не может устоять против напора сильного ветра, так и множество нечистых пожеланий не может выдержать устремившейся против них силы сокрушения, но исчезает и рассеивается скорее всякой пыли и дыма.

Если плотская любовь так порабощает душу, что отвлекает ее от всего и подчиняет влиянию одной возлюбленной, то чего не сделает любовь ко Христу и страх быть отлученным от Него? Как трудно и даже невозможно смешать огонь с водой, так, думаю, невозможно совместить наслаждение (земными благами) с сокрушением; потому что они противоположны и взаимно исключают друг друга. Одно есть мать слез и трезвенности, а другое – смеха и неумеренности; одно делает душу легкою и окрыленную, а другое приводит ее в состояние тяжелейшее всякого свинца. И это я попытаюсь доказать не моими словами, но – того, кто сам был объят этою прекрасной любовью. Кто же это такой? Пламенный любитель Христа, Павел, который так был уязвлен этою любовью, что даже стenal о замедлении и продолжительности здешнего странствования: «находясь в этой хижине», говорит он, «воздыхаем» (2 Кор. 5:4); однако готов был и желал еще оставаться здесь для Христа: «а оставаться во плоти», говорит он, «нужнее для вас» (Флп. 1:24), то есть, для того, чтобы распространилась вера во Христа. Поэтому он переносил и голод, и жажду, и наготу, и узы, и (опасности) смерти, и морские путешествия, и кораблекрушения, и все прочие беды, им самим исчисленные; и не только не тяготился ими, но еще радовался, а причиною тому была любовь Христова. Потому он и говорил: «Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас» (Рим. 8:37). И не удивляйся этому: если любовь человеческая часто побуждала решаться на смерть, то чего не сделает любовь Христова? Какой не облегчит трудности? Так и ему все было легко, потому что он взирал только на возлюбленного (Христа), и для Него все терпеть считал выше всякого удовольствия и наслаждения, что и действительно так. Он даже и не думал, что он находится на земле, в настоящей жизни, и обращается с людьми; но как будто уже имел небесный жребий, обитал с ангелами, получил царство и наслаждался (созерцанием Бога) лицом к лицу, поэтому презирал и радости и горести настоящей жизни, и нисколько не заботился о покое, которого мы ищем постоянно, но восклицал так: «Даже донныне терпим голод и жажду, и наготу и побои, и скитаемся, и трудимся, работая своими руками» И еще: «мы как сор для мира, [как] прах, всеми [попираемый] донныне» (1 Кор. 4:11–13). Обратив же очи души на небо и прилепившись к тамошней красоте, он не хотел уже опять возвратиться на землю; но как бедняга и нищий, все время скрывавшийся в темной и низкой хижине, увидев царя блистающего золотом и лучами камней, не захочет уже и подумать о своем бедном жилище, а будет всячески стараться о переселении в другое жилище, если это возможно; так и блаженный (Павел), увидев небесные блага, смотрел с пренебрежением на здешнюю бедность и, – по необходимости, телесно обращаясь с людьми, ни к чему здешнему не прилеплялся, а всецело переселился в тот (небесный) град. И что я говорю о горестях настоящей жизни? Любовь Христова так воодушевила его, что если бы ему предстояло терпеть для Христа и вечные наказания, он никогда не отказался бы и от этого, потому что он служил Христу не так, как (служим) мы, наемники, страшаясь геенны и желая царствия. Быв объят какою-то другой, несравненно лучшей и блаженнейшей любовью, он и терпел и делал все не для чего иного, как для того, чтобы только удовлетворить любви, которую питал ко Христу и которая так овладела умом его, что он охотно расстался бы и с тем, что для него было дороже всего, – т. е. пребыванием со Христом, – для чего он пренебрегал и геенной и царством небесным, решившись для Христа встретить и с великой готовностью принять, как одно из вожеленнейших благ, даже и это невыразимое отлучение (от Христа за израильян, Рим. 9:3).

8. Сказанное мною теперь, может быть, многим покажется неясным; а когда я скажу то же яснее, тогда опять покажется невероятным для тех, кому прежде было неясно. И это нисколько не удивительно; сам блаженный (Павел), ожидая, что ему не поверят в этом, предварительно сказал: «Истину говорю во Христе, не лгу, свидетельствует мне совесть моя в Духе Святом» (Рим. 9:1). Однако, несмотря на то, что он присовокупил в своему изречению такие слова и призвал таких свидетелей своей совести, и ему теперь еще не верят. Что же именно говорит он? Послушай. После речи о бедствиях в этом мире, сказав: «Кто отлучит нас от

любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?» (Рим. 8:35), и перечислив все, что на земле, он восходит на небо; и желая показать, что пренебрегать для Христа здешними наказаниями не великое дело, прибавил: «ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь» (Рим. 8:38–89). Смысл слов его такой: не только люди не будут в состоянии отвлечь меня от этой любви, но и ангелы, и даже если соберутся вместе все небесные силы, и они не будут в состоянии сделать этого. Что я говорю? Даже если бы надлежало для Христа лишиться царствия или низринуться в геенну, и это мне не страшно. Это, а не другое что, означают слова: высота, и глубина, и жизнь, и смерть. А так говорил он не потому, что ангелы станут усиливаться отлучить его от Христа; но он на словах предполагает то, чего и быть никогда не может, чтобы изобразить и объяснить всем свою великую любовь. Таково свойство любящих: они не могут молчать о своей любви, но обнаруживают свой пламень пред всеми ближними, непрерывною беседою о превосходстве любви успокаивая свою душу. Так поступил и блаженный (Павел): обняв словом все, что есть и что будет, что случается и чего никогда не случится, видимое и невидимое, всякое наказание и всякую отраду, он, как будто этого ему было недостаточно для выражения своего чувства, предположив и выразив словом столько же других несуществующих предметов (к этим несуществующим предметам относится выражение: «другая какая тварь»), таким образом показал, что из всего сказанного ничто «не может отлучить его от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим 8:39). На такую высоту поднял свою любовь (Павел); а мы, получившие повеление подражать ему (1 Кор. 11:1), не переносим благодушно и здешних скорбей, но сетуем и ропщем не менее одержимых горячкой. Продолжительная болезнь эта, охватившая наши души, от продолжительности сделалась, там сказать, неизлечимой, и мы не можем даже подумать о совершенном здоровье, которого восстановление нам кажется уже невозможным. И если услышим, что кто-либо указывает на апостолов и говорит об их подвигах, мы вместо того, чтобы тотчас заплакать о себе, что мы так отстали от них, не считаем и за грех эту (отсталость), но ведем себя так, как будто и невозможно взойти на такую высоту. А если кто-нибудь спросит о причине, мы тотчас представляем такое неразумное оправдание: то был Павел, то был Петр, то Иоанн. Что значит: то был Павел, то был Петр? Не ту же ли природу, скажи мне, имели и они? Не тем же ли, как и мы, путем пришли они в жизнь? Не той же ли питались пищею? Не тем же ли дышали воздухом? Не теми же ли пользовались вещами? Не имели ли одни из них жен и детей, другие – и житейские ремесла, а иные даже не низвергались ли в самую бездну зла? Но они, скажет кто-нибудь, пользовались великою благодатию Божиею! Так, если бы нам повелевалось воскрешать мертвых, или отверзать очи слепых, или очищать прокаженных, или исправлять хромых, или изгонять демонов и врачевать другие подобные болезни: тогда уместно было бы такое наше оправдание. Но если теперь требуется строгость жизни и изъявление послушания (закону Христову), то как идет к этому такое оправдание? И ты при крещении получил благодать Божию и стал причастником Духа, если и не столько, чтобы творить чудеса, то сколько нужно иметь для правильной и благоустроенной жизни; таким образом – наше развращение происходит единственно от нашей беспечности. И Христос в тот день (суда) будет давать награды не тем, которые только делали чудеса, но тем, которые исполняли Его заповеди. «Приидите», – скажет Он, – «благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира,» не за то, что вы творили чудеса, но за то, что «алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; 36 был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне.» (Мф. 25:34–36). И в учении о блаженствах Он нигде не упоминает о делающих чудеса, а только – о ведущих жизнь праведную (Мф. 5:3-12).

9. Итак, хотя благодать ныне сократилась, однако это несколько не может повредить нам, но не послужит и к нашему оправданию, когда мы будем давать отчет в делах. И тем блаженным (апостолам) мы удивляемся не за чудеса, потому что чудеса вполне зависели от силы Божией,

но за то, что они явили жизнь ангельскую; а эта жизнь, при высшей помощи, есть дело и их собственного усердия. Это не я теперь говорю, но – сам подражатель Христов (Павел). Когда он в послании к ученикам опровергал лжеапостолов и хотел показать различие между чистым и нечистым служением, то указал не на чудеса, но на подвиги свои, следующими словами: «Христовы служители? (в безумии говорю:) я больше. Я гораздо более [был] в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти. От Иудеев пять раз дано мне было по сорока [ударов] без одного; три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине [морской]; много раз [был] в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями, в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе. Кроме посторонних [приключений], у меня ежедневно стечение [людей], забота о всех церквах. Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?» (2 Кор. 11:23–29)? За это я удивляюсь апостолам; а без этого, получившие по домостроительству (Божью) власть чудотворения не только не заслужили бы удивления, но даже сделались бы отверженными, как показывает и Христос, когда говорит: «Многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие» (Мф. 7:22–23). Поэтому Он и ученикам внушал: «однакож тому не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах» (Лк. 10:20). Жизнь праведная и без чудес получит венцы и ничего тогда не потеряет; а жизнь беззаконная и с чудесами не может избежать наказания. Итак сказанное нами оправдание неуместно, и не только неуместно, но даже опасно, и для многих еретиков служит предлогом. Если апостолы сделались столь дивными не по собственному своему изволению, а только по благодати Христовой, то что препятствует и всем сделаться такими же? Благодать, если бы наперед не требовала зависящего от нас, вдруг излилась бы в души всех, потому что у Бога нет лицеприятия; а так как она требует и зависящего от нас, то за одними следует и пребывает в них, от других удаляется, к иным же и вовсе не приходит. А что еще прежде, нежели блаженный (Павел) совершил что-либо дивное, Бог, узнав сначала его расположение, уже дал ему благодать, узнай из того, что Он говорит об нем: «он есть Мой избранный сосуд, чтобы возвещать имя Мое перед народами и царями и сынами Израилевыми» (Деян. 9:15). Так Испытующий сердца наши засвидетельствовал, когда (у Павла) еще не было благодати. Не будем же, возлюбленные, обманывать себя и говорить, что никому невозможно быть подобным Павлу. Другого Павла, по благодати и чудесам, конечно уже не будет никогда, но по строгой жизни может быть таким каждый желающий; а если нет таких, то единственно потому, что не хотят. Впрочем не знаю, как я дошел до такого неразумия, что ищу между нынешними людьми подобных Павлу, когда не могу видеть и таких, которые были бы подобны третьим или четвертым после него. Об этом должно скорбеть, и плакать, и рыдать, не один и не два только дня, но во всю жизнь; потому что кто приведет себя в такое состояние, тот впоследствии не скоро будет грешить. Если не веришь этим словам, то посмотри на плачущих, именно мирским плачем, притом не из числа простых и ведущих трудовую жизнь, но из числа тех изнеженных людей, которые ничего не знают, кроме удовольствий. И эти люди, которые преданы пьянству и объядению, продолжают обеды до вечера и ужины до полуночи, отнимают чужое, не щадят ни вдовы, ни бедного, ни слабого, и показывают великую жестокость; когда бывают объаты сильною скорбью, которая может возмутить и взволновать душу до глубины, отвергают все сладострастные и преступные пожелания и обращаются к любомудрой жизни, отличаясь строгим поведением, бодростью, земными поклонами, терпением, постом, молчанием, скромностью, смирением и великим человеколюбием. Те, которые отнимали чужое, в это время готовы охотно отдать и

свое; и хотя бы кто подложил огонь под их дом со всем имуществом, они не будут гневаться. Я знаю много таких, из которых одни, после потери возлюбленных, оставив город и его удобства, поселялись в деревнях, а другие строили себе дома при могилах усопших и там оканчивали жизнь. Но об этом после. Пока печаль их находится в силе, они нисколько не заботятся о настоящем, но ту безумную страсть, с которою они стремились к сбережению и скоплению денег и приобретению власти и славы в народе, попавив огнем скорби, как траву или цвет травы, изгоняют из души, и ум их тогда объемлется таким любомудрием, что им неприятно и говорить об удовольствиях настоящей жизни; но все, что прежде им казалось приносящим наслаждения, уже кажется противным и весьма горьким, и никто из слуг и друзей не посмеет тогда и слова сказать о мирских делах, даже весьма нужных; все оставляется без внимания и уступает место беседам о любомудрии, потому что тогда скорбию, как бы в каком священном месте, душа научается ничтожеству человеческой природы, кратковременности настоящей жизни, тленности и непостоянству житейского, обманчивости совершающегося на позорище (мира). Тогда (является) великое презрение к деньгам, тогда истребляется гнев, тогда оставляется честолюбие, и уже не может ни зависть обитать, ни гордость свирепствовать в сокрушенном скорбию, и похоть не разжигает сладострастного; но, по удалении всего этого из сердца, поселяется в нем один помысл, представляющий непрестанно образ умершего. Образ этот (для него) и пища и питье, и сон, и удовольствие, и покой, и великая отрада; это (для него) и слава, и богатство, и власть, и наслаждение.

10. Так и нам надлежало бы, – чтобы не сказать чего более, – оплакивать нерадение о своем спасении; с такою любовью и готовностью всем должно бы направлять туда очи души и постоянно памятовать и представлять его себе. Между тем как потерявшие детей и жен не занимают своего ума ничем другим, как только представлением отшедших от них; мы, потерявшие царство небесное, думаем обо всем больше, чем о нем. Из тех никто, хотя бы царского был рода, не стыдится обычной печали; но и сядет на землю, и заплачет горько, и переменит одежду, и с великой готовностью подчинится всем прочим требованиям такого горя; не станет думать ни о своем воспитании, ни о состоянии тела, ни о могущих быть впоследствии болезнях от изнурения, но все перенесет весьма легко; такое, и даже большее, терпение выказывают не только мужи, но и жены, сколько бы они ни были слабы. А мы, оплакивая не детей, не жен, но гибель души, души не чужой, но своей собственной, притворно ссылаемся на слабость тела и нежность воспитания. И если бы зло ограничивалось только этим! Но теперь мы не делаем и того, на что нам нисколько не нужна сила телесная. Так, скажи мне, какая нужда в силе телесной, когда надобно сокрушить сердце, помолиться трезвенно и бодро, подумать о грехах, низложить гордость и надменность, смирить ум? Вот что умиляет к нам Бога, не требуя большого труда; а мы и этого не делаем. Плакать (о душе) значит не то только, чтобы облечься во вретисце, заключиться в келье и сидеть в темноте, но постоянно памятовать о своих грехах и мучить совесть этими помыслами, непрестанно измерять то пространство пути, на какое мы отстоим от царства небесного. Как же, скажут, этому быть? Как? Если мы будем всегда иметь пред глазами геенну и ангелов, которые во время (суда) разойдутся повсюду и соберут со всей вселенной имеющих быть отведенными в геенну; если станем размышлять, какое великое, и без геенны, наказание – лишиться царства. Поистине, если бы даже не угрожал нам тот огонь и не ожидали нас вечные наказания, то одно отлучение от кроткого и человеколюбивого Христа, за нас предавшего Себя на смерть и претерпевшего все, чтобы избавить от того мучения и примирить с Отцом Своим нас, бывших по грехам врагами Его, – одно это, хотя бы мы и не лишились предлежащих неизреченных и вечных благ, больше всякого наказания в состоянии и пробудить души и расположить к постоянной бдительности. Если мы, только читая пример пяти дев, которые из-за недостатка елея отлучены были от брачного чертога (Мф. 25:8-12), скорбим об их несчастьи наравне с ними самими и смущаемся, то при одной мысли, что и мы сами подвергнемся тому же за беспечность, кто (из нас) будет настолько каменным, чтобы,

постоянно имея в душе этот пример, предаваться нерадению? Можно бы распространить слово и более, но так как оно сказано нами только из послушания, а не по другой нужде, то и написанного больше, чем требовалось. Мне хорошо известно, что ты сам строго содержишь всю добродетель сокрушения, и мог бы, даже молча, учить ей и других, если бы они пожелали хотя недолго пожить с твоим благочестием и видеть твою крестную жизнь. Так, если нашим современникам нужно учиться сокрушению, они должны идти в твое жилище, а потомки – слушать о твоих делах; великое, я думаю, руководство к этому доставит один рассказ о твоей жизни. Посему прошу и умоляю, наконец, вознаградить нас и воздать своими молитвами, чтобы мне не только говорить о сокрушении, но и оказывать его делами; потому что учительство без дел не только не доставляет никакой пользы, но даже приносит великий вред и осуждение тому, кто проводит жизнь свою в такой беспечности. «Не всякий», говорит (Господь), «говорящий Мне: Господи Господи, а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном» (Мф. 5:19; ср. 7:21).

СЛОВО ВТОРОЕ К СТЕЛЕХИЮ

КАК возможно быть тому, что приказал ты, святой Божий человек, Стелехий? Как от души, столь слабой и холодной, произойти словам о сокрушении? Кто намерен сказать об этом предмете что-нибудь доброе, тому надобно, я думаю, самому больше и прежде всех других воспламениться и гореть такою ревностью, чтобы произносимые им слова об этом, сильнее раскаленного железа, врезывались в душу слушателей. А у нас нет этого огня, но все, что внутри – прах и пепел. Как же, скажи мне, как зажечь нам этот пламень, когда у нас нет ни искры, ни подложенного вещества, ни ветра, который бы притек и раздул этот пламень, вследствие великой мглы, какую распростерло над нашею душою множество грехов? Я не знаю. Пусть же будет тобою, давшим приказание, сказано и то, как это приказание может перейти в дело и получить надлежащее исполнение. Мы предложим в услуги свой язык, а ты моли Исцеляющего сокрушенных сердцем, Подающего малодушным долготерпение, Воздвигающего с земли бедного, чтобы Он возжег в нас тот огонь, который обыкновенно уничтожает всякую немощь человеческую, истребляет всякую сонливость, беспечность и огрубелость плотскую, направляет полет души к небу, а с того свода (небесного), как бы с некоей возвышенной вершины, показывает всю суетность и обманчивость настоящей жизни. А кто не может взлететь туда и воссесть на этой высоте, тому невозможно видеть, как следует, ни земли, ни того, что делается на земле. Так как (здесь) много есть такого, что омрачает зрение, много такого, что возмущает слух и удерживает язык; то надобно, уклонившись от всякого шума и дыма, удалиться в ту пустыню, где тишина великая и ясность чистая, а шума никакого, где глаза пристально и неуклонно устремлены к созерцанию любви Божией, а слух невозмутимо предан одному занятию – слушанию Слова Божия и вниманию к той стройной и духовной гармонии, сила которой, однажды пленив душу, так овладевает ею, что (человек), увлеченный этою мелодиею, неохотно принимает и пищу, и питье, и сон. Посему этой силы не может ослабить ни смятение житейских дел, ни напор многих плотских (пожеланий). До этой высоты духовной не достигает поднимающийся шум бури, происходящей внизу; но, как взошедшие на вершины гор не могут уже ни слышать, ни видеть ничего, что делается или говорится в городе, а слышат какой-то неясный и неприятный шум, который несколько не лучше жужжания ос; так и удалившиеся от житейского и взлетевшие на высоту духовного любомудрия, не чувствуют ничего нашего; потому что, пока душа вращается на земле, тело и чувства телесные облагают ее бесчисленными цепями, со всех сторон собирая страшную бурю преходящих удовольствий: и слух, и зрение, и осязание, и обоняние, и язык, вносят в нее извне множество зол. Но когда она воспаряет и предается занятию духовными предметами, то заграждает вход греховным мечтаниям, не закрывая чувств, а направляя их деятельность на ту же высоту. Как грозная и строгая госпожа, начав готовить разнородную, тяжеловесную и драгоценную масть, и нуждаясь для этого во множестве рабочих рук, будит своих служанок и, приведши их к себе, одной приказывает отбирать в решето еще не приготовленные ароматы, другой взять безмен и весы и смотреть внимательно, чтобы их не вошло меньше или больше надлежащего и чрез это не нарушилась бы соразмерность приготовляемого состава; одной велит варить, что нужно, другой тереть, что не хорошо (протерто), а третьей соединять и смешивать одни вещества с другими, одной стоять с кувшином, другой – с другим сосудом, а третьей держать что-либо иное, и таким образом привязав к делу и ум и руки их, не дает ничему испортиться, тщательно присматривая за всем и не позволяя глазам блуждать и развлекаться по внешним предметам: так и душа, приготовляя эту драгоценную масть, то есть, сокрушение, обращает чувства к самой себе и останавливает их рассеянность. И если случатся ей, собравшись к самой себе, размышлять о чем-либо праведном и богоугодном, она тотчас заставляет чувства прекратить свою деятельность, чтобы они не ввели в нее неблагоприятно чего-либо ненужного, и тем не возмутили внутренней тишины ее. Поэтому, хотя

приражаются и звуки к слуху и видимые предметы к зрению, но ни один из них не проникает внутрь, так как деятельность каждого из этих членов бывает обращена к душе. И что я говорю о звуках и видимых предметах, когда многие из бывших в таком состоянии не чувствовали не только того, что другие проходили пред их глазами, но даже и того, что ударяли их? Такова душевная добродетель, что желающему легко, находясь на земле, но как бы восседая на небе, не чувствовать ничего происходящего на земле.

2. Таков был блаженный Павел; вращаясь среди городов, он был столь далек от всего настоящего, сколько мы отличаемся от мертвых тел. Так, когда он говорит: «для меня мир распят» (Гал. 6:14), то понимает эту нечувствительность (к земному), и даже не одну эту, но и другую такую же, так что она была в нем двоякая. Он не сказал только: «для меня мир распят», и – замолчал; но последующими словами указал и на другую (нечувствительность), сказав: «и я для мира». Велико любомудрие в том, чтобы мир почитать мертвым; но еще большее и гораздо важнейшее в том, чтобы и самому быть как бы умершим для него. Итак изречение Павла означает следующее: он, по словам его, далек был от настоящего не столько, сколько живые от мертвых, но столько, сколько мертвые от мертвых. Живой, конечно, не питает пристрастия к умершему, однако имеет другое какое-либо чувство, – или удивляется еще красоте покойного или жалеет и плачет о нем; а мертвый к мертвому не питает и такого чувства и расположения. Это желая выразить, он к словам: «для меня мир распят», прибавил: «и я для мира». Видишь ли, как он был далек от вселенной, как, шествуя на земле, достиг до самой небесной высоты? Не говори мне о горных вершинах, о лесах, о долинах и непроходимой пустыне: одних их недостаточно для освобождения души от шума (мирского), а нужен тот пламень, который возжег Христос в душе Павла и поддерживал сам блаженный духовным помыслом, и поднял до такой высоты, что этот пламень, начавшись снизу – с земли, достиг до самого неба, и до высшего неба, до самого высшего, – ибо сам он был восхищен до третьего неба (2 Кор. 12:2); но его расположение и любовь ко Христу простирались выше не только трех, но и всех небес. По телу он был мал и нисколько не превышал нас; но по расположению духа чрезмерно возвысился над всеми людьми, существующими на земле. И тот не погрешил бы, кто представил бы состояние этого святого под таким образом: будто бы какое-то пламя, обнявши поверхность всей земли и поднявшись вверх, прошло со всех сторон небесный свод и, пробежав сквозь лежащий выше его воздух, – воздух ли это, или что другое, – наполнило огнем середину между двумя небесами, и здесь не остановило своего течения; но, вдруг устремившись, поднялось до третьего неба и сделало все одним пожаром, которого широта равняется пространству всей земли, а высота – расстоянию от нас до третьего неба. Впрочем, и таким образом я, кажется, не изобразил и малейшей части любви его. А что эти слова не преувеличены, всякий точно может узнать, прочитав написанное нами об этом предмете к Димитрию. Так должно любить Христа, так – отрешаться от настоящего. Таковы были души и у святых пророков; потому они и получили другие очи. Отрешиться от настоящего было делом их собственного усердия; а что потом у них открылись другие очи для созерцания будущего, это уже было делом Божией благодати. Таков был Елисей: так как он отдалился от всего житейского, возлюбил царство небесное и презрел все настоящее, то есть царство и власть, и славу и всеобщее уважение; то и увидел никем невиданное никогда – целую гору, покрытую строем огненных коней и таких же колесниц и воинов (4 Цар. 6:17). Кто прельщается настоящим, тот никогда не удостоится созерцать будущее; а кто пренебрегает здешним и считает его не лучше тени и сновидения, тот скоро получить великие и духовные блага. Так и мы богатство, принадлежащее мужам, открываем своим детям тогда, когда увидим, что они стали мужчинами и пренебрегают всем детским; но пока они прельщаются последним, мы считаем их недостойными первого. Душа, не приучившаяся пренебрегать маловажным и житейским, не в состоянии будет созерцать небесное, равно как и созерцающая последнее не может не посмеиваться первому. Это говорил и блаженный Павел;

хотя слова его и относятся к догматам, однако, могут быть применены и к нравам и к дарованиям именно: «Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия» (1 Кор. 2:14).

3. Итак мы, как я сказал, должны искать пустынножительства не только в каких-либо местах, но и в самом произволении, и прежде всего другого – душу свою вести в самую необитаемую (пустыню). При таком расположении и блаженный Давид, живший в городе, управлявший царством и обремененный бесчисленными заботами, был объят любовью Христовой сильнее живших в пустынях. Таких слез, вздохов и рыданий днем и ночью едва ли кто увидит у кого-либо из ныне распявшихся (для мира), если только такой действительно найдется. При этом мы должны не только обратить внимание на слезы, но и вникнуть в то, кто их проливал; потому что не все равно, облеченный ли (царским) достоинством, всеми почитаемый и не подлежащий ничьим обличениям, смиряется, унижается и изнуряет себя, или делает то же самое не имеющий ничего такого. Царя многое доводит до расслабления и препятствует ему собраться духом. Он и от ежедневной роскоши расслабевает и изнеживается, и властью надмевается и увлекается к гордости; его воспаляет и любовь к славе, и не меньше того любовь плотская, рождающаяся от власти и питаемая роскошью. Кроме того, вихри забот, устремляющиеся на него со всех сторон, возмущают душу его не меньше тех страстей, и посему сокрушение, встречая столько преград, никак не может найти доступа (к нему); ибо и свободная от всего этого душа с трудом может насаждать в себе это благо. А частный человек, если только он не крайне развращен, чужд всего этого смятения; потому и может предаться (сокрушению) с меньшим неудобством, нежели пользующийся таким могуществом, властью и честью. Как трудно и даже невозможно смешать огонь с водою, так думаю, невозможно совместить наслаждение (земными благами) с сокрушением, потому что они противоположны и несовместимы между собою. Одно есть мать слез и трезвенности, а другое – смеха и неумеренности; одно делает душу легкою и окрыленною, а другое приводит ее в состояние, тяжелейшее всякого свинца. Но я не сказал еще самого важнейшего, того, что (Давид) жил в те времена, когда не требовалось особенной строгости в образе жизни; а мы приступили к подвигу тогда, когда полагается великое наказание не только за другие грехи, но и за смех, и напротив постоянно одобряется плач и скорбь. Однако, этот блаженный, разрушив все препятствия, предавался сокрушению так сильно, как будто был из числа простых людей и никогда не видал и во сне ни царства, ни царского великолепия; и в порфире, и в диадеме, и на царском престоле показал такое же сокрушение, как сидящий во вретище, на пепле и в пустыне. У кого действительно есть это благое настроение, оно оказывает такую же силу, как огонь в терновнике, и хотя бы (такого человека) угнетало множество зол, хотя бы опутывали его многие верви грехов, хотя бы сильно горел в нем пламень похоти, и окружало его великое смятение житейских дел, это (сокрушение), как бы крепким бичом, совершенно рассеет все такое и удалит от души. Как легкая пыль не может устоять против напора сильного ветра, так и множество похотей не может выдержать устремившейся на них силы сокрушения, но исчезает и рассеивается скорее всякой пыли и дыма. Если плотская любовь так поработает душу, что отвлекает ее от всего и подчиняет влиянию одной возлюбленной, то чего не сделает любовь ко Христу и страх быть отлученным от Него? То и другое так волновало душу пророка, что он иногда говорил: «Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже!» (Пс.41:2) и еще: «душа моя – к Тебе, как жаждущая земля.» (Пс.142:6) и: «к Тебе прилепилась душа моя» (Пс. 62:9); а иногда: «Господи! не в ярости Твоей обличай меня и не во гневе Твоем наказывай меня» (Пс. 6:2).

4. Пусть никто не говорит мне, что Давид написал этот (шестой) псалом, оплакивая свой грех. Это неверно и сделанная наверху (псалма) надпись не допускает такого предположения. Если бы содержания (псалма) нельзя было указать в надписи, то можно бы, если угодно, применить этот псалом и к обстоятельствам того греха; но когда известен (другой) псалом, сказанный по этим обстоятельствам, а настоящий псалом имеет иное содержание, то, прошу, не станем приводить в беспорядок божественное и собственным суждениям придавать более

важности, нежели догматам, изреченным от Духа. Какая же надпись (6-го псалма)? *О восьмом, «На восьмиструнном»* (Пс.6:1), говорит (Давид). Какой же это восьмой (день), если не тот день Господень, великий и славный, подобный печи горящей, который заставит трепетать и горение силы («и силы небесные», сказано, «поколеблются», Мф. 24:29), и изведет огонь, предшествующий Царю (Христу)? Он назвал этот день восьмым, указывая на перемену (настоящего) состояния и на обновление жизни будущей. Настоящая жизнь не что иное, как одна седмица: начинается она первым днем, а оканчивается седьмым: и потом опять круговращается в тех же пределах, восходя к тому же началу и нисходя к (тому же) концу. Поэтому никто не назвал бы дня Господня (воскресного) восьмым, но – первым; потому что круг седмицы не простирается до восьмеричного числа. Когда же все настоящее прекратится и разрушится, тогда наступит течение восьмого дня; оно не будет возвращаться к началу, но устремится в дальнейшие пространства. Итак пророк, от сильного сокрушения, имел всегда в памяти у себя (последний) суд, среди такого почета и удовольствий непрестанно видел перед собою тот день, о котором мы едва вспоминаем в скорбях, и, постоянно размышляя о судьбах Божиих, написал этот псалом. Что же говорит он? «Господи! не в ярости Твоей обличай меня и не во гневе Твоем наказывай меня» – называя яростию и гневом великую силу наказания (он знал, что Бог свободен от всякой страсти), хотя и сознавал себя достойным не мучения и наказания, но почести и венцов. Его вера, которой он низверг башню иноплеменников (Голиафа) и весь народ иудейский исторг из самых врат смерти и благоденствие, оказанное им не раз не два, а многократно своему гонителю (Саулу), и прежде того приговор о нем, произнесенный самим Богом, достаточно показывают доблесть этого мужа более самых заслуг его. Дела (человеческие), как бы ни были велики и дивны, могут однако быть подозреваемы в порочности, хотя заслуги этого праведника (Давида) по большей части свободны от всякого подозрения. Но когда свидетельствует Бог, тогда приговор не подлежит никакому подозрению; и если бы Давид не представил самого верного доказательства своей доблести, то и не получил бы небесного засвидетельствования. Что же Бог говорит о нем? «Нашел Я мужа по сердцу Моему, Давида, сына Иессеева» (Деян. 13:22; ср. 1 Цар. 13:14). И однако, после такого суда (Божия) и после таких подвигов своих, он произносил слова свойственные осужденным и не имеющим никакого дерзновения пред Богом, исполняя евангельское (повеление): «когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать.» (Лк. 17:10). Что больше этого сказал и тот, действительно исполненный множества грехов мытарь, который не осмеливался ни взглянуть на небо, ни произнести много слов, ни стать вблизи фарисея? Этот поносил его, говоря: «я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь» (Лк. 18:11); а тот принял его слова так, как будто бы не слышал ничего обидного, и не только не вознегодовал, но и почтил оскорбителя и гордеца такою честью, что признал себя недостойным той земли, которую этот попирает; не произнес ничего, кроме исповедания своих грехов и, сильно ударяя себя в грудь, горячо молил Бога быть милостивым к нему. Впрочем, нисколько не удивительно, что он так поступал, потому что множество грехов заставляло его, волею и неволею, преклонять голову; а что праведный и не сознававший за собою ничего такого приступал (к Богу) с таким же самоосуждением, как мытарь, это удивительно и показывает душу, истинно сокрушенную. Ибо чем отличаются от слов: «будь милостив ко мне грешнику» (Лк. 18:13) слова: «Господи! не в ярости Твоей обличай меня и не во гневе Твоем наказывай меня»? Последние даже более выражают, нежели сколько первые. Мытарь не смел взглянуть на небо, а праведный (Давид) сделал гораздо больше его. Тот говорил: «будь милостив ко мне», а этот не осмелился сказать и этого; не сказал: «не обличай меня», но: «не в ярости Твоей»; не сказал: «не наказывай меня», но: «не во гневе Твоем», молил не о том, чтобы не быть наказанным, но чтобы не тяжело быть наказанным. Таким образом из всего можно видеть смирение души его – и из того, что он почитал себя достойным такого наказания, и из того, что он не осмеливался умолять Бога о совершенном прощении, а это свойственно

крайне осужденным и признающим себя грешнее всех людей. А еще важнее то, что и самого избавления от тяжкого наказания он просит у милости и человеколюбия Божия, как немощный. «Помилуй меня», говорит, «ибо я немощен» (Пс. 6:3). Что это? Удостоившийся такого засвидетельствования и не забывающий судеб Божиих («суды Твоя», говорил он, «не забыл» Пс. 118:30), сияющий светлее солнца, говорит такие слова? Да; то и достойно удивления, что совершивший столь великие дела ничего великого и не сказал и не подумал о себе, но почитал себя последним из всех и просил себе спасения от одного человеколюбия Божия. Он как бы так говорил: я достоин неослабного наказания и вечных мучений; но, как я уже не в силах переносить, то и молю об избавлении меня от настоящих бедствий, – подобно рабам, сделавшим много дурного, которые не могут сказать, что не согрешили, но так как боль от бичей невыносима, то умоляют наконец о прекращении ударов. Но здесь, я думаю, Давид разумел еще и другую немощ. Какую же? Немощь, которая в нем происходила от скорби и воздыханий. Когда постигнет нас с великою силою чрезмерная скорбь, то она пожирает всю силу души. Это, я думаю, испытал и праведник от сильного самоосуждения и от того, что не увлекался приятными надеждами, но всегда противоположными. Это ясно выражает он и в дальнейших словах. Сказав: «Господи! не в ярости Твоей обличай меня, помилуй меня», он присовокупил «ибо я немощен; исцели меня, Господи, ибо кости мои потрясены; и душа моя сильно потрясена (Пс. 6:3–4). Если же тот, у кого совесть была так чиста, молит, чтобы дела его не подверглись строгому исследованию: что сделаем мы, которые обременены столь многими пороками, так далеки от его дерзновения и не показали даже малейшей доли его исповедания? Почему же этот блаженный изрекал такое исповедание? Он был убежден, что никто не оправдается пред Богом, что и праведный едва спасается; поэтому и умоляет (Бога) – иногда так: «не входи в суд с рабом Твоим» (Пс. 142:2); а иногда так: «Помилуй меня, ибо я немощен» (Пс. 6:3).

5. Замечательно, что Давид нигде не упоминает о своих добрых делах, но предоставляет свое спасение человеколюбию Божию. Это свойственно сокрушенной душе и смиренному духу; и отсюда произошло то, что совершивший великие добродетели боялся и трепетал более грешников. А что Давид так трепетал и боялся, послушай, как он сам говорит: «Если Ты, Господи, будешь замечать беззакония, – Господи! кто устоит?» (Пс. 129:3) Знал он, ясно знал, что мы много должны Богу и что самые маловажные грехи достойны великого наказания; предвидел задолго, какия заповеди даст Христос по пришествии своем; верил, что будут строго осуждены не только убийства, но и оскорбления и злословия, и порочные мысли, и смех, и празднословие, и шутовство, и другие, еще менее важные, пороки. Посему и Павел, хотя не знал ничего за собою, говорил: «Ибо [хотя] я ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь» (1 Кор. 4:4). Почему? Потому, что он, если и не сделал ничего дурного, как и действительно не сделал, то не считал себя вполне воздавшим подобающую Богу честь. Мы, хотя бы умерли тысячу раз, хотя бы совершили всякую добродетель, и тогда не воздали бы должного Богу за дарованные нам от Него блага. Посмотри: не имея никакой нужды в нас, но будучи самодоволен, Он привел нас из небытия в бытие, вдохнул (в нас) душу, какой (не дал) ни одному из животных земных; насадил рай, распростер небо, под ним положил землю, зажег блестящие светила; землю украсил озерами, источниками, реками, цветами и растениями, а на небе поставил хор разнообразных звезд; сделал для нас ночь полезной не меньше дня, от доставляемого сном покоя и укрепления. Сон не меньше яств питает наши тела, как видно из следующего: часто, видим мы, голод переносят в продолжение многих дней, а без сна невозможно пробыть и немного дней. Ночь также прохлаждает и уничтожает в нас тот жар, который скопляется в течение дня отчасти от солнечных лучей, отчасти от дневных трудов, и таким образом восстанавливает в нас опять бодрость на труды, а в зимнее время своей продолжительностью она еще более доставляет нам покоя и отрады, заставляя нас быть под домашней кровлей. И темнота сделана принадлежностью этого времени не напрасно и не без цели, но для большего успокоения. Как сердобольные матери, желая усыпить беспокойных детей, берут их в свои объятия и, накинув

на глаза их покрывало, усыпляют их: так и Бог, распростерев над вселенной темноту, как бы некий покров, покоит людей от трудов. Если бы этого не было, то мы все надорвались бы от суетливости или чрезмерного сребролюбия и от трудов; а теперь нас поневоле (ночь) отрывает от занятий. И такой закон (природы) не только тела наши восстанавливает, но и душу не меньше тел. Говорить ли о тишине и спокойствии в это время? Как тогда все полно молчания, свободно от шума, не слышно ничьего крика, как это бывает днем, когда одни скорбят от бедности, другие жалуются на обиду, иные оплакивают болезнь и повреждения тела, другие смерть родных, иные потерю денег, иные другое какое-либо человеческое несчастье, которых так много! От всех этих несчастий, как бы от тревожений, ночь избавляет род человеческий и успокаивает в своей пристани. Таковы блага нам от ночи; а блага, доставляемые днем, известны всем нам. Что сказать об удобстве сообщений, которым мы пользуемся? Дабы продолжительность путешествия не отвращала нас от сообщения друга с другом, Бог проложил по всей земле кратчайший путь для нас – море, чтобы мы, живя во вселенной, как бы в одном доме, часто приходили друг к другу и каждый, легко сообщая ближнему свое, получал обратно находящееся у него, и таким образом, занимая малую часть земли, наслаждался благами всех стран, как бы обладатель всей земли; подобно тому, как за богатым столом каждый гость может и сам предложенное ему подать далеко сидящему, и от него получить лежащее перед ним, только протянув руку. Если кто станет исчислять и все прочие (блага), то найдет неизреченное множество их, не исчислит и малой части; потому что, как может человек измерить беспредельную премудрость Божию? Представь себе только разные роды растений плодоносных, бесплодных, растущих в пустынях, в местах обитаемых, на горах, на равнинах; посмотри на разнообразие в семенах, в травах, в цветах, в животных земных, в земноводных, в морских; вспомни, что все видимое создано для нас – небо, земля, море и все, что в них. Как если бы кто построил себе блестящий дворец, украшенный множеством золота и сияющий ярким блеском камней, так и Бог, создав мир, ввел в него человека, чтобы он царствовал над всем. И еще более удивительно то, что кровлю этого здания (Бог) устроил не из камней, но составил ее из другого драгоценнейшего вещества, и зажег огонь не на золотом светильнике, но, спустив светила сверху, повелел им протекать по кровле этого здания, чтобы мы получали не только пользу, но и великое удовольствие; а землю распростер в виде богатой трапезы. Все это Бог дал человеку, еще не сделавшему ничего доброго. Хотя человек, после такого дара, оказался неблагодарным своему Благодетелю, однако Бог не лишил его чести, а только изгнал из рая и этим наказал, чтобы воспрепятствовать дальнейшему возрастанию неблагодарности и удержать его от стремления к худшему. Обо всем этом помышляя, и, как движимый Духом Божиим, созерцая и многое сверх того, – и то, что было от начала (мира), и что бывает каждодневно, и то, что бывает с каждым порознь, и что со всеми вместе, и то, что происходит явно, и что втайне еще больше явного, а также дела домостроительства Единородного Сына Божия и будущие блага, обозревая вообще все и во всем находя и созерцая неизреченную любовь Божию, апостол, как бы низвергшись в неизмеримую бездну, постиг, сколь многим и великим он был обязан (Богу), и не воздал Ему и малейшей части. Поэтому он и сказал упомянутые слова, с великим тщанием исследовал и малая согрешения свои, а добрые дела предавал забвению (1 Кор. 4:4). А мы не так; но о грехах, сколь они ни многочисленны и ни велики, мы и не говорим, и не помним; а если сделаем какое-нибудь малое доброе дело, то выказываем его повсюду и не перестаем хвастать и надмеваться дотоле, пока не упраздним тщеславием и самое малое добро. Имея это в виду, и Давид говорил: «что [есть] человек, что Ты помнишь его» (Пс. 8:5)? Кроме того, обвиняя человека и в неблагодарности, он говорил: «Но человек, будучи в чести, не уразумел (сего), сравнялся с бессмысленными скотами и уподобился им» (Пс. 48:13).

6. Признательному рабу свойственно смотреть на благодеяния, оказанные всем вместе, как на собственные, и печься и заботиться так, как бы сам был должником за все. Так сделал и Павел (хорошо опять вспомнить о нем), когда сказал, что Господь умер за него: «А что ныне»,

говорил он, «живу во плоти, то живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня.» (Гал. 2:20). Так говорил он не потому, чтобы хотел сократить дар Христов, но потому, что желал представить себя виновным во всем и возбудить в каждом такое же расположение духа. Если бы Христос пришел и для одного человека, то дар Его от этого не только не уменьшился бы, но явился бы еще большим. Почему так? Потому, что Он показал бы такое попечение и об одном человеке, какое – отыскивающий одну (потерявшуюся) овцу; поэтому (Павел) и смущался, поэтому и плакал. Если взявшие деньги займы и не могущие уплатить, утопая в великой бездне долгов, не едят и не спят от мучительной заботы, то чего не претерпит праведник, видя свой долг (перед Богом), состоящий не в деньгах, но в делах? А мы не так; но уплатив совсем мало, ведем себя так, как будто уплатили все, и даже поступаем еще хуже: и этого малого не делаем с подобающей свободным людям ревностью, но наперед разведываем, есть ли за то награда, велика ли награда, будет ли то вменено нам самим, произнося слова людей несвободных и наемных. Что говоришь ты, малодушный и жалкий человек? Тебе надлежит сделать нечто угодное Богу, а ты стоишь с заботою о награде? Если бы тебе за такое дело надлежало впасть в геенну, то и тогда разве следовало бы уклоняться, а не с великою готовностью приниматься за делание добра? Ты делаешь приятное Богу, и ищешь еще другой награды. Истинно не знаешь ты, какое великое благо угодить Богу; потому что, если бы ты знал это, то никакой другой награды не сравнял бы (с этим благом). Разве ты не знаешь, что награда тебе будет больше, когда ты станешь делать должное, не надеясь на награды? Разве не видишь, что и между людьми все особенно уважают тех, которые прежде наград имеют в виду угодить (им) и об этом стараются больше, чем о почете от них? Так люди столь благородно поступают даже с подобными себе, а ты, так во многом облагодетельствованный Господом и столь многих ожидающий благ, когда надобно сделать что-либо полезное для твоего спасения, прежде дела разведываешь о награде. Поэтому мы и бываем всегда холодны и жалки и не готовы ни к какому благородному делу; поэтому мы и не можем быть в сокрушении и хотя бы немного собраться с духом. Мы и не помышляем внимательно о грехах своих, и не исследуем благодеяний Божиих, и не смотрим на совершивших величайшие подвиги. Мы потому забываем о добрых делах, что и благополучием пользуемся неумеренно, и называя себя часто грешниками, говорим это неискренно. Это видно из того, что, когда услышим такое название от других, мы сердимся и раздражаемся и называем это обидою. Так во всем у нас лицемерие, и мы не подражаем мытарю, который, когда другой укорял его во множестве грехов, перенес эти укоризны и получил плод от дел своих – «сей пошел оправданным в дом свой более, нежели» фарисей (Лк. 18:14); а мы не знаем даже, что такое исповедание, хотя исполнены бесчисленных грехов. Нам надлежало бы не только убедиться, что у нас множество грехов, но и все грехи свои, малые и великие, начертать на сердце, как в книге, и оплакивать, как недавно совершенные. Тогда мы смирили бы гордость души своей, непрестанно напоминая ей о своих пороках. Памятование о своих грехах есть такое благо, что блаженный Павел часто выставлял на вид даже заглаженные вины свои. Так как все прежние вины он смыл крещением, а после жил так чисто, что не сознавал за собою ничего и не имел грехов, о которых бы надлежало вздыхать, то вспоминал о грехах, омытых уже крещением, и говорил: «Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый.» (1 Тим. 1:15); и еще: «Благодарю давшего мне силу, Христа Иисуса, Господа нашего, что Он признал меня верным, определив на служение, меня, который прежде был хулитель и гонитель и обидчик» (1 Тим 1:12–13), «я жестоко гнал Церковь Божию, и опустошал ее» (Гал. 1:13); и еще: «недостойн называться Апостолом, потому что гнал церковь Божию.» (1 Кор. 15:9). Такие грехи, хотя мы и освобождены от вины за них, однако могут весьма возбудить душу и расположить ее сильно возлюбить Бога. Так и Симон, на вопрос Господа, «который» из двух должников «более возлюбит» займодавца, сказав: «думаю, тот, которому более простил», услышал: «правильно ты рассудил.» (Лк. 7:42–43).

7. Когда мы помыслим о множестве прежних грехов своих, тогда познаем чрезмерность милости Божией, тогда преклоним голову, тогда смиримся; потому что чем более тяжки грехи, в которых мы виновны, тем более мы будем сокрушаться. Так Павел вспоминал и о прежних грехах своих, а мы не хотим вспоминать и о сделанных нами после крещения, угрожающих опасностью и подвергающих нас ответственности за них; но если когда и придет у нас мысль о каком-либо таком грехе, мы тотчас устраним ее и не хотим опечалить душу воспоминанием (о нем) и на краткое время. А от этой бесполезной нежности происходит для нас множество зол, потому что находясь в таком состоянии самодовольства и изнеженности, мы не можем и исповедаться в прежних грехах своих (как это возможно, когда мы приучаем себя не допускать и воспоминания о них?), и легко впадаем в последующие. Если у нас всегда живо это памятование и душу беспокоит страх, то с удобством можно искоренить изнеженность ее и беспечность. Но если снимешь (с нее) и эту узду, то кто наконец удержит ее и не даст нестись безбоязненно по стремнинам и низринуться в бездну погибели? Поэтому праведный (Давид) и представлял себе будущее наказание; поэтому плакал, поэтому воздыхал, и притом весьма сильно! Вам, великим людям, для сокрушения достаточно вспоминать о благодеяниях Божиих, не помнить о своих доблестях, с великим тщанием вникать, не случилось ли когда вам сделать какой-нибудь малый грех, взирать на великих и весьма благоугодивших Богу мужей; после всего этого размышлять о неизвестности будущего, о склонности (людей) к падению и греху, чего боялся и Павел, и потому говорил: боюся, «дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным.» (1 Кор. 9:27); и: «кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть.» (1 Кор. 10:12). Так и Давид о всем этом помышлял в самом себе, и, рассуждая о благодеяниях Божиих, говорил: «что [есть] человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его? Не много Ты умалил его пред Ангелами: славою и честью увенчал его» (Пс. 8:5–6). А о добрых делах своих забывал так, что при безмерном любомудрии своем сказал: «кто я, Господи, Господи, и что такое дом мой, что Ты меня так возвеличил! И этого еще мало показалось в очах Твоих, Господи мой, Господи; но Ты возвестил еще о доме раба Твоего вдаль. Это уже по-человечески. Господи мой, Господи! Что еще может сказать Тебе Давид?» (2 Цар. 7:18–20)? Часто помышляя о добродетелях предков, он почитал себя за ничто в сравнении с ними. Так, сказав: «На Тебя уповали отцы наши» о себе прибавил: «я же червь, а не человек» (Пс. 21:5,7). И неизвестность будущего имел он пред глазами, так что говорил: «просвети очи мои, да не усну я [сном] смертным» (Пс. 12:4). А себя считал виновным в столь многих грехах, что говорил: «прости согрешение мое, ибо велико оно» (Пс. 24:11). Итак вам, великим людям, достаточно и этого; а у нас и при этих врачевствах остается еще сильное и достаточное основание к истреблению гордости и всякого высокомерия. Какое же это? Множество грехов, злая совесть: когда она овладеет нами, то не допускает нас и при желании нашем подниматься на высоту. Посему прошу и умоляю тем дерзновением, которое приобрел ты пред Богом своими добродетелями, подать руку (помощи) нам, постоянно молящимся, чтобы мы могли и достойно оплакать бремя столь многих грехов, и, оплавав, вступить на путь благоприятный и ведущий нас к небу, чтобы нам не пострадать вместе с отверженными, сошедши во ад, где никто не может исповедаться (Пс. 6:6), и откуда уже никто не освободит нас. Пока мы пребываем здесь, то и мы можем получить от вас великую пользу, и вы можете весьма облагодетельствовать нас; а когда отойдем туда, где ни друг, ни брат, ни отец не могут ни помочь, ни быть при нас во время наказания, то уже будет необходимо в стеснении и глубоком мраке и при полном отсутствии утешителей терпеть бесконечное наказание и быть несожигаемой пищею для всепожирающего пламени.

К СТАГИРИЮ ПОДВИЖНИКУ, ОДЕРЖИМОМУ ДЕМОНОМ СЛОВО ПЕРВОЕ

Стагирий, происходивший из знатного и богатого дома и воспитанный в правилах христианской веры, по благочестивому настроению своему отказавшись от богатства и мирских занятий в Антиохии, посвятил себя подвижнической жизни отшельников, в которой вскоре, по попущению Божию, подвергся действию демона (беса или злого духа), страдал припадками беснования, причинявшими ему такие мучения и такое душевное уныние, что он покушался даже лишиться себя жизни. Св. Иоанн Златоуст, узнав о бедственном состоянии Стагирия, с которым находился в дружеских отношениях, желал доставить ему духовное утешение посредством письменных увещаний, не имея возможности лично посетить его по причине собственной болезни, постигшей его после подвигов в пустыне в конце 380 г. по Р. Х. В это время или в начале 381 года и могли быть написаны предлагаемые три слова святителя.

НАМ следовало бы теперь быть при тебе, любезнейший мой Стагирий, и принимать участие в твоих страданиях и хотя сколько-нибудь, по мере наших сил, облегчать твое уныние, утешая словом, помогая делом и употребляя все другие средства; но так как телесная слабость и приключившаяся головная боль, принудив оставаться дома, лишила нас возможности послужить в столь полезном деле, то не замедлим исполнить по нашим силам то, что еще остается и для твоего утешения и для нашей пользы. Может быть, это поможет тебе мужественно переносить настоящее бедствие; если же мы не будем иметь успеха в этом, то по крайней мере мысль о том, что мы с своей стороны не опустили ничего должного, облегчит нашу душу. Кто исполнил все, что считает полезным для прекращения постигших ближнего страданий, тот, если и не успеет в этом, освобождается по крайней мере от упреков совести и, сложив с себя тяжесть этих упреков, должен нести только тяжесть скорби. Если бы я был из числа тех, которые благоугодны Богу и могут сделать великое, то не переставал бы молить и просить Бога о драгоценном для меня человеке; но так как множество грехов лишает меня этого дерзновения и силы, то постараюсь предложить тебе словесное утешение. Так бывает и с теми, кто страдает телесными болезнями: уничтожение страданий и прекращение болезни есть дело врачей, но утешение больных не запрещается и прислуживающим им рабам; они-то особенно и говорят много в пользу своих господ, если благорасположены к ним. Итак, если мы скажем что-нибудь такое, что может прекратить чрезмерную скорбь твою, тогда исполнится то, чего мы желаем; если же ничего такого не найдем сказать, то конечно одобрит наше усердие Тот, Кто чрез блаженного Павла повелел плакать с плачущими и последовать смиренным (Рим. 12:15–16). Причина твоего уныния, по-видимому, одна – неистовство лукавого демона; но можно найти много скорбей, рождающихся потом от этого корня. Это говорю я теперь не от себя, но на основании тех жалоб, которые часто слышал от тебя, когда ты был вместе с нами; и во-первых (ты жаловался) на то, что в прежнее время, когда ты вел мирскую жизнь, ты не терпел ничего подобного, а когда распялся миру, тогда и почувствовал такую болезнь, которая способна смутить и повергнуть в отчаяние; во-вторых – на то, что многие из живущих в удовольствиях, подвергшись одинаковой с тобою болезни, после кратковременных страданий освободились от этой болезни и совершенно выздоровели, так что вступили в брак, сделались отцами многих детей, наслаждались удовольствиями настоящей жизни, и вновь уже не подвергались подобной болезни, – ты же проводишь столько времени в постах, всенощных бдениях и прочих подвигах, и между тем не получаешь освобождения от постигших тебя страданий; в третьих – на то, что тот святой муж, который явил столь великую силу на других людях, не мог этого же сделать на тебе, возлюбленный, и не только он, но и бывшие с ним, которые даже сильнее его, все отошли от тебя одинаково безуспешными. Кроме того по словам твоим, ты сильно скорбишь и потому еще, что сила уныния так овладела твоею душою, что часто ты едва не

бросался в петлю, или в реку, или в пропасть. Есть и пятая жалоба, состоящая в том, что ты видишь, как твои сверстники и вместе с тобою начавшие вести подвижническую жизнь благодушествуют, а ты еще находишься в жесточайшей буре и живешь в самой ужасной темнице. По словам твоим, не столько должно плакать закованным в железо, сколько связанным этими цепями. Затем, говорил ты мне, и еще нечто сильно беспокоит тебя: ты боишься и трепещешь за отца, как бы он, узнав об этом, не сделал больших неприятностей принявшим тебя вначале святым; потому что, надеясь на свою силу и богатство и предавшись скорби, он отважится против них на все и не удержится ни от чего, что ему вздумается. До настоящего времени мать могла скрывать от него случившееся и отвлекать его, когда он искал тебя; но с течением времени притворство матери откроется, и он жестоко поступит и с нею и с монахами. Но верх несчастья в том, что ты не можешь надеяться и на будущее и не знаешь точно, прекратится ли и окончится ли когда-нибудь эта болезнь, после того, как ты столько раз надеялся на исцеление и потом опять подвергался прежним мучениям. Все это, конечно, в состоянии обеспокоить душу и исполнить великого смущения, но душу слабую, неопытную и беспечную. Если же мы захотим быть несколько внимательными и благочестиво рассудить, то рассеем эти причины уныния, как мелкую пыль. Не подумай, будто я теперь так легко обещаю тебе это потому, что я сам чужд этой скорби и бури. Если слова мои и покажутся иным невероятными, несмотря на это я буду говорить; а ты сам, конечно, не будешь вместе с другими не доверять нам. Когда нечистый демон в первый раз напал на твою душу и поверг тебя в то время, как ты молился вместе со всеми, то хотя я и не был при этом (за что благодарю человеколюбивого Бога), однако узнал все в точности, как бы находясь там. Мой и твой друг Феофил ефесянин, пришедши, подробно рассказал мне обо всем: о корчах в руках, об искривлении глаз, о пене на устах, о страшном и невнятном голосе, трясении тела, продолжительном обмороке и сновидении, бывшем у тебя в ту ночь: тебе представилось, – говорил он, – будто дикая свинья, испачканная грязью, постоянно бросалась на тебя и боролась с тобою; и когда спавший подле тебя, встревоженный этим видением, проснулся, то увидел, что тебя опять мучит демон.

2. Когда он рассказал об этом, то навел на нас такую же мглу, в какую демон поверг тебя, возлюбленный! Но когда я, спустя долгое время, пришел в себя, то все неприятное в этом мире перестало казаться мне неприятным и все приятное – приятным; издавна познав всю суету житейского, я почувствовал ее тогда еще более, и любовь моя к твоему благочестию сделалась сильнее. Таково свойство несчастий: они обыкновенно усиливают дружбу; это видно из того, что они легко могут прекращать и вражду. И нет человека столь жестокого и бесчувственного, который, видя врага своего в несчастье, мог бы еще питать к нему ненависть. Если же мы жалеем даже врагов и поступаем с ними как с друзьями, когда видим их претерпевающими какое-либо несчастье, то подумай, что должен был чувствовать я, видя в тяжких муках уныния того, кто для меня любезнее всех и кем я дорожу, как своею головою. Не думай же, будто мы чужды твоей скорби, и поэтому не принимай моего утешения с подозрением. Хотя я, по милости Божией, и свободен от мучений и нападений лукавого демона, но не менее твоего чувствую уныние и скорбь от этих мучений, чему поверит мне всякий, кто умеет любить так, как должно любить. Страхнем же с себя эту пыль; тогда сносно и легко будет это уныние по свойству своему, если только мы не захотим беспечно предоставить этому чувству увлекать нас в пропасть, но постараемся воспрянуть духом и размыслить, что надобно делать. Многие из кажущихся несчастий представляются великими и невыносимыми, пока не будут хорошо рассмотрены; а кто рассмотрит их разумно, тот найдет, что они гораздо легче, чем о них думали; это, надеюсь, случится и теперь. Итак ободрись, не следуй пустому и неразумному мнению толпы и не делай врага более сильным против нас. Если бы я говорил с кем-нибудь из неверных или думающих, будто все происходит случайно, или приписывающих промышление о мире лукавым демонам, то мне предстояло бы много труда, чтобы сначала опровергнуть ложное мнение и внушить убеждение в истинном Промысле о вселенной, а потом обратиться к утешению; но

так как ты, по благодати Божией, с детства знаешь священное Писание и, приняв от предков истинные и спасительные догматы, несомненно веруешь, что Бог промышляет обо всем и особенно о верующих в Него, то, оставив эту, часть речи, начнем с другого. Когда Бог сотворил ангелов, – или лучше поведем речь с высшего, – прежде, нежели получили бытие ангелы и прочие силы небесные, существовал Бог, не имеющий начала бытия Своего. Как Существо никогда не имеющее ни в чем нужды (ибо таково Божество), он сотворил ангелов, архангелов и прочие бестелесные существа; сотворил единственно по благодати Своей, а не почему-либо иному. Если бы Он не был высочайше благ, то и не сотворил бы тех, в чьем служении не нуждался. По сотворении их, Он творит, опять по той же самой причине, и человека, и весь этот мир. Одарив человека бесчисленными благами, Он поставил это малое и немощное существо владыкою над таким множеством творений, сделав его на земле тем же, что сам Он на небесах. Ибо слова: «сотворим человека по образу Нашему и по подобию» (Быт. 1, 26), означают не что иное, как то, что и человеку дана власть над земным. Сотворив его и поставив в такой чести, Бог назначил ему, как царю, царское, прекраснейшее на всей земле место пребывания – рай. Кроме того, желая и другим способом показать ему, насколько он выше прочих тварей, Бог приводит к нему всех животных и повелевает дать всем им имена; но ни одного из них не дает ему в помощники, представляя и причину: «не нашлось помощника», говорит, «подобного ему» (Быт. 2:20). Показав этим человеку, что он занимает середину между двумя естествами (небесным и земным), что он выше всего земного и что из множества этих творений ни одно не равно ему, Бог творит потом жену, и этим удостаивает его новой чести и ясно показывает, что жена создана для него, как и Павел говорит: «и не муж создан для жены, но жена для мужа» (1 Кор. 11:9). И не этим только Бог отличил человека, но и тем, что ему одному из всех творений сообщил дар слова, удостоил его познания о Себе, позволил наслаждаться собеседованием с Собою, сколько это было для него возможно, обещал дать ему бессмертие, исполнил его великою мудростию и даровал ему духовную благодать, так что он изрекал некоторые пророчества. Всем этим Бог одарил человека тогда, когда с его стороны еще не сделано было никакого доброго дела. Как же поступил человек после столь многих и великих благодеяний? Он более поверил врагу, нежели даровавшему все это, и, презрев заповедь Творца, предпочел обольщение того, кто старался совершенно погубить его и лишить всех благ, – предпочел несмотря на то, что диавол не оказал ему никакого, ни великого ни малого, благодеяния, а только сказал ему несколько слов. Но погубил ли Бог человека за то, что он проявил такую неблагодарность в самом начале и, так сказать, на первом шагу своем? По справедливости следовало бы погубить и исторгнуть из среды живых того, кто, получив бесчисленные блага, в самом начале жизни заплатил за эти блага непослушанием и неблагодарностию. Но Бог продолжал благодетельствовать ему не меньше, чем прежде, показывая, что хотя бы мы тысячу раз согрешили и отступили от Него, Он никогда не перестанет устроить наше спасение, и что, если мы обратимся, то спасемся; если же будем упорствовать во зле, то по крайней мере ясно будет, что Бог делает все, от Него зависящее. Так и изгнание из рая, и удаление от древа жизни, и осуждение на смерть кажется делом наказующего и отмщающего, но на самом деле есть не меньше прежнего дело Промышляющего (о человеке). Хотя эти слова и представляются странными, однако они истинны: события, конечно, были противоположны одни другим, но цели тех и других одинаковы и согласны; то есть, изгнание из рая, поселение в виду его, запрещение (вкушать) от древа жизни, удаление от этого древа, осуждение на смерть, временное отдаление этого осуждения, все это так же, как и прежние благодеяния, сделано для спасения и чести человека. О прежнем я не буду говорить ничего (потому что это очевидно для всякого), но о последнем надобно сказать.

3. Как же мы узнаем, что и последнее сделано для пользы человека? (Узнаем), если размыслим, чему подвергся бы он, если бы этого не было. Чему же он подвергся бы? Если бы человек, после обещания диавола – сделать его по преступлению заповеди равным Богу, остался

в той же чести, то впал бы в три крайние бедствия. Во-первых, стал бы считать Бога недоброжелательным, обольстителем и лжецом, во-вторых, действительного обольстителя, отца лжи и злобы, – благодетелем и другом; и кроме того продолжал бы впредь грешить бесконечно. Но Бог избавил его от всего этого, изгнав тогда из рая. Так и врач если не трогает раны, то дает ей более загноиться; если же вырезывает, то останавливает дальнейшее распространение гнилости язвы. Что же из этого? – скажет кто-нибудь, Бог не остановился на этом, но еще наложил на человека подвиги и труды; потому что ничто так не малоспособно пользоваться покоем, как человеческая природа. Если уже и теперь, когда лежат на нас такие труды, мы грешим непрестанно, то на что не дерзнули бы, если бы Бог оставил нас при удовольствиях еще и в бездействии? «Праздность», говорит Писание, «научила многому худому» (Сир. 34:28). Это изречение подтверждают как ежедневные события, так и случившееся с нашими предками. «И сел народ», говорит Писание, «есть и пить, а после встал играть» (Исх. 32:6). И еще: «И утучнел Израиль, и стал упрям; утучнел, отолстел и разжирел; и оставил он Бога, создавшего его, и презрел твердыню спасения своего» (Втор. 32:15). Согласно с этим говорит и блаженный Давид: «Когда Он убивал их, они искали Его и обращались, и с раннего утра прибегали к Богу» (Пс. 77:34). И к Иерусалиму Бог говорит чрез Иеремию: «Вразумись, Иерусалим, чтобы душа Моя не удалилась от тебя, чтоб Я не сделал тебя пустынею, землю необитаемую» (Иер. 6:8). А что не только злым, но и добрым людям спасительно подвергаться унижению и страданию, об этом пророк еще говорит так: «Благо мне, что я пострадал, дабы научиться уставам Твоим» (Пс. 118:71). После него и Иеремия говорит то же самое, хотя не теми же словами: «благо человеку, когда он несет иго в юности своей; сидит уединенно и молчит» (Плач. 3:27–28); и о себе самом молит Бога так: «не пощади меня во отчуждение мне в день лютый»⁸ (Иер. 17:17). И блаженный Павел, который столько просиял благодатью и превзошел человеческую природу, имел тем не менее нужду в этом благотворном средстве; посему и говорил: «дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился. Трижды молил я Господа о том, чтобы удалил его от меня. Но [Господь] сказал мне: «довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи» (2 Кор. 12: 7–9). Хотя евангельская проповедь могла быть совершена и без гонений, без скорбей, без трудов и подвигов, однако Христос не восхотел этого, промышляя о проповедниках. Поэтому и сказал им: «в мире будете иметь скорбь» (Ин. 14:33). И желающим войти в царство небесное Он повелел идти тесным путем, так как иначе невозможно достигнуть его (Мф. 7:13). Итак скорби, искушения и все случающиеся с нами неприятности не менее радостей доказывают Божие о нас попечение. И что я говорю о здешних скорбях? Самая угроза геенною, не менее обетования царства небесного показывает Божие человеколюбие. Если бы Он не угрожал геенною, то не скоро можно было бы достигнуть небесных благ. Одно обетование благ не достаточно для побуждения к добродетели, если не имеющих усердия к ней не поощряет и страх наказания. Поэтому Бог и первозданного человека в начале изгнал из рая, так как дарованная ему честь сделала бы его хуже, если бы осталась твердою и непоколебимою после нарушения заповеди. И что я говорю об Адаме? Чего не сделал бы Каин, живя в раю и наслаждаясь его утехами, если он, и лишившись этого и имея пред глазами своими наказание, постигшее отца, не вразумился, но впал еще в большее нечестие: первый и изобрел и совершил убийство, и убийство самое преступное? Он не мало по малу и не в течении долгого времени дошел до этого нового злодеяния, но внезапно и вдруг достиг самой вершины нечестия, – подстерег и убил того, кто произошел из одной с ним утробы и не оскорбил его ничем; или может быть Каин счел за оскорбление себе, что Авель угодил Богу? Впрочем, по моему мнению, и здесь ты можешь усмотреть человеколюбие Божие: когда Каин оскорбил самого Бога, Творец вразумляет его словами и утешает в скорби; но когда он совершил преступление против брата, тогда уже Бог являет гнев Свой и налагает

⁸ В Синодальном переводе смысл другой: «не будь страшен для меня, Ты – надежда моя в день бедствия».

наказание. Между тем и первое заслуживало такого же, если не более жестокого наказания. Если у людей считается проступком и обидою, когда кто-нибудь из рабов лучшее сбережет для себя, а худшее подаст господину: не тем ли более это применимо в отношении к Богу? Но Каин совершил не только этот грех, но и другой не меньший, – позавидовал чести брата. Если бы он раскаялся в грехе своем, то угодил бы Богу этою прекрасною переменою; но не от раскаяния, а от зависти и ненависти происходило его смущение, как показал это конец дела. Каин почти разгневался на Бога за то, что Бог, оскорбленный им, не почтил его и не предпочел злого доброму; однако Бог, не смотря на то, что грехи Каина требовали тяжкого наказания, поступает с грешником гораздо милостивее, чем он заслуживал, и пытается успокоить раздраженную душу его. Ибо скорбь Каина происходила от раздражения; потому Бог и говорит ему: *умолкни* (Быт. 4:7). Так говорил Бог, хотя и знал, до чего дойдет злоба Каина; но Он хотел отнять у неблагодарных всякий предлог (к ропоту). Если бы Каин наказан был в самом начале, то многие стали бы говорить так; «разве нельзя было наперед внушить словами, вразумить и утешить, а потом и наказать, если бы Каин остался при прежнем расположении? Наказание его весьма жестоко и строго». Поэтому Бог долго терпит наносимые Ему оскорбления, чтобы заградить уста таким людям, и вместе показать, что Он и отца Каинова наказал по Своей благодати, и кроме того – последующих людей привести к покаянию таким Своим милосердием. Когда же Каин по упорству своему и нераскаянности сердца собрал себе гнев (ср. Рим. 2:5), тогда Он и наказывает; если бы Каин и после убийства остался ненаказанным, то решился бы и на другое, еще большее зло. Нельзя сказать и того, что он согрешил по неведению: мог ли он не знать того, что знал младший брат? Впрочем, если угодно, положим, что первое (преступление) произошло от неведения; но после того, как он услышал: *умолкни*, – после того, как получил прощение, неужели по неведению он решился на убийство, осквернил землю и нарушил законы природы? Видишь ли, что и первое происходило не от неведения, а от злобы, лукавства и крайнего нечестия? Какое же наказание за все это? «Стенающим и трясущимся будешь на земле»⁹, говорит Бог (Быт. 4:12). Наказание, по-видимому, тяжелое; но оно не будет таким, если мы размыслим о грехе и внимательно рассмотрим самое наказание. Каин после того, как неправо принес жертву (ср. Быт. 4:7), обиделся на то, что он оскорбивший не почтен оскорбленным Богом, отверг Его внушение, первый дерзнул совершить убийство, или лучше сказать, грех еще более преступный, чем убийство, опечалил родителей, солгал пред Богом. «Разве», сказал он, «я сторож брату моему» (Быт. 4:9)? И за все это наказывается только страхом и трепетом! Впрочем можно сказать, что благодать Божия видна здесь не из того только, что наказание легче греха, но из того, что в наказании заключается немалая польза. А польза та, что все последующие люди вразумляются наказанием Каина и становятся лучшими. Поэтому Бог не тотчас предал Каина смерти; потому что не все равно – слышать ли, что какой-то Каин, убивший брата, подвергся смерти, или видеть этого убийцу несущим наказание. В первом случае могли бы и не поверить рассказу по чрезмерности преступления; а теперь, когда Каин был видим и многие в течение долгого времени были свидетелями его наказания, событие стало очевидным и достоверным и для современников и для потомков. Но, скажут, какая же польза от этого ему самому? Весьма большая: Бог заботился и о его спасении, когда словесным вразумлением умерял его ярость, насколько от Него зависело. Но если рассмотреть и самое наказание, то и от него окажется великая польза. Если бы Бог тотчас умертвил Каина, то не дал бы ему времени для раскаяния и исправления. Теперь же он, продолжая жизнь в страхе и трепете, мог бы получить от такой жизни великую пользу для себя, если бы не был крайне бесчувственным и больше – зверем, нежели человеком. Кроме того, настоящее наказание уменьшало для него тяжесть будущего мучения; потому что наказаниями или бедствиями, которые посылает на нас Бог в настоящей жизни, устраняется немалая часть будущих мучений. Свидетельства на

⁹ В Синодальном переводе: «скитальцем и изгнанником будешь на земле».

это можно привести из божественных Писаний. Христос, беседуя с учениками и повествуя о Лазаре, говорит, что Авраам, когда богач просил его оросить немного концом перста горящий язык, сказал ему: «чадо! вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь – злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь» (Лк. 16:25). А Павел (когда говорю о Павле, то также разумею заповеди Христа, потому что Им была подвижна эта блаженная душа), когда пишет к коринфянам о блуднике, повелевает предать его сатане «во измождение плоти, чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа» (1 Кор. V, 5). И еще, беседуя с ними же о тех, которые недостойно причащаются таин, говорит: «от того многие из вас немощны и больны и немало умирает. 31 Ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы. 32 Будучи же судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром» (1 Кор. 11:30–32). Видишь ли неизреченное человеколюбие и беспредельное богатство благодати? Видишь ли как Бог делает и предпринимает все, чтобы мы, и согрешивши, потерпели наказание легче заслуженного, или даже совершенно от него избавились?

4. Если же кто скажет: почему Бог не уничтожил древнего искушителя, то (ответим, что) и здесь Он поступил так, заботясь о нас. Если бы лукавый овладевал нами насильно, то этот вопрос имел бы некоторую основательность; но так как он не имеет такой силы, а только старается склонить нас (между тем как мы можем и не склоняться), то для чего же устранять повод к заслугам и отвергать средство к достижению венцов? Притом, если бы Бог, зная, что диавол неодолим и может всех покорить себе, оставил его в мире, и тогда не следовало бы предлагать подобного вопроса; и тогда мы сами были бы виновны, если бы он одолевал и побеждал тех, которые не противятся ему, но подчиняются добровольно. Однако сказанного было бы недостаточно для тех, кто не хочет вразумиться. А если много есть таких, которые уже преодолели силу дьявола, и много еще будет таких, которые преодолеют, – для чего же имеющих прославиться и одержать блистательную победу лишать этой чести? Бог для того оставил диавола, чтобы и те, которые уже побеждены были им, низложили его самого; а это для дьявола тяжелее всякого наказания и может довести его до конечного осуждения. Но, скажет кто-нибудь, не все могут преодолеть его. Что же из этого? Гораздо справедливее, чтобы доблестные имели повод к обнаружению своей доброй воли, а недоблестные наказывались за собственное нерадение, нежели, чтобы первые терпели вред за вторых. Теперь порочный, если и терпит вред, то потому, что его побеждает не враг, а его собственное нерадение, как это доказывается тем, что многие побеждают диавола. Тогда же добродетельные потерпели бы вред за порочных, потому что из-за них не имели бы повода показать свое мужество; и было бы то же, как если бы распорядитель при ратоборстве, имея двух борцов, из которых один готов сойтись с противником, выказать много мужества и получить в награду венец, а другой предпочитает утомительной борьбе бездействие и веселье, удалил противника и их обоих отпустил без дела. Здесь храбрый потерпел бы вред из-за негодного; а последний худ не из-за храброго, а по собственной негодности. Кроме того, хотя настоящий вопрос касается по-видимому дьявола, но такое умствование, простираясь далее по связи мыслей, во многих отношениях поведет к обвинению и порицанию Промысла Божия и подвергнет нареканию все мироздание. Так оно осудит создание уст и глаз; потому что через глаза многие получают пожелание того, чего не должно, и впадают в прелюбодеяние, а устами иные произносят богохульства и преподают пагубное учение. Неужели же поэтому людям надлежало быть без языка и без глаз? Так отсечем и ноги, отрубим и руки; потому что руки иногда обагрятся кровию, а ноги бегут на грех. И уши не могли бы избежать такого же строгого осуждения, потому что и они воспринимают тщетную молву и передают душе пагубное учение; отсечем же и их. А если так, то и пища, и питье, и небо, и земля, и море, и солнце, и свет, и луна, и хор звезд, и все роды бессловесных животных, – все они на что будут полезны, когда тот, для кого они созданы, обезображен столь жалким образом? Видишь ли, до каких смешных и нелепых мыслей неизбежно доводит такое умствование? Дьявол зол для себя, а не для нас; мы же, если захотим, можем приобрести через него много и добра, конечно,

против его воли и желания; в этом и открывается особенное чудо и превосходство человеколюбия Божия. То, что люди делаются лучшими, само по себе уже терзает и мучит дьявола; а когда мы будем достигать этого через него же, то он не в состоянии будет и перенести такого посрамления. Но как это достигается через него? Когда мы, страшая его жестокости, постоянных наветов и непрерывных козней, будем отгонять от себя тяжкий сон, бодрствовать и всегда помнить о Господе. Это не мои слова, а блаженного Павла, послушай, как он почти теми же словами пробуждает спящих из числа верных. В послании к ефесянам он говорит так: «наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной» (Ефес. 6:12). Так говорил он не с тем, чтобы лишить их мужества, но чтобы ободрить. И Петр говорит: «трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить» (1Пет. 5:8). Это сказал он, желая сделать нас более мужественными и внушить, чтобы мы более прилеплялись к Богу. Кто видит наступающего врага, тот скорее прибегает и прилепляется к могущему помочь. Так и малые дети, когда увидят что-нибудь страшное, бегут в объятия матери, хватаются за одежду ее, крепко держатся за нее, и не отстают, не смотря на старания многих оттащить их прочь; а когда нет ничего страшного, они не слушают ни ее зова, ни побуждения, отвергают ее приглашения, отворачиваются, когда она всячески старается приманить их к себе, и даже не смотрят на предложенную пищу. Поэтому многие матери, когда не действуют убеждения, посредством пугал и страшилищ ухищряются возвратить к себе детей и убеждают их опять прибежать к ним. Так бывает не только с детьми, но и с нами. Когда лукавый устрашает и смущает нас, тогда мы вразумляемся, тогда познаем самих себя, тогда с великим усердием прибегаем к Богу. Но если бы дьявол был уничтожен в самом начале и не существовал, то, может быть, многие не поверили бы тому, что было, т. е. что он обольстил человека и лишил его многих благ; а сказали бы, что это сделал Бог по недоброжелательству и зависти. Если и теперь, после столь ясных доказательств обольщений диавола, некоторые дерзают говорить это, то чего не сказали бы, чего не наговорили бы, если бы вовсе не испытали злобы его? Впрочем, если обратить строгое внимание на дела, то (можно заметить, что) на худое не всегда толкает нас дьявол; хотя он делает нам много зла, но много и мы сами вредим себе, единственно по своей беспечности и нерадению. Обратимся опять к тому, с чего начали. Когда дьявол приступал к Каину и внушал ему совершить убийство? С матерью его он открыто разговаривал и соблазнял ее, а с ним не делал этого; если скажут, что он вложил в него злые помыслы, то и это зависело от самого Каина, который принял внушение, послушался и подал дьяволу повод к наступлению. Однако Бог и тогда не оставил Каина, но продолжал научать и вразумлять его тем самым, чем, по-видимому, наказывал его. Но что я говорю о наказании Каина, одного человека, когда и потоп, в котором погибло столько людей, может открыть нам Божие промышление? И во-первых, Бог не вдруг, и не внезапно навел это бедствие, а предсказал о нем, и не за короткое время, но еще за сто двадцать лет. Потом, чтобы люди, по причине отдаленности предсказанного, не забыли и не впали в беспечность, Он повелел строить пред глазами их ковчег, который яснее всяких слов говорил об угрозе Божией. Каин уже изгладился из памяти людей, а этот ковчег, находившийся перед их глазами, постоянно напоминал об угрожавшем бедствии. Но люди и после этого не вразумились, а продолжали вызывать и навлекать на себя бедствие. Бог никогда бы не захотел угрожать потопом и наводить его, равно как угрожать и геенною, но всему причиною – мы сами. Зная это, премудрый говорил: «Бог не сотворил смерти и не радуется гибели живущих» (Прем. Сол. 1:13). И сам Бог чрез пророка говорит так: «разве Я хочу смерти беззаконника? говорит Господь Бог. Не того ли, чтобы он обратился от путей своих и был жив?» (Иез. 18:23, ср. Иез.33:11). Если же мы не обращаемся, то сами навлекаем на себя гибель и смерть, а не Бог, который не хочет, чтобы мы погибли, и показывает путь, как избежать дьявола. Но это ли только можем мы сказать о потопе, и не найдем ли какой-либо пользы, от него происшедшей? Невозможно и сказать, сколько пользы произошло от него как

для самих погибших, так и для последующих людей. Первые были удержаны от дальнейших преступлений; а последние получили еще большую пользу, так как вместе с самими грешниками уничтожена была, так сказать, закваска и причина зла. Если люди и без примеров легко могут изобретать зло, то чего бы они не сделали, если бы многие поощряли их к порочным делам? Чтобы этого не случилось, чтобы последующие люди не имели столь многих учителей зла, Бог одновременно погубил всех их.

5. Но как мудро, или вернее, как безумно суждение тех, которые, не желая делать ничего доброго, придумывают и говорят все, чтобы вину собственных грехов сложить на Бога! Если бы, говорят они, Бог не попустил, то дьявол и не приступил бы, и не прельстил сразу. Но тогда Адам и не узнал бы, какое имел он благо, и никогда не смирил бы своей гордости. Кто так высоко думал о себе, что надеялся быть богом, на что не дерзнул бы, если бы не был вразумлен? Предположим, что дьявол не внушил бы ничего Еве и ни слова не сказал бы ей о древе: неужели в таком случае прародители не пали бы никогда? Нельзя этого сказать. Кто так легко послушался жены, тот и без дьявола, сам по себе, скоро впал бы в грех, за что подвергся бы еще большему наказанию. Притом и в настоящем событии не одно обольщение дьявола было причиною всего зла, но жена увлеклась собственной похотью и пала. На это указало и Писание, сказав: «и увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела» (Быт. 3:6). Говорю это теперь не с тем, чтобы освободить дьявола от обвинений в коварстве, но чтобы показать что, если бы первые люди не пали добровольно, то никто не заставил бы их пасть. Кто так легко принял обольщение от другого, тот и прежде обольщения был беспечен и невнимателен; и дьявол не имел бы такого успеха, если бы вступил в разговор с душой бодрствующей и внимательной. Но есть люди, которые, когда их опровергнут с этой стороны, оставив дьявола, обращаются к заповеди и, не касаясь согрешившего человека, обвиняют Бога и говорят: для чего Он дал людям заповедь, когда знал, что они согрешат? И это – слова дьявола и измышления ума нечестивого. Бог, дав заповедь, показал большее попечение (о людях), нежели когда бы Он не дал ее; это видно из следующего. Положим, что Адам, которого воля была так беспечна, как показали последствия, не получил бы никакой заповеди, и продолжал наслаждаться блаженством: к худшему, или к лучшему повела бы его беспечность и изнеженность от этих наслаждений? Для всякого очевидно, что он, ничем не озабоченный, дошел бы до крайней степени зла. Если он, еще неуверенный в бессмертии, только с сомнительною надеждою на него, дошел до такой гордости и безумия, что надеялся сделаться богом, хотя и видел, что обещавший ему это ни в каком отношении не заслуживает доверия, то до какого безумия не дошел бы он, если бы несомненно обладал бессмертием? Какого бы не сделал греха? Стал ли бы когда-нибудь повиноваться Богу? Обвиняя Бога, ты поступаешь так, как те, которые стали бы винить запрещающего блудодеяние за то, что слышавшие это запрещение станут блудодействовать. Не крайне ли безумны такие слова? Если бы к человеку, не получившему заповеди, дьявол приступил с советом отступить от Бога, то легко склонил бы его в этом; потому что кто по получении заповеди презрел Давшего ее, тот, если вовсе ничего не слыхал от Него, скоро позабыл бы даже то, что он находится под властью Господа. Поэтому Бог Своею заповедью заранее научил его, что он имеет Господа, Которому во всем должен повиноваться. Но, скажут, какая польза произошла от этого? Если бы даже никакой пользы не было, и это следовало бы ставить в вину не Богу, преподавшему наставление, а человеку, который не внял этому прекрасному внушению. Между тем дарование заповеди не осталось бесполезным и после ее нарушения: и то, что первые люди скрылись, и исповедали грех, и старались сложить вину преступления муж на жену, а жена на змия, – все это показывает, что они убоялись, вострепетали и признали над собою власть Божию. А как полезно было от сатанинской надежды быть богами перейти к такому страху, это понятно для всякого. Тот кто мечтал о равенстве с Богом, так смирил и унижил себя, что боится наказания и мучения и признается в грехе своем! Не бессозна-

тельно грешить, а скоро замечать и сознавать грех свой есть дело весьма важное, – начало и путь, ведущий к исправлению и перемене к лучшему. Итак всю благодать Господа к нам ни познать, ни изъяснить невозможно; я же скажу главное из того, что мы знаем. После такого преслушания, после столь многих грехов, когда сила греха овладела всею вселенною, когда роду человеческому надлежало потерпеть самое жестокое наказание, совершенно погибнуть и самому имени его изгладиться, тогда Бог и оказал нам величайшее благодеяние, Он предал на смерть Единородного Своего за врагов, отступивших, отвратившихся и ненавидевших Его, и чрез Него примирил нас с Собою, и обещал даровать нам царство небесное, жизнь вечную и бесчисленные блага, которых «не видел глаз, не слышало ухо», и которые «не приходили на сердце человеку» (ср. 1 Кор. 2:9). Что может сравниться с этою попечительностью, человеколюбием, благодатью? Поэтому и сам Он говорит: «Но как небо выше земли, так путь Мой выше путей ваших, и мысль Моя выше мыслей ваших»¹⁰ (Ис. 55, 9). И кротчайший Давид, рассуждая о человеколюбии Его, говорит: «как высоко небо над землею, так велика милость [Господа] к боящимся Его; как далеко восток от запада, так удалил Он от нас беззакония наши; как отец милует сынов, так милует Господь боящихся Его» (Пс. 102:11–13), и даже еще более, чем отец, но мы не знаем другого лучшего примера высочайшей любви. Выше этого пример представил Исаия, указав на мать, которая гораздо больше отца бывает привязана к детям. Он говорит так: «забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя» (Ис. 49:15), показывая этим, что милосердие Божие выше естественной привязанности. Так говорили пророки; а Христос, беседуя с Иудеями, сказал: «если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него» (Мф. 7:11), выражая этими словами не что иное, как то, что насколько отличается добро от зла, настолько Божия попечительность отличается от родительской. Но не останавливаясь на этом, а проникай умом еще далее. Это сказано применительно к твоему пониманию; между тем, у Кого премудрость и благодать беспредельны, у Того и человеколюбие таково же. Если же мы не замечаем Его человеколюбия в каждом событии, то и это знак его беспредельности. Бог ежедневно устрояет для нашего спасения много такого, что известно Ему одному. Он благодетельствует роду нашему по благодати Своей, не нуждаясь ни в прославлении от нас, ни в каком-нибудь другом возмездии, и посему очень многое оставляет сокрытым от нас; а если иногда и открывает, то и это делает для нас, чтобы мы, проникнувшись чувством благодарности, сподобились еще большей помощи Его. Будем же благодарить Его не только за то, что знаем, но и за то, чего не знаем; потому что Он благодетельствует нам, не только когда мы желаем того, но и когда не желаем. Зная это, и Павел внушал благодарить «всегда и за все» (Еф. 5:20). А, что Бог печется не только о всех вообще, но и о каждом в отдельности, это можно слышать от Него самого, когда Он говорит так: «нет воли Отца вашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих» (Мф. 18:14), разумея верующих в Него. Он желает, чтобы и неверующие в Него все спаслись, исправившись и уверовавши в Него, как и Павел говорит: «хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины» (1 Тим. 2:4); и сам Он говорил иудеям: «пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию» (Мф. 9:13); и еще: «милости хочу, а не жертвы» (Мф. 9:13; Ос. 6:6). Даже когда люди и при такой попечительности о них не захотят исправиться и познать истину, и тогда Он не оставляет их; но так как они добровольно сами лишают себя небесной жизни, то Он доставляет им, по крайней мере, все необходимое для настоящей жизни, повелевает солнцу сиять на злых и добрых, посылает дождь на праведных и неправедных, и подает все прочее для продолжения настоящей жизни (Мф. 5:45). Если же Он так промышляет о врагах Своих, то оставит ли когда без попечения

¹⁰ В синодальном переводе «путь» и «мысль» во множественном числе: «Но как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших».

верующих в Него и угождающих Ему по силам своим? Нет, нет; о них Он более всех печется: «у вас и волосы на голове», говорит Он, «все сочтены» (Лк. 12:7).

6. Итак, когда подумаешь, что ты для Христа оставил отца, дом, друзей, родных, несчетное богатство и великую славу, и терпишь теперь такую скорбь, то не падай духом; от чего рождается недоумение, тем самым и разрешится наше недоумение. Как? Бог не может солгать; а Он тем, кто оставит все это, обещал вечную жизнь. Ты презрел и оставил все: что же тебе препятствует надеяться на это обещание? Постигшее тебя теперь искушение? Но что оно по отношению к обещанию? Бог обещал нам вечную жизнь не здесь; а если бы даже и здесь надлежало исполниться этому обещанию, и тогда не следовало бы скорбеть; потому что человеку благочестивому и верующему надобно так крепко полагаться на обетования Божии, чтобы, видя и противоположные им события, не смущаться и не отчаиваться в их исполнении. Смотри, какое обетование получил верный Авраам, и что повелевалось ему делать? Обетование состояло в том, что потомки его от Исаака наполнят всю вселенную; а повеление требовало, чтобы он заклал того самого Исаака, потомками которого должна была наполниться вся земля. Что же? Смутило ли это праведника? Нет; и при таком разногласии и противоречии повеления с обетованием, он не смутился, не усомнился и не сказал чего-нибудь такого: «Бог одно обещал, а другое теперь заставляет меня делать; от этого сына обещал мне великое множество потомков, а теперь повелевает заклать его; как же то сбудется, если пресечется этот корень? Верно, Бог обманул меня и посмеялся надо мною». Ничего такого Авраам не сказал, даже и не подумал, и весьма справедливо; потому что если обещает Бог, то, хотя бы представлялись тысячи препятствий к исполнению обещанного, не должно смущаться и сомневаться в исполнении. Действие силы Божией в там особенно и состоит, чтобы из безвыходного положения находить выход; так рассуждал тогда и блаженный Авраам. Поэтому Павел изумлялся вере его и сказал: «Верую Авраам, будучи искушаем, принес в жертву Исаака и, имея обетование, принес единокровного» (Евр. 11:17), указывая и намекая на то самое, о чем я теперь сказал. И не один Авраам, но и правнук его Иосиф, хотя и видел, что данное ему обетование остается без исполнения в течение долгого времени и по многим обстоятельствам, однако остался непреклонным, потому что он обращал взоры свои только к Обещавшему; а если бы он предавался человеческим рассуждениям, то отчаялся бы в исполнении обетования. Виденный им сон предвещал поклонение ему братьев и родителей, а события были не таковы, и во многом не соответствовали этому. Во-первых, те самые, которые должны бы кланяться ему, ввергают его в ров и, продав иноплеменикам, отправляют его в чужую и дальнюю землю; эти события казались столь противоречащими сновидению, что сами несчастные (братья его) насмеялись над ним, и говорили: «вот, идет сновидец; пойдем теперь, и убьем его, и бросим его в какой-нибудь ров, и скажем, что хищный зверь съел его; и увидим, что будет из его снов» (Быт. 37:19–20). Затем и купившие Иосифа опять продают его не какому-либо свободному человеку, но царскому рабу. И этим еще не окончились его несчастья, но, подвергшись клевете госпожи и быв осужден, он много лет жил в темнице, и, хотя другие выходили оттуда, оставался там еще долгое время. Несмотря на столь многие обстоятельства, которые могли смутить душу его, он остался непоколебимым. Таково же и наше положение, или вернее, оно еще более затруднительно. Нам Бог обещал царство небесное, вечную жизнь, бессмертие и бесчисленные блага, а происходящее и случающееся с нами теперь, – именно смерть, тление, наказание, мучение и различные и непрерывные скорби, – далеко не соответствуют этому. Для чего же Бог делает это и попускает такие события, которые противоречат обетованиям? Этим Он совершает два величайшие дела: во-первых, представляет нам несомненное доказательство своей силы, т. е., что Он может привести в исполнение обетования, по-видимому, самые невероятные; во-вторых, научает нашу душу верить Ему во всем, хотя бы события казались противоречащими предсказаниям. Такова сила надежды: она не постыжает того, кто искренно предан ей. Если же так поступали те, которые получали обещания здешних благ, то гораздо более должно так

поступать нам, которые надеемся на исполнении благих обетований не в настоящей жизни, но в будущем веке. Для здешней жизни Господь предсказал скорбь и тесноту. Что же смущает тебя? Почему ты не доверяешь Божью обетованию? Презреть для Него весь мир и потом говорить, что Он не печется, может только тот, кто не верит, сомневается и считает обетование Божие обманом; а это поистине значит бесноваться и навлекать на себя огонь гееннский. Однако и между людьми, преданными делам мирским, есть такие, которые живут спокойно? – Так, и это предсказал Христос: «Истинно, истинно говорю вам», говорил Он, «вы восплачете и возрыдаете, а мир возрадуется» (Ин. 16:20). И между прежними поколениями вавилоняне, даже не знавшие Бога, пользовались богатством, властью и честью, а иудеи жили в плену, в рабстве и в крайних бедствиях. И Лазарь, достойный небес и царства небесного, лежал покрытый ранами, которые облизывали псы, и постоянно боролся с голодом; а богач жил в чести, окруженный обществом, в роскоши и удовольствиях; но все это нисколько не помогло ему в геенне, как и Лазарю голод и раны не препятствовали проводить честно настоящую жизнь; напротив он, как мужественный борец, подвизавшийся в самый тяжкий зной и жар, победил и увенчан. Посему один мудрец и сказал: «если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу твою к искушению: управь сердце твое и будь тверд, и не смущайся во время посещения» (Сир. 3:1–2). И несколько ниже: «ибо золото испытывается в огне, а люди, угодные Богу, – в горниле унижения» (Сир.3:5). И еще в другом месте говорится: «Наказания Господня, сын мой, не отвергай, и не тяготись обличением Его» (Притч. 3:11). Кто ввергает золото в печь, тот знает, сколько времени следует ему находиться в огне, и когда должно оно быть вынуто; посему мудрец и говорит: «и не смущайся во время посещения», а Соломон, научая тому же самому, сказал: «не тяготись обличением Его». Скорбь – великое дело, великое для того, чтобы человек стал доблестным и научился добродетели терпения. А что, скажет кто-нибудь, если она своею чрезмерностью поколеблет и преодолет (человека)? «Верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести» (1 Кор. 10:13). Если наказание бывает от любви, а оставление без наказания от ненависти (ср. Евр. 12: 7–8), то невозможно, чтобы один и тот же вместе и любил и ненавидел одного и того же, наказывал и вместе оставлял его без внимания. Почему же, скажет кто-нибудь, многие пали? Потому, что сами отпали от Бога, а не Им были оставлены. «Ибо вот», говорит Писание, «удаляющие себя от Тебя гибнут» (Пс. 72:27). А отдаляются они тем, что не переносят вразумлений Божиих, но гневаются и негодуют на них. Как если дурные дети, будучи посланы своими отцами к учителям, стараясь избегнуть тамошних трудов и малых наказаний, совсем убегают от родителей, то не получают от этого никакой пользы, а подвергаются гораздо большим неприятностям, оказываясь в необходимости терпеть на чужбине и голод, и неприютность, и болезни, и бесчестие, и рабство, так тоже бывает и с теми, которые не переносят с благодарностию внушения Божия, а негодуют на Него: они не только не получают от этого никакой пользы, но подвергают себя еще крайним бедствиям. Посему нам и заповедано «терпеть и укреплять сердце свое» (Пс. 26:14). Но ты подвергся страданиям гораздо тягчайшим? – Так и воспитатели детей не всем назначают равная и одинаковые упражнения, но слабым слабые, а сильным дают таких же сильных противников; потому что у кого противник окажется слабее его самого, тот не будет иметь надлежащего упражнения, хотя бы стал бороться с ним целый день. Почему же, скажет кто-нибудь, не всем, посвятившим себя одинаковой жизни, Бог определил нести одинаковые труды? Потому, что у Бога не один вид упражнений, и люди не все имеют нужду в одном и том же, хотя бы они были в одинаковых обстоятельствах, подобно тому, как многие больные, страдающие одинаковыми болезнями, имеют нужду не в одних и тех же лекарствах, но одни – в одних, другие – в других. Посему и способы страданий различны и разнообразны: один искушается продолжительною болезнью, другой – крайнею бедностью, иной – обидами и оскорблениями, а иной – тем, что постоянно и непрерывно видит смерть своих детей и родственников, тот всеобщим презрением и отвращением, а этот – обвинением

в том, чего он и не знает за собою, и навлеченным на него бременем бесславия, иной иным способом, так что всего в точности и перечислить невозможно. Каждое из этих страданий, в сравнении с твоим несчастьем, тебе кажется легким и ничтожным, но если бы ты сам испытал их, то узнал бы, что твое несчастье, на которое теперь сетуешь, гораздо сноснее их. Впрочем, если некоторые и меньше нас наказываются, мы не должны соблазняться этим; потому что увеличение трудов служит к увеличению наград и бывает твердым оплотом против вольных или невольных нападений: оно обуздывает гордость, прогоняет беспечность, делает нас более благоразумными и благочестивыми. Вообще, если кто захочет перечислить все, то найдет много пользы от искушений, и никто из тех, о ком много печется Бог, не бывает без печали, хотя нам это и не так представляется.

7. Если блаженный Павел много терпел, а никого нет больше его и даже равного ему, то как можно, чтобы другие люди не нуждались в этом пособии? Если же некоторые не вразумились такими скорбями, то уже не по вине Пославшего наказание, но по собственному нерадению. Если бы не было приложено к ним врачество, то можно было бы подумать, что они погибли от невнимательности к ним; а теперь сделано не мало для того, чтобы ни в чем не винить врача, а только самих больных, и их невнимательность. Хотя некоторые, жившие честно до искушений, пали после того, как подверглись им; другие, предавшиеся всяким порокам, не испытали никакой скорби; а иные с первого возраста до последнего вздоха терпели бесчисленные несчастья – но ничем таким мы не должны смущаться и впадать (в отчаяние). Если бы мы могли и обязаны были знать действия Промысла Божия и не познали их, тогда следовало бы нам унывать и смущаться; но если и тот, кто был участником неизреченных тайн и восходил на третье небо, смутился перед этою бездною и, прикинув в глубину богатства и премудрости и ведения Божия, только изумился и тотчас отступил, то для чего мы напрасно усиливаемся узнать непостижимое и исследовать неизследимое (Рим. 11:33)? Мы не станем противоречить врачу, когда он предписывает противное тому, что нам кажется полезным, приказывает напр. охладевший член опускать в холодную воду, и делает много другого, по-видимому, странного; но заранее убедив себя, что он делает это по правилам своего искусства, охотно повинемся ему, хотя он часто и ошибается. Почему же мы будем исследовать (действия) Бога, Который так превосходит нас во всем, Который есть сама Премудрость и никогда не ошибается? Тому, у кого следовало бы требовать отчета, будем верить беспрекословно; а от Того, Кому одному должны верить, будем требовать оправдания и отчета в Его действиях, и негодовать, что этого не знаем? Свойственно ли это душе благочестивой? Нет, прошу и умоляю, не будем доходить до такого безумия, но о всем, в чем недоумеваем, будем говорить: «судьбы Твои – бездна великая!» (Пс. 35:7). Даже и то, что мы не все знаем ясно, есть дело премудрости Божией. Если бы мы повиновались Богу потому, что знали бы причины событий, то не велика была бы нам награда, и наше повиновение не было бы выражением веры; когда же мы, не зная их, с любовью покоряемся всем Его повелениям, по истинному послушанию и искренней вере, тогда доставляем величайшую пользу душам нашим. Мы должны быть убеждены в одном только, что Богом все посылается для нашей пользы, а самого способа не исследовать, и не роптать, и не унывать, когда не знаем его. Знать его для нас и невозможно, и бесполезно; первое потому, что мы смертны; второе потому, что мы скоро увлекаемся гордостью. С своими детьми мы делаем много такого, что им кажется вредным, а на самом деле полезно для них; однако и они не смеют спрашивать о причине, и мы не убеждаем их предварительно в пользе того, что намерены делать с ними, но только внушаем им повиноваться приказаниям родителей и ни о чем более не спрашивать. Если же мы так относимся к родителям, которые одной с нами природы, и не ропщем на них, то на Бога, Который превосходит нас настолько, насколько Бог выше людей, как будем роптать за то, что мы не все знаем? Что может сравниться с подобным нечестием? Таким людям блаженный Павел с негодованием говорил: «А ты кто, человек, что споришь с Богом? Изделие скажет ли сделавшему его: «зачем ты меня так сделал?» (Рим. 9:20)? Я указал

на пример детей, а Павел привел еще гораздо лучший пример – горшечника и обделываемой им глины. Как глина принимает всякий вид, какой дают ей руки обделывающего ее, так и человеку должно поступать сообразно с тем, что повелевает Бог, и принимать с благодарностью то, что Он посылает, нисколько не противореча и не усиливаясь дознать (причину этого); потому что это непостижимо не для одних нас, но и для мужей святых и дивных, живших прежде нас. Так Иов говорил: «Почему беззаконные живут, достигают старости, да и силами крепки?», и так далее (Иов. 21:7). И блаженный Давид сказал: «А я – едва не пошатнулись ноги мои, едва не поскользнулись стопы мои, – я позавидовал безумным, видя благоденствие нечестивых, ибо им нет страданий до смерти их, и крепки силы их; на работе человеческой нет их, и с [прочими] людьми не подвергаются ударам» (Пс. 72:2–5). После него Иеремия также говорил: «Праведен будешь Ты, Господи, если я стану судиться с Тобою; и однако же буду говорить с Тобою о правосудии: почему путь нечестивых благоуспешен, и все вероломные благоденствуют?» (Иер. 12:1). Недоумевали и спрашивали и они, но не так, как нечестивые, не ропща на Бога и не обвиняя в несправедливости за дела Его. Напротив, один из них говорил: «Правда Твоя, как горы Божии, и судьбы Твои – бездна великая» (Пс. 35:7), а другой, много страдавший, «во всем этом не произнес ничего неразумного о Боге» (Иов. 1:22); и в книге своей, рассуждая о творении и изыясняя непостижимость премудрости и домостроительства Божия, говорил: «вот, это части путей Его; и как мало мы слышали о Нем!» (Иов. 26:14). А Иеремия, предвидя, что иной может усомниться, пред вопросом своим высказывает такое суждение: «праведен будешь Ты, Господи», т. е. я знаю, что все совершается Тобою справедливо, но способа, каким это совершается, не постигаю. Что же, узнали ли они что-нибудь больше? Нет, они не получили даже и ответа, как изыясняет блаженный Давид в словах: «и думал я, как бы уразуметь это, но это трудно было в глазах моих» (Пс. 72:16). Они не получили ответа для того, чтобы потомки научились и не спрашивать об этом. Они спрашивали только об одном, почему нечестивые наслаждаются благополучием и богатством, но и этого не узнали; а нынешние хотят узнать гораздо больше их, потому что ныне предлагается гораздо больше вопросов, чем тогда. Пусть же ясное знание предоставлено будет Тому, Кто знает все прежде, чем оно совершится.

8. Если же нам самим, на основании того, что нам уже известно, следует представить какое-нибудь решение поставленных вопросов, для успокоения тех, которым очень хочется знать об этом, то скажу, что после того, как нам открыто царствие небесное и обещано воздаяние в будущей жизни, уже непристойно исследовать, почему (на земле) праведные живут в скорбях, а порочные в спокойствии. Если там каждого ожидает воздаяние по заслугам, то для чего возмущаться здешними обстоятельствами, счастливыми или несчастными? Здешними бедствиями Бог укрепляет покорных Ему, как мужественных борцов, а более слабых, нерадивых и неспособных переносить ничего тяжелого, предварительно располагает в готовности на добрые дела. Часто случается и обратное этому, то, что многие праведные живут в спокойствии и чести, а порочные в бесчестии и крайних бедствиях; этим для нас прежде всего опровергается предшествующее положение, что праведные терпят бедствия, а нечестивые блаженствуют. Если же оно еще нуждается в объяснении, то скажу, что Бог устроит наше благо не одинаковым образом, но, как неистощимый в средствах, пролагает нам многие пути ко спасению. Так как многие не хотят принять учения о будущей жизни и воскресении, то Он еще здесь являет в малом виде образ (будущего) суда, когда наказывает злых и награждает добрых. Вполне это совершится на том суде, но отчасти совершается сейчас и здесь, чтобы те, которые в виду такой отдаленности суда предались греху, вразумились по крайней мере событиями настоящего времени. Если бы здесь вовсе никто из злых не наказывался и никто из добрых не получал награды, то многие из неверующих учению о воскресении уклонялись бы от добродетели, как от причины зла, а ко греху прилеплялись бы, как к причине добра; с другой стороны, если бы здесь все получали воздаяние по заслугам, то некоторые подумали бы, что учение о суде излишне и ложно. Итак, чтобы и это учение не подверглось сомнению, и чтобы

большинство невежественного народа по беспечности не сделалось хуже, Бог еще здесь наказывает многих из грешников и награждает некоторых из праведников; тем, что Он поступает так не со всеми, Он подтверждает учение о суде, а тем, что наказывает некоторых еще прежде суда, пробуждает спящих глубоким сном. В виду наказания порочных многие исправляются, боясь, чтобы и им не потерпеть того же самого; а вследствие того, что здесь не все получают воздаяние по заслугам, многие невольно приходят к мысли, что оно отложено до некоторого другого времени. Правосудный Бог, конечно, не допустил бы, чтобы столь многие злые умирали не наказанными, а добрые терпели бесчисленные бедствия, если бы Он не приготовил для тех и других иного состояния в будущем веке. Посему Он и наказывает и награждает не всех, а только некоторых, как например, царя персидского и Езекию, хотя много было таких нечестивых, как тот ассириянин, и добродетельных подобно Езекии, но Бог не со всеми поступил так, как с ними; причина в том, как я сказал, что еще не пришло время суда. И что это учение не мое, послушай самого Того, Кто будет тогда судить нас. Когда пришли к Нему и рассказали о смерти задавленных башнею и о безумии Пилата, которое он выказал в отношении к умершим, смешав кровь их с жертвами, тогда что Христос говорит? «думаете ли вы, что эти Галилеяне были грешнее всех Галилеян, что так пострадали? Нет, говорю вам, но, если не покаетесь, все так же погибнете. Или думаете ли, что те восемнадцать человек, на которых упала башня Силоамская и побила их, виновнее были всех, живущих в Иерусалиме? Нет, говорю вам, но, если не покаетесь, все так же погибнете» (Лк, 13:2–5). В этом причина замедления. Бог для того не вдруг наказывает всех, достойных наказания, чтобы через несчастья одних все прочие сделались лучшими. Так пусть будет решен у нас предложенный вопрос. Но ты, может быть, желаешь разрешения и того вопроса, который предложен выше и который гораздо труднее этого? Впрочем я думаю, что когда этот по возможности объяснен нами, то тем самым положено начало решению и первого вопроса. Что же приводит тебя в недоумение? То, что многие от первого возраста до смерти боролись со многими несчастьями. На это также, как и на прежнее, скажу, что Бог наказывает их, во-первых, за их собственные пороки; а потом для того, чтобы от их несчастий получили пользу и другие. Если же это бывает не со всеми, то потому, что теперь еще не время суда. Почему же, скажешь ты, некоторые, прежде нежели достигнуть того возраста, когда могут различать доброе от злого, уже несут наказание, как великие преступники? На это не одна причина, но много различных. Это может происходить и от неводержности родителей, и от нерадения воспитателей, и от перемен в воздухе, и от множества других подобных обстоятельств. Притом, о многих из них Бог знает, что они будут порочными, и потому наперед связывает их наказаниями, как бы какими путами. Разве не видишь, что и из нищих многие, в самом прискорбном положении, совершают множество преступлений, не от горя и не от голода, но единственно по своей порочности? Однажды я слышал от некоторых людей, что нищие, схватив благородную и красивую женщину, обесчестили ее в пустынном месте. Какая нужда, какое горе побудило их к такому делу? Какого же преступления не совершили бы они, если бы несчастья не сдерживали их, как цепи? А кто мог бы переносить неистовство и необузданность заключенных в темнице? Не лучше их ведут себя и одержимые демоном. Не о том я говорю, что они делают во время припадков беснования, но о том, что бывает по прекращении этих припадков: они предаются обжорству, и воруют, и пьянствуют, и совершают еще гораздо гнуснейшие дела. Посему, как судья многих преступников оставляет на жительство в темнице на долгое время, – а часто они оканчивают там жизнь, – когда же захочет предостеречь народ, то берет одного или двух из них, садится на возвышенном месте и при всех предстоящих приказывает вести преступника на смерть, не считая нужным делать то же со всеми преступниками для устрашения прочих; так и для Бога, когда Он благоволит вразумлять нас, не нужны все злые, но Он берет некоторых из них, о которых знает, что они неисправимы, и над ними являет Свою силу и гнев, и чрез это совершает много полезного. Этим он злых располагает оставить, если они захотят, свое нечестие, и добрых делает более

внимательными, и показывает Свое долготерпение, и для всех подтверждает, как я выше сказал, учение о воскресении. Но какая польза от этого, скажешь ты, тем, которые весь первый возраст свой провели в несчастиях и умерли прежде нежели успели различать добро и зло? Но какой же и вред, скажи мне, терпят они, когда еще не сознают своего несчастия, и не умеют ни печалиться, ни радоваться? И не только этим я разрешаю предложенный вопрос, но и тем, что подобными несчастиями вразумляются и родители, и братья, и родственники; и не малое бывает приобретение, если из того, от чего один не терпит никакого вреда, другой получает величайшую пользу. Впрочем на это, может быть, есть и другая какая-нибудь тайная причина, известная одному только нашему Создателю.

9. Остается еще один вопрос: почему те, которые прежде искушений жили праведно, после искушений пали? Но кто верно знает живущих праведно, кроме «Создавшего наедине сердца наши и вникающего во все дела наши» (ср. Пс. 32:15)? Многие из тех, которые кажутся добродетельными, часто оказываются порочнее всех. Это обнаруживалось и в настоящей жизни, но только относительно некоторых, по какому-нибудь случаю и по какой-нибудь необходимости. Когда же сядет судить нас Испытующий сердца и утробы, *«живой и действенный и острее всякого меча обоюдоострого: проникающий до разделения души и духа, составов и мозгов, и судящий помышления и намерения сердечные»* (ср. Евр. 4:12), тогда, не некоторых только немногих из многих, но всех увидишь открыто такими, каковы они действительно, и ни волка не скроет овечья кожа, ни окраска гроба внутренней его нечистоты; потому что «нет твари, сокровавленной от Него, но все обнажено и открыто перед очами Его» (Евр. 4: 13). Это и Павел, объясняя коринфянам, говорил: «Посему не судите никак прежде времени, пока не придет Господь, Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения, и тогда каждому будет похвала от Бога» (1 Кор. 4:5). Впрочем, оставив лицемеров, скажем о живущих праведно: откуда известно, что они, имея многие добродетели, не пренебрегли главной из них – смирением? Поэтому Бог и отступил от них, чтобы они знали, что добрые дела совершали они не собственной силою, но благодатию Божиею. Если же кто скажет, что лучше гордиться делая добро, нежели смиряться согрешая, тот совсем не понимает ни вреда от гордости, ни пользы от смирения. Ты, конечно, хорошо знаешь, что человек, делающий добро с гордостью, если только можно так делать добро, скоро дойдет до крайней гибели. Кто допустил себя до падения и падением научился смирению, тот скоро, если захочет, восстанет и исправится; но кто делает кажущееся добро с гордостью и не терпит ничего неприятного, тот никогда не почувствует своей греховности, но еще увеличит зло, и незаметно для себя самого отойдет отсюда без добрых дел, как тот фарисей, который вошел в храм, думая о себе, что он богат всякою добродетелью, а вышел, узнав, что он беднее даже мытаря (Лк. 13:10). Есть и другой вид зла, имеющий великую силу упразднять добро, собранное с великими усилиями и трудами, – это ветер тщеславия. Оно действительно, как ворвавшийся ветер, развеивает все сокровища добродетели. Вот открылась нам и вторая причина падения живущих праведно, как ты сказал. Многие, кажущиеся нам перенесшими и переносящими великие труды для добродетели, за то, что делали все ради чести у людей, а не у Бога, и попущены впасть в искушение, чтобы они, лишившись людской славы, для которой терпели все лишения, и узнав, что она в сущности нисколько не лучше цвета травного, прилепились наконец к одному Богу и делали все для Него. Кроме того есть на это очень много и других причин, но они, как я сказал, сокрыты от нас, а известны Создателю нашему – Богу. Не будем же роптать на Него за происходящее с нами, но будем благодарить: это свойственно (*действенно*) признательным рабам. Ты удивляешься, что нечистый (дух) напал на тебя не в прежнее время, когда ты роскошествовал и окружал себя мирским блеском, но теперь, когда ты бросил все это и всецело предал себя Богу; но это подобно тому, как если бы ты удивлялся, почему зрителей никто не беспокоит, а на того, кто записался в борцы, приготовился и вышел на место борьбы, на этого одного из всех нападает противник, поражает его в голову и бьет по лицу. Не то удивительно и достойно

сожаления, что демон огорчает, теснит и беспокоит решившихся на борьбу, – ибо таков закон борьбы, – но если он побораает, и низвергает, и лишает награды, – вот это ужасно! А пока он не в состоянии сделать этого, то не только не нанесет нам никакого вреда, но еще доставит величайшую пользу, сильною борьбою с нами доставив нам более чести. Так и между воинами лучше всех тот, кто может показать у себя больше ран и кто вступал в единоборство с сильнейшим из противников; и из борцов мы особенно удивляемся тем, которые вступают в борьбу с непобедимыми (так называют храбрейших из противников); и из охотников тот считается сильнейшим, кто выходит на самых диких зверей. Твой демон бесстыден и бесстрашен? Но потому я и не перестаю изумляться и удивляться тебе, что ты, получив такого противника, не пал, не выдал себя, но остался непреклонным и не уступил ему ни в чем.

10. А что я теперь говорю тебе без лести, что действительно ты получил величайшую пользу от своей скорби, то позволь мне говорить прямо; потому что иначе я не могу доказать тебе этого. Ты знаешь и помнишь свою прежнюю жизнь, т. е. жизнь до искушения; рассмотри же ее внимательно и сравни с настоящей жизнью после искушения, и ты увидишь, какая польза произошла для тебя от этого бедствия. Теперь у тебя великое усердие и к постам, и к ночным бдениям, и к занятию чтением, и к упражнению в молитвах; также и терпение и смирение достигли у тебя высшей степени; а прежде ты вовсе и не думал о книгах, и все свои заботы и труды употреблял на уход за садовыми деревьями. Многие, как я слышал, упрекали тебя даже в гордости, и объясняли ее знатностью рода, славой отца и твоим воспитанием в большом богатстве. Насколько ты был ленив в ночных бдениях, это сам хорошо знаешь. Часто, когда другие в глубокую ночь поспешно вставали, ты оставался погруженным в глубокий сон и сердился на тех, кто будил тебя. А теперь, с тех пор, как ты вступил в эту борьбу и ратоборство, все это прекратилось и переменилось на лучшее. Если же спросишь меня, почему Бог не попустил демону напасть на тебя, когда ты жил в роскоши и был привязан к делам мирским, то я скажу в ответ, что и это было делом промысления Его; Он знал, что тогда враг скоро погубил бы тебя, нашедши легко победимым. Посему Бог вызвал тебя на эту борьбу не тотчас, как только вступил ты в монашескую жизнь, но предоставил тебе упражняться в течение долгого времени, и потом, когда ты укрепился, вывел тебя на это трудное поприще. Еще ты упоминаешь о живущих в мире и указываешь на своего слугу; ведь его, я думаю, ты разумеешь, когда говоришь, что многие из мирских людей, подвергшись той же болезни, получили весьма скоро совершенное исцеление. Но, любезнейший, слуга твой и другие, которые подвергались одинаковому с ним бедствию, испытывали это не с тою целью, с какою ты теперь: на него и на других Бог попускал этого зверя для того, чтобы только утратить их и посредством страха сделать лучшими, а на тебя для того, чтобы ты мужественно боролся, славно победил и получил венец за терпение. А победа состоит не в том, когда ратоборец еще во время зрелища уклоняется от борьбы с противником, но когда он во всякое время остается готовым на борьбу; тогда противник и унынием не будет в состоянии довести его до каких-либо негодных помыслов. И что это действительно так, я прямо заключаю из следующего. Всем известно, – хотя сам ты и уничижаешь себя, – насколько твоя жизнь лучше жизни твоего слуги. Потому и Бог промышляет и печется о тебе более, нежели о нем. Если же это ясно, то очевидно также и то, что, если бы Божие попущение было делом Его гнева, Он не стал бы так долго подвергать этому того, кого более любит, между тем как скоро избавил от демона другого, который гораздо хуже тебя. Это я могу подтвердить не только вышесказанным, но и на основании того, из чего ты заключаешь, что Бог оставил тебя, постараюсь доказать, что Он особенно заботится о тебе. Если бы ты не оказал большого усердия и не совершил далеких путешествий для собеседования с мужами святыми и имеющими силу разрешать эти узы, то иной из обыкновенных людей мог бы придти в недоумение, так как не очень ясна была бы причина, почему Бог попустил (тебе страдать) столько времени. Но так как ты посетил места мучеников, где получили исцеление многие даже из тех, которые (в бесновании) кусали людей, долгое время прожил с мужами

дивными, доблестными и всегда успевавшими (исцелять больных), и не опустил решительно ничего; что могло бы освободить тебя от страдания, и однако возвратился опять с тем же врагом; то ты принес ясное и вразумительное даже для весьма невнимательных людей доказательство Божия промысления о тебе. Бог, конечно, не лишил бы тебя Своей благодати, и не допустил бы посрамления рабов Своих, если бы не видел от этого великой славы и большей пользы для тебя. Таким образом то, что по-видимому служит знаком оставления тебя Богом, есть знак великой Его любви и благоволения к тебе.

К ТОМУ ЖЕ СТАГИРИЮ О ТОМ, ЧТО УНЫНИЕ ХУЖЕ ДЕМОНА СЛОВО ВТОРОЕ

В ПРЕДЫДУЩЕМ (слове) сказано нами о Промысле Божиим и о том, что Бог испытывает тебя известным образом не по отвращению и не по ненависти, а по особенной любви. Но так как ты, по словам твоим, очень сетуешь и по другой причине, именно потому, что демон часто внушает тебе мысль погубить себя в море или пропасти, или прекратить настоящую жизнь каким-либо другим способом, то я хочу немного побеседовать и об этих помыслах. Такое внушение происходит не от него только одного, но и от твоего уныния, и даже больше от последнего, чем от первого, а может быть – и от одного уныния. Это видно из того, что многие и из тех, которые не одержимы демоном, замышляют то же только от печали. Отвергни же ее и изгони из души, тогда и демон не будет иметь силы не только на то, чтобы склонить к такому делу, но и на то, чтобы приступить к внушению. Как воры при наступлении ночи, погасив огонь, очень легко могут и похитить имущество и умертвить владельцев его, так теперь и демон, вместо ночи и мрака наведши уныние, старается похитить все охраняющие помыслы, чтобы, напав на душу лишенную их и беспомощную, нанести ей бесчисленные раны. Когда же кто, рассеяв этот мрак надеждою на Бога и обратившись к солнцу правды, поспешит принять лучи его в свою душу, тогда смятение от этих помыслов перейдет на самого разбойника; потому что и эти преступники, когда кто поймает их и внесет огонь, дрожат, робеют, смущаются. Как же, скажешь ты, освободиться от этой печали, не освободившись наперед от причиняющего ее демона? Не демон причиняет уныние, но оно делает демона сильным и внушает худые помыслы. Это может засвидетельствовать нам блаженный Павел; и он боялся не какого-нибудь демона, но чрезмерной скорби, когда писал к Коринфянам, чтобы они простили, наконец, грешнику грех его: «дабы он не был поглощен», говорит он, «чрезмерною печалью» (2Кор.2:7). Но предположим, если хочешь, что демон нападет на тебя, а уныние изгнано из твоей души: какой от этого будет вред? Какое зло, большое или малое, может причинить нам демон сам по себе? Уныние же и без него может сделать много зла, и большинство из тех, которые наложили на себя петлю, или закололись мечем, или утопились в реках, или погубили себя как-нибудь иначе, увлечены были к такой насильственной смерти унынием; если же в числе этих людей окажутся некоторые и из одержимых демоном, то и их погибель должно приписать не демону, но влиянию и силе уныния. Как же можно, скажешь ты, не унывать? Можно, если, отвергнув мнения толпы об этом предмете, будешь помышлять о горнем. Теперь твое положение кажется тебе ужасным, потому что толпа считает его таким; но если ты захочешь с точностью рассмотреть его само по себе, отрешившись от пустого и ошибочного предубеждения, то найдешь, что оно не представляет никакого повода к унынию, как это уже многократно и доказано нами. Касательно же твоих сверстников (которых благодущие и дерзновение пред братьями ты видишь и от того, я думаю, смущаешься и падаешь духом) я скажу, что если бы, в то время как они проводят жизнь в воздержании, скромности и прочих добродетелях любомудрой жизни, ты тратил все время в непотребных домах, в играх и пирушках, уныние твое имело бы причину; но если ты идешь по одному с ними пути, то от чего тебе печалиться? Если бы я говорил с кем-нибудь другим, из числа тех, которые легко увлекаются гордостью, то я умолчал бы о том, что намерен теперь сказать тебе. Но так как я вполне уверен, что ты никогда не перестанешь быть скромным, а всегда будешь считать себя между последними, хотя бы тебя безмерно хвалили и превозносили, то скажу все, нисколько не притворствуя. Ты, я слышу, так успел в своей благочестивой жизни, что не уступаешь уже не только тем юношам, но и великим и дивным мужам. И от этих, говорят, ты не отстаешь ни в чем, ни в посте (и возможно ли иначе, когда ты питаешься только водой и хлебом, и то через день?), ни в продолжительности ночных бдений, но подобно им проводишь без сна много ночей сряду. А в препровождении

дня, говорят, ты многих из них уже и превзошел; от приходящих оттуда я слышу рассказы, что у тебя все время употребляется на молитвы и слезы; и как подвизающиеся в молчаливости, или заключившие себя уединенно в келье, ни с кем, ни о чем не разговаривают, так, говорят, поступаешь и ты, живя среди такого многолюдства. О твоём же сердечном сокрушении, о скорби и сетовании они рассказывают даже с изумлением, и этими рассказами о твоих подвигах здесь привели многих в сокрушение. Не смотрит он, говорят они, ни на кого из приходящих туда и не дает себе отдыха от постоянных трудов, часто боялись мы, чтобы он не ослепил глаз своих слезами, чтобы не повредил головного мозга чрезмерным бодрствованием и неослабным и непрерывным упражнением в чтении.

2. Итак, тебя печалит и смущает то, что ты уже опередил сверстников, и, имея сильного и дерзкого противника, далеко оставил позади себя подвизающихся вместе с тобою! Не правду ли говорил я, что твое уныние есть только следствие предубеждения, а при внимательном рассмотрении может доставить нам много побуждений даже к благодушию? Скажи мне, какая польза не быть бесноватым, если при этом жизнь будет оставлена в пренебрежении? И какой вред от беснования, если при этом образ жизни будет строг и благоустроен? Но ты, может быть, стыдишься и краснеешь, когда демон низвергает тебя в чьем-либо присутствии? Это происходит по той причине, что ты судишь о деле по мнению толпы, а не по благоразумию. Ниспадение не в том состоит, что, по твоим словам, случается с тобою, но в подпадении греху; при таком падении следует стыдиться и сетовать. А теперь мы стыдимся того, что не имеет в себе ничего постыдного; напротив, делая то, что в самом деле постыдно и достойно осмеяния и тяжкого наказания, думаем, что с нами не случилось ничего худого, если душа каждый день падает под тяжестью грехов, то никто не плачет; а если случится что-либо такое с телом, это кажется тяжким и невыносимым. Не в этом ли и состоит беснование, когда душа находится в таком состоянии и так ошибочно судит о вещах? Если бы твои припадки происходили от пьянства, тебе следовало бы стыдиться и унывать; тогда вина была бы произвольная, но если они происходят от насилия другого, то стыдиться должно не тому, кто терпит, но тому, кто делает обиду и насилие. Так и на площади, если во время ссоры один толкнет другого и повергнет на землю, мы все обвиняем толкнувшего, а не упавшего. Хорошо стыдиться, но – тогда, когда мы делаем что-нибудь, навлекающее на нас наказание от Того, Кто будет некогда судить нас; а пока мы не знаем за собою ничего такого, зачем нам стыдиться? Если бы кто, напав на тебя одного, стал бить тебя или повергать тебя на землю без всякого с твоей стороны повода или вины, а ты все перенес бы с кротостью и удалился, то твой поступок был бы не постыдным, но любомудрым и весьма похвальным. Итак, если похвально переносить обиду, причиняемую людьми, то зачем будет стыдиться, как бы какого предосудительного дела, тот, кто благодушно переносит бешенство злейшего демона, совершающего то же самое? Что может быть несообразнее такого противоречия? Если бы ты, встав после своего припадка, стал делать или говорить что-либо непристойное, тогда и я не стал бы препятствовать тебе, сокрушаться и сетовать об одном; а если ты все переносишь с благодарением и тотчас обращаешься к молитвам, то чего здесь стыдиться? Может быть, тебя огорчают укоризны от других? Но что может быть предосудительнее людей, которые не знают даже того, что заслуживает укоризны? Эти люди и суть, поистине безумные и бесноватые, – они, которые не умеют смотреть на вещи, каковы они, в сущности, и ругают достойное похвал, а предосудительное считают похвальным. Сумасшедшие говорят окружающим много худого, но слушающие их не думают обижаться. Так и ты, слушая этих безумных, не считай случающегося с тобою позором и вредом, чтобы тебе, в самом деле, не сделаться достойным осуждения, прогневав Бога. Если ты будешь считать позорным то, что Бог посылает для вразумления и пользы, то смотри, к чему ведет это зло.

3. Если ты хочешь видеть людей действительно достойных стыда и осуждения, то я попытаюсь из множества таких указать тебе на некоторых. Посмотри на прельщающихся женскою красотою, на пристрастных к деньгам, на любящих власть и славу и для этого готовых делать и

терпеть все, на изнуряемых завистью, на злоумышляющих против тех, кто ничем их не обидел, на предающихся унынию без всякой причины, на людей, которые постоянно увлекаются суетами житейскими; вот эти и подобные им дела безумны и достойны наказания, заслуживают осуждения, и стыда, и осмеяния. А кто, подвергаясь нападению демона, не смотря на то, показывает в своей жизни великое любомудрие, тот заслуживает, чтобы все не только не осуждали его, но и удивлялись ему и украшали его венцами за то, что он при таких узах совершает столь трудное шествие и восходит по крутому и тесному пути добродетели. Однако я едва не забыл еще нечто, в чем ты имеешь преимущество пред братьями, – именно то, что ты легко можешь, если погрешил в чем-нибудь, загладить эти грехи теперешним несчастьем. Это известно нам из того, что сказал я выше, когда говорил о Лазаре и о блуднике коринфском. Но боюсь за отца, говоришь ты; свои скорби я смогу спокойно перенести, но легко ли будет нам перенести его смущение и негодование, если он когда-нибудь узнает что-либо из этого? Однако до сих пор он не узнал; а унывать и мучиться из-за того, что случится когда-нибудь после, а может быть никогда не случится, весьма малодушно. И откуда известно нам, что он узнает? Впрочем, пусть будет это нам известно; допустим, если хочешь, что он и узнает и сделает много зла; хвалю тебя за то, что ты скорбишь об его горестях, но не одобряю того, что делаешь это с вредом для себя; тем, которые помышляют о горнем, а не о земном, должно преодолевать не только гнев и похоть и прочие страсти, но и уныние; потому что оно может причинить нам больше зла, чем эти страсти, и с ним должно мужественно бороться тем, кто не хочет совсем погибнуть. Если бы тебе самому предстояло быть виновником горестей твоего отца, тогда действительно следовало бы тебе бояться и трепетать, как виновнику такого бедствия; но если он сам захочет подвергать себя крайним огорчениям, тебе нет до них никакого дела; остается только соболезновать отцу. Притом мы не знаем, как он примет это известие; часто многое случалось противоположно ожиданиям; хотя это бывает не так обыкновенно и редко, но в данном случае это и естественно и очень возможно. Откуда же что видно? Твой отец много заботится о побочных детях, и такая любовь к ним может затмить его печаль о тебе; не мучь же ты себя напрасными тревогами. Если же нужно сетовать об отце, то по поводу его безумной расточительности, пиров, гордости, жестокости, теперешней блудной жизни. Неужели малое зло, по твоему мнению, – при жизни жены, вашей матери, иметь связь с другою женщиною и рождать детей от незаконного сожития? Вот это явное, приводящее к худому концу дело, – это достойно сетования и слез; а что случится из-за тебя, то, может быть, будет худо, а может быть – и не худо; терпеть верную муку в виду неизвестного будущего – весьма безрассудно. Положим даже, что весть о тебе принята будет (отцом) с великим негодованием; но оно окончится весьма скоро и погаснет раньше, чем хорошо разгорится; потому что человек, столь преданный наслаждениям, озабоченный многими делами, питающий нахлебников и льстецов и пламенеющий такою страстью к женщине, от которой имеет полуродных вам братьев, если и обратит внимание на тебя, то недолгое и незначительное. Об этом я заключаю не только из того, что мною сказано, но и из того, что прежде было; я знаю, хорошо знаю, что отец твой прежде крепко любил тебя и считал твою голову дороже всего; но когда ты вступил в монашескую жизнь, он погасил всю эту любовь, признал поступок твой постыдным и недостойным знатности предков и говорил, что ты посрамил честь его; если бы не удерживала его сила природы, он, может быть, даже и отрекся бы от тебя. Таким образом – если слова эти не окажутся очень необдуманными – я полагаю, что он даже рад случившемуся с тобою, считая тебя потерпевшим наказание за то, что ты решительно не принял совета его, хотя он часто увещевал тебя и хотел отвлечь от этой строгой жизни.

4. Вот что я могу сказать об отце и твоём опасении за него: и этого, я думаю, достаточно для того, чтобы рассеять весь твой страх по этому поводу. Но ты говорил, что главная беда в том, что ты не можешь надеяться и на будущее и не знаешь, будет ли конец твоему страданию, или вступивший с тобою в эту борьбу захочет бороться с тобою до смерти. Относительно этого и я не могу сказать ничего верного, и не могу ручаться за будущее; однако я верно знаю, и тебе

желаю также убедиться в том, что все, что бы ни случилось, будет нам на пользу; и если ты будешь иметь такое убеждение, то скоро отгонишь от себя и то, что называешь верхом своих несчастий. Кроме того, нужно иметь в виду и то, что время наград и венцов есть век будущий – время борьбы и подвигов. Это желал нам объяснить блаженный Павел, говоря: «потому я бегу не так, как на неверное, бьюсь не так, чтобы только бить воздух; но усмиряю и поработаю тело мое, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным» (1Кор.9:26,27). Когда же он приблизился к кончине, тогда произнес следующее блаженное изречение: «подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды» (2Тим.4:7,8), изъясняя, что вся наша жизнь должна быть проводима в борьбе и трудах, если мы хотим наслаждаться вечным покоем и бесчисленными благами. Если же кто из беспечных захочет наслаждаться и здешними удовольствиями и тамошними наградами, уготованными трудящимся, тот сам себя обманывает и обольщает. Как между борцами тот, кто во время борьбы ищет покоя, находит себе навсегда позор и бесславие, а тот, кто на месте борьбы мужественно переносит все трудности, получает от зрителей венцы, славу и похвалу и во время борьбы, и по окончании ее, так и у нас. Кто время трудов делает временем покоя, тот будет стонать, скрежетать зубами и терпеть крайние муки тогда, когда нужно будет успокоиться вечным покоем; а кто здесь переносит скорби благодушно, тот и здесь и там будет блистать и наслаждаться славою бессмертною и истинною. Если в житейских делах человек, делающий что-либо неблаговременно, не достигает того, что имел в виду, и подвергает себя бесчисленным бедствиям, то тем более испытает это на себе тот, кто не знает установленных времен в делах духовных. Христос сказал: «в мире будете иметь скорбь» (Иоан.16:33). Блаженный Павел сказал: «и все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы» (2Тим.3:12), разумея не только гонения от людей, но и козни демонов. Иов сказал: «искушение есть житие человеку на земли» (Иов.7:1)¹¹. Что же ты сетуешь, претерпевая скорби во время скорбей. Сетовать нужно было бы в том случае, если бы мы время, которое Христос назвал бы временем скорби, делали временем наслаждения и покоя; если бы в то время, когда нам заповедано подвизаться и трудиться, мы предавались праздности; если бы мы шли по пространному пути, тогда как Он повелел идти по тесному. За это нам неизбежно следовало бы терпеть наказание в том веке. Но что сказал бы ты, говоришь, о тех, которые и здесь идут широким путем и там будут покоиться? Кто же эти люди? Я верю только слову Христа, Который говорит, что «тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь» (Матф.7:14). А что по тесному пути никогда нельзя идти, как по широкому, это, конечно, всякому ясно. Если на мирских ратоборствах никто не получал венца без трудов, имея притом своими противниками таких же людей, то как нам, против которых ратуют лукавые силы, можно победить их бешенство без скорби и стеснения?

5. Впрочем, зачем нам доказывать это умозаключениями, когда можно прибегнуть к блаженным и доблестным подвижникам, жившим в прежние времена? Припомни всех, прославившихся в те времена, и увидишь, что все они скорбями достигли дерзновения пред Богом. Прежде всего, если хочешь, обратимся к сыну первозданного, агнцу Христову, Авелю, который не сделал никакого зла, и, однако, потерпел то, чему подвергаются тяжчайшие грешники. Мы терпим искушения в наказание за грехи; а этот праведник страдал не за что-либо другое, а за то, что был праведен. Пока он не отличался ничем великим, брат был благосклонен к нему, а когда прославился своею жертвою, то Каин, ослепленный завистью, не посмотрел и на природу. Почему же ты знаешь, не эта ли причина и теперь возбудила против тебя диавола, и не слава ли твоей жизни вызвала его на эту борьбу? Если ты смеешься над этими моими словами, – хвалю тебя за смиренномудрие, однако не перестану так думать. Если Авель, принесши тук, угодил Богу, тем более посвятивший Богу не внешнее что-либо, но всего себя, мог вооружить против себя врага. Бог же попустил ему напасть на тебя, как и тогда Он не воспре-

¹¹ В синод. переводе: «Не определено ли человеку время на земле, и дни его не то же ли, что дни наемника?» (Иов.7:1).

пятствовал совершиться убийству, но попустил праведнику впасть в руки убийцы, и не избавил того, кто потерпел смерть ради Его и Его славы; Он не хотел уменьшения венцов Авеля, посему и попустил ему дойти до конца. Но, скажешь ты, какое наказание – смерть? О, если бы и мне теперь потерпеть такое наказание! Это, возлюбленный, говоришь ты теперь, а прежде смерть казалась тягостнее всего и мучительнее всякого наказания. Потому и по Закону Моисееву сделавшие величайший и непростительный грех подвергались этому наказанию. И по законам внешних (языческих) законодателей еще и теперь не иначе наказываются все, уличенные в самым гнусных злодеяниях; между тем этот праведник пострадал одинаково с беззаконниками, или даже гораздо тяжелее, так как получил удар от руки брата. А что Ной? И он был праведен и совершен, и среди всеобщего развращения один угодил Богу, тогда как все прочие оскорбляли Его. И, однако, он претерпел бесчисленное множество скорбей и – тяжких. Он не умер так скоро, как Авель, и не подвергся тому, что тебе представляется легким, но переносил долгую жизнь, и в течение многих лет жил несколько не лучше тех, которые носят тяжести и постоянно изнуряются тягчайшим бременем. Я сейчас вполне объясню тебе это, сказав предварительно следующее. Целый год Ной жил как бы в темнице, – в темнице необыкновенной и страшной. Не буду говорить о множестве зверей и пресмыкающихся, с которыми вместе жил он столько времени, заключенный в такой темноте; что, думаешь, терпел он от раскатов грома, от шума дождей? Бездна нижняя разверзалась, верхняя низвергалась; а внутри ковчега сидел он один с сыновьями. Хотя он мог быть уверенным, что потоп кончится, но по чрезвычайности события наперед цепенел от страха. Если мы, имея дома, крепко построенные на земле, и живя в городах, падаем духом и смущаемся, когда увидим, что дождь льет несколько сильнее обыкновенного, то чего не вытерпел он, находясь один внутри ковчега и видя ужаснейшую бездну и различные роды погибших в ней? Душа может прийти в ужас, когда и один город или даже один дом во время наводнения погибает в волнах; а когда потерпела это вся вселенная, то и сказать нельзя, в каком состоянии находился носившийся среди такого наводнения. И целый год он был в таком страхе. Когда же потоп прекратился, то хотя страх его уменьшился, но увеличилась у него печаль. Лишь вышедши из ковчега, он встретил другую бурю, не меньше первой, увидев великую пустыню, насильственную смерть, тела погибших смешанные с илом и грязью, и всех вместе – и людей, и ослов, и более низших животных зарытыми в одной самой жалкой могиле. Хотя погибшие в потоке были великие грешники, однако Ной был человек и сострадал имевшим одинаковую с ним природу. Так и Иезекииль, хотя был праведен и знал, что израильтяне порочнее всех, однако, когда видел их поражаемыми и падающими, также сострадал и плакал; между тем Бог наперед открыл ему все их нечестие и дал ему возможность видеть это собственными глазами, для того, чтобы он, когда увидит их наказываемыми, мужественно перенес это несчастье; и, однако, после доставленного ему такого облегчения, он жаловался и, падши, взывал так: «о, Господи Боже! неужели Ты погубишь весь остаток Израиля» (Иез.9:8)? И это случилось с ним не однажды только, но и в другой раз, когда он видел умерщвление Иехонии. Так и Ной, хотя знал о бесчисленных преступлениях современников, но не был мужественнее ни Иезекииля, ни Моисея. И Моисей много раз страдал одинаково с пророком, и, видя, что согрешающим надлежало потерпеть наказание, сетовал и скорбел более самих наказываемых. Но при Ное и бедствие было ужаснее; ибо такая смерть, какая случилась при нем, была единственною. Затем, когда Ной был удручаем столь великими бедствиями; – одиночеством, состраданием к единоплеменникам, множеством погибших, способом смерти их, запустением земли, и когда печаль его со всех сторон сильно увеличивалась и возрастала, тогда же наносится ему еще оскорбление и от сына, – оскорбление невыносимое, весьма позорное и весьма прискорбное. Во сколько раз оскорбления от друзей тяжелее оскорблений от врагов, во столько оскорбления от детей нестерпимее оскорблений от друзей. Так, когда отец увидит, что тот, которого он родил, которого воспитал, которого образовал, для которого перенес множество скорбей, трудов и забот, обходится с ним обиднее всех, когда он испытает это, то не

в силах бывает перенести великой скорби душевной. Обида для человека свободного и сама, по себе несносна; когда же она нанесена собственными детьми, то может довести обиженного даже до исступления; до того она тяжела! Притом имей в виду не одно только это оскорбление, но по нему заключай и о том, как оскорбитель обращался с Ноем и во все прежнее время. Если Хам, еще имея пред собою страшное событие, лишь только освободившись из такой темницы и еще видя бедствия вселенной, не вразумился этим, но оскорбил того, кого оскорблять всего меньше следовало; если он не исправился ни смертью такого множества людей, ни опустошением земли, ни гневом Божиим, ни другим каким-либо из тогдашних событий, то каков он был прежде потопа, когда было много увлекавших его к порокам? Да, тогда из-за этого (сына) и прочих людей праведник вытерпел более жестокую бурю, чем та, которая была во время самого потопа. Во время потопа окружало его только множество воды; а до потопа он со всех сторон был объят бездною пороков, и козни злых людей беспокоили его сильнее волн. Оставшись один среди такого множества беззаконников и нечестивцев, он, хотя не терпел от них никакого вреда, но перенес много насмешек и издевательств, если не прежде, то тогда, когда говорил им о ковчеге и будущих бедствиях. А как такие насмешки могут возмутить душу, об этом может засвидетельствовать нам тот, кто был освящен от чрева матерного и хотел из-за этого даже отказаться от пророчества; «не буду более», говорит (Иеремия), «говорить во имя Его» (Иер.20:9). Кроме того, сколько огорчения, сколько печали причиняло Ноею одно то, что не было еще никого одинакового с ним ни по душе, ни по жизни! Мало этого: он вытерпел много скорбей и от соболезнования о своих современниках. Разве праведники скорбят тогда только, когда они видят грешников умирающими, а когда видят их согрешающими, разве не сокрушаются? Нет, в последнем случае они огорчаются гораздо более, нежели в первом. И это можно хорошо узнать от пророков. Один из них горько взывал: «Горе мне! Не стало милосердых на земле, нет правдивых между людьми» (Мих.7:2). А другой говорил к Богу: «для чего даешь мне видеть злодейство и смотреть на бедствия» (Авв.1:3)? И сильно сокрушаясь об угнетаемых, плакал так: «оставляешь людей как рыбу в море, как пресмыкающихся, у которых нет властителя» (Авв.1:14). Если же так было тогда, когда существовали и законы, и начальники, и судилища, и священники, и пророки, и наказания, то представь, до какой степени простирались все пороки при Ное, когда ничто подобное не удерживало людей. Притом, при пороках жизнь человеческая продолжалась недолго, лет семьдесят-восемьдесят; а тогда она простиралась до шестисот лет и более. Кроме всего вышесказанного, сколько трудов он должен был понести, проходя такой долгий путь и стараясь в такое продолжительное время нимало не совратиться при многих встречающихся препятствиях? Что я говорю: многих, когда весь совершенно путь был таков, весь от края до края земли был исполнен скал и терний, диких зверей и зловония, заразы и холода, и злодеев? Подлинно, удобнее идти в самую глубокую ночь по узкой тропинке, чем по пути добродетели в те времена: сколько было людей, которые усиливались совратить Ноя с его пути! Когда все могут делать все, что захотят, и только один идет по противоположному им пути, – как он может дойти до конца, если все теснят и увлекают его назад? А как трудно вести жизнь добродетельную среди многолюдства, это доказывают поселившиеся в пустынях, в настоящее время, когда, по благодати Божией, везде можно видеть добрую жизнь, единокорные и не малую любовь друг к другу. Тогда же ничего этого не было, но все относились к Ноею свирепее даже диких зверей.

6. Что может быть прискорбнее, что бедственнее такой жизни? Я обещал показать, что состояние Ноя было ничем не лучше состояния тех, которые постоянно носят тяжести и никогда не имеют отдыха; но мое слово сделало гораздо больше, открыв нам, что состояние Ноя было не только ничем не лучше, но гораздо тяжелее их состояния. Многим, кажется, что Авраам благодушно прожил все время, почему и привыкли сравнивать с ним благоденствующих и счастливых во всех отношениях. Рассмотрим же, что было с ним. По моему мнению, он гораздо и Ноя и Авеля... но лучше не скажу ничего, пока не даст нам решения самое рас-

смотрение событий. Что было с ним в Персии, и случилось ли с ним что-либо горестное до семидесяти лет его жизни, этого никто не может точно знать. И блаженный Моисей не написал нам истории этого времени, но, опустив все эти годы его жизни, начал повествование уже с последующих лет. А что, вероятно, и Авраам страдал одинаково с Ноем, когда один хотел жить благочестиво среди столь многих нечестивцев и иноплеменников, это не так неизвестно, как остальное, и даже весьма неразумные люди легко могут понять это. Впрочем, оставим пока и это; начнем речь с переселения Авраама, рассмотрев, прежде всего то, как далеко земля Халдеев отстояла от Палестины, каково было состояние дорог, каковы были взаимные отношения людей, каково было общественное устройство. По тому, что праведник легко послушался, не должно считать теперь и самого дела легким, и по тому, что Моисей рассказал о событии сжато и кратко, не надобно думать, будто и самое дело так же кратко, как слова; сказать и описать это – легко; но сделать не так легко, напротив очень трудно. Итак, о длине пути и о том, как велико расстояние между этими странами, могли бы с точностью сказать те, которые пришли бы к нам оттуда, если только есть такие. Но мы ни с кем из них не виделись, а встретившись с одним из бывших в соседней стране и спросив, сколько времени он должен был провести в пути, мы услышали, что – тридцать пять дней; впрочем, сказал он, Вавилона он не видал, а слышал от бывавших там, что есть оттуда еще другой столь же длинный путь. Таково расстояние было тогда, таково оно и теперь; но тогдашнее состояние дорог было не таково, как нынешнее. Ныне на дороге часто расположены гостиницы, города и селения, и путешественник может встречаться со многими путниками, а это важно в отношении безопасности не меньше гостиницы, города и селения. Притом градоначальники, избрав из страны мужей, отличающихся от других телесною силою и способных действовать дротиком и пращею так же, как стрелки стрелами и копьеносцы копьями, и поставив над ними начальников, освободили их от всякого другого дела и вверили им только охранение путей. А затем придумали еще и другую, более этой надежную, меру безопасности: устроив при дороге жилища на расстоянии тысячи шагов одно от другого, поместили в них ночных сторожей, которых бдительность и надзор служат большим препятствием для нападений злодеев. А при Аврааме ничего этого не было: ни частых селений, ни городов, ни гостиниц; не скоро можно было увидеть постоялый двор или спутника, или что-нибудь другое подобное; не говорю уже теперь о неровности дорог и непостоянстве ветров, хотя и эти неудобства, даже без тех, могут причинить довольно неприятностей путникам. Это могут засвидетельствовать те, которые, имея повозки и упряжных животных, не осмеливаются и на них отправляться по обыкновенной дороге, если наперед не вымостят ее камнями и, завалив рытвины от потоков, не уравниют, таким образом, дороги. Тогда же дорога была пустынное мест необитаемых, непроходимое гор, опаснее рвов и скал. Но я не сказал еще о самом важном неудобстве, о том, каковы были взаимные отношения людей, причинявшие им гораздо больше тяжелых затруднений, чем самая дорога, так как все были разделены по народам, или даже по городам. Тогда не так было, как теперь, когда одна власть простирается на большую часть вселенной, и все повинуются одному человеку и управляются одними законами; но как одно тело, рассеченное на многие части, так разделен был тогда и род человеческий: праведнику приходилось переменять одних врагов на других, и едва он убегал от одних, всегда попадал на других; потому что в одном месте было многоначалие, в другом – безначалие. Что же тяжелее такой жизни? Притом, Авраам боялся и трепетал не за себя только, но и за отца, и за жену, и за племянника. Не малая также была у него забота о слугах, когда они были даже и дома, а тем более, когда им приходилось часто быть на чужбине. И если бы он точно знал, где кончится для него странствование, то заботы его не были бы еще так несносны; а теперь услышав просто и неопределенно о земле, не о той или другой, но «которую Я укажу тебе» (Быт.12:1), он мысленно обходил все страны и испытывал в душе великое смущение, потому что нигде не мог остановиться мыслию, но должен был о многом сомневаться и беспокоиться. Мог он думать, что пойдет до самых пределов вселенной и до самого океана, так что, хотя и не прошел всей

земли, но беспокойство о таком путешествии вытерпел. В душе он готов был не только дойти до Палестины, но следовать всюду, хотя бы ему поведено было пройти всю вселенную или даже идти на острова, находящиеся вне ее. Если же неопределенность повеления заставляла ожидать и того и совершенно противоположного, то и это было тяжело. Кому предстоит терпеть что-либо тяжкое, тому гораздо легче знать ясно, чему он подвергнется и к чему он должен готовиться, чем носиться мыслию повсюду и ждать то благоприятного, то неблагоприятного, и ни на что твердо не надеяться, но одинаково не доверять тому и другому.

7. Это происходило с Авраамом до прибытия его в обетованную землю; когда же он достиг Палестины и надеялся, наконец, успокоиться, тогда в самой пристани нашел еще большую бурю. А не легко, напротив весьма тяжело бывает, когда кто-нибудь, подумав, что скорбь его кончилась, и что он уже свободен от нее, поэтому, отложив всякую заботу и попечение, вдруг должен будет снова начать борьбу с неприятностями. Кто ожидает бедствий, тот легче может вынести их наступление; а кто успокоился и отрешился от забот, тот, если опять случится с ним что-либо подобное прежнему, возмущается и легче поддается скорби по двум причинам: по неожиданности бедствия и потому, что он отложил всякую заботу и предосторожность. Итак, какая же буря постигла Авраама? Тогда в Палестине был столь сильный голод, что Авраам тотчас поднялся оттуда и пошел в Египет. Пришедши туда в надежде найти избавление от бедствия, он был постигнут опять несчастьем более тяжким, чем голод, подвергшись крайней опасности. Он впал тогда в такой страх, что решился даже на то, что для всех мужей несноснее всего; это – поругание их жен. Он дошел тогда до такой крайности, что прибег даже к лицемерию, а что может быть тяжелее этого? Каково, думаешь ты, было у него на душе, когда он принужден был советовать жене своей следующее: «вот, я знаю, что ты женщина, прекрасная видом; и когда Египтяне увидят тебя, то скажут: это жена его; и убьют меня, а тебя оставят в живых; скажи же, что ты мне сестра, дабы мне хорошо было ради тебя, и дабы жива была душа моя чрез тебя» (Быт.12:11–13)? Эти слова произнес тот, кто для Бога оставил и отечество, и дом, и друзей, и сродников, и все прочее в доме, и перенес такую скорбь и столько труда в продолжительное время своего путешествия. Однако он не сказал тогда ничего вроде следующего: «Бог оставил меня, отвратился, и лишил своего промысления»; нет, он все перенес мужественно и с верою; и кому следовало бы больше всех гневаться, когда жена его в великой крайности подвергалась поруганию, тот всячески старался, чтобы поругание не сделалось явным. А с каким это соединено унынием и огорчением, того невозможно выразить словом, но то знают имевшие жен и впадавшие в беспокойство ревности. Свидетельствует об этой страсти и Соломон, когда говорит так: «ревность – ярость мужа, и не пощадит он в день мщения, не примет никакого выкупа и не удовольствуется, сколько бы ты ни умножал даров» (Прит.6:34,35); и еще: «крепка, как смерть, любовь; люта, как преисподняя, ревность» (Песн.8:6). Если же так воспламеняется ревнующий, то не злополучнее ли всякого тот, кто впал в такое несчастье, что принужден даже лстить оскорбителю и всячески стараться о том, чтобы прелюбодей, которому следовало бы мстить, удобно воспользовался его женою? Когда окончились и эти бедствия, то опять появились другие трудности: за голодом последовала война. Не говорю теперь о ссоре пастухов и разлуке с племянником, хотя и это, если сопоставить с прочими обстоятельствами, могло причинять (Аврааму) великое уныние. Когда Лот, спасенный им и получивший столько добра, обязанный поэтому уступить ему во всем и наказав своих пастухов, – когда этот человек, пользуясь предоставленным ему выбором, берет себе плодороднейшие страны, а ему оставляет более пустынные места, кто мог бы легко перенести это? Говорю не об убытке, но о том, что оказавший уважение, сам подвергается неуважению и получает худшую часть, что представляется тяжелее всякого убытка. Впрочем, все это я опускаю теперь, потому что речь у нас о патриархе, а не о ком-либо из обыкновенных людей.

8. Итак, за голодом последовала война с персами, и Авраам вынуждается идти против них, не в самом начале, когда обе стороны были еще в силах, но когда союзники все были уже

обращены в бегство, победа осталась за неприятелями, и никто уже не мог сопротивляться им, так как одни были совершенно разбиты, другие скрылись, а некоторые были поработаны ими. Однако ничто не удержало Авраама дома, но, удрученный сильною скорбью о случившемся, он пошел разделить с побежденными несчастье, подвергая себя явной смерти; ибо выходить на бой с таким многочисленным войском, имея у себя триста с небольшим домочадцев, можно было не иначе, как рассчитывая и решившись на пленение, истязание и бесчисленные смерти. Итак, он пошел с готовностью испытать лютость варваров; но когда был спасен Божиим человеколюбием и возвратился с добычею и родственником, то опять должен был оплакивать собственное горе, – разумею бездетность и то, что он не имел у себя наследника. Если ты только теперь слышишь, как он жалуется пред Богом и говорит: «что Ты дашь мне? я остаюсь бездетным» (Быт.15:2), то не подумай, будто он теперь только и почувствовал это горе; нет, эта забота и беспокойство вошли в дом праведника вместе с молодою его супругою, или даже прежде самой супруги. Обыкновенно все мы, как только начнем совещаться и говорить о браке, тревожимся всеми соединенными с ним заботами, из которых главнейшая – о детях, и опасение (бездетности) с того самого дня возмущает наши души. Если случится, что после брака пройдет один год, или два, или даже три (без детей), то уныние усиливается, а надежды на радость слабеют; когда же пройдет так еще более времени, тогда надежды совсем оставляют нас, а овладевает душою уныние, помрачающее все удовольствия жизни и не позволяющее наслаждаться ничем. Таким образом, если бы с Авраамом не случилось ни одного из столь многочисленных бедствий, но все было бы по его желанию, одно уныние от бездетности, сопутствовавшее всем событиям его жизни, было в состоянии помрачить и уничтожить всякое благодушие. Обетование Божие последовало уже в глубокой его старости, когда природа не подавала уже надежды (на чадородие); а все предшествовавшее столь долгое время он проводил в печали и горести; и чем более видел умножающимся свое богатство, тем более скорбел, не имея наследника. Что, думаешь ты, претерпел он, когда услышал: «знай, что потомки твои будут пришельцами в земле не своей, и поработят их, и будут угнетать их четыреста лет» (Быт.15:13)? А жена, которая то советует Аврааму взять служанку ее, то, когда он взял, упрекает и жалуется, призывая на него Бога, и принуждает изгнать ту же служанку, разделявшую с ним ложе и готовившуюся родить ему сына, кого не повергла бы в крайнее уныние? Кому это кажется маловажным, тот пусть вспомнит, что от этого расстраивались целые дома, и подивится праведнику. Он хотя и мужественно переносил все по страху Божию, однако был человек и от всего этого страдал и скорбел. Потом служанка возвращается в дом господина и рождает ему побочного сына, и Авраам делается отцом после такого продолжительного времени; это событие доставило ему некоторое удовольствие, но еще большее уныние. Побочный сын напоминал ему о законном и возбуждал сильнейшее желание такого сына. Он думал, что слова: «не будет он твоим наследником, но тот, кто произойдет из чресл твоих, будет твоим наследником» (Быт.15:4), были сказаны об Измаиле, потому что еще ничего не было сказано о Сарре. Когда же, наконец, он получил яснейшее обетование об Исааке и назначено было время его рождения, то прежде чем успел он насладиться этою надеждою, бедствия содомлян навели на него великое облако печали. А что эти бедствия не мало возмутили праведника, это для всякого очевидно из самым слов его и из молитвы, которую вознес он к Богу за содомлян; а когда он увидел, как полился тот ужаснейший дождь и все вдруг обратилось в прах и пепел, то был уже вне себя. Если мы, издали видя горящие дома, тревожимся и падаем духом от печали и страха; то чего не потерпел он, видя, как целые города и селения, вместе с жителями, сжигались необыкновенным, но странным и ужасным пожаром? Так не были ли эти страдания праведника подобны волнам на море, непрерывно следующим одна за другою? Как там, когда одни волны еще не исчезли, поднимаются другие, так было и во всей жизни этого праведника. Едва совершились бедствия Содомы, как царь герарский пытался нанести Сарре такое же бесчестие, как и фараон; и опять жена принуждена была прибегнуть к прискорбному лицемерию, и бесчестие действительно

было бы ей нанесено, если бы опять не воспрепятствовал Бог. А лишь только и сын от рабыни, и жена, и весь дом начали радоваться рождению законного сына, один праведник, среди такой радости, должен был печалиться и сетовать, быв вынужден изгнать наложницу вместе с сыном ее; ибо, хотя Измаил был и побочный сын, и от служанки, но его незаконность нисколько не уменьшала в Аврааме природного расположения к нему, и низкий род матери не ослаблял неизбежного чувства в отеческом сердце. Это можно узнать из самой Библии. Муж твердый и мужественный, который решался собственными руками заклать единокровного (сына), скорбел, когда жена потребовала от него изгнания (Агари); и он не уступил бы и не послушался бы Сарры, хотя бы она имела тогда еще больше смелости и (настойчивее) говорила ему, если бы не побудил его к тому страх Божий. Итак, когда услышишь, что Авраам, по повелению Божию, выслал служанку с сыном, не думай, что скорбь его прекратилась (это было невозможно); но подивись той великой покорности, по которой он, хотя и терзаясь состраданием, не противился Богу, но выслал дитя с матерью, не зная даже, куда пойдут они; он переносил и терпел со скорбью, потому что не был выше природы.

9. То же претерпел Авраам и из-за сына законного. Пусть никто не говорит, что он не скорбел и не страдал по-отечески, и пусть не лишает его самой высшей похвалы, желая сверх меры показать его любомудрие. Мы смущаемся и скорбим, а часто и плачем, когда видим, что по площади ведут на смерть людей, уличенных в постыдных делах и долгое время проводивших такую жизнь, и притом незнакомых и никогда не виданных нами; как же мог не чувствовать человеческой скорби тот, кому велено было сына своего, законного, единственного, рожденного сверх чаяния по истечении столь долгого времени и в самой глубокой старости (от чего любовь сильнее воспламеняется), этого сына, еще юного, заклать собственными руками и принести во всесожжение? Что может быть смешнее возражающих против этого? Если бы он был камнем, или железом, или адамантом, и тогда мог ли он не сокрушаться и не трогаться красотой сына (который был в самом цвете лет), разумностью речей и благочестием души его? Он спросил отца: «вот огонь и дрова, где же агнец для всесожжения?» (Быт.22:7) и услышал, что «Бог усмотрит Себе агнца для всесожжения, сын мой» (Быт.22:8), а более ни о чем не спрашивал; видел, что отец связывает его, и не противился; положен был на дрова, и не соскочил; видел нож, заносимый на него, и не смутился! Что может быть благочестивее этой души? Кто же осмелится еще сказать, что Авраам от всего этого не страдал нисколько? Если бы ему предстояло принести в жертву врага и неприятеля, если бы он был зверем, и тогда мог ли он сделать это без скорби? Нет, нет; не приписывай праведнику такой жестокости: он сетовал и сокрушался. «Бог», говорил он, «усмотрит Себе агнца для всесожжения, сын мой». Видишь ли, какая жалость заключается в этих словах? Однако он удерживал и подавлял скорбь, и делал все с такою готовностью, с какою делали бы люди, не встречающие ничего такого, что удерживало бы их. Итак, принеся своего сына в жертву (ибо он заклал его в своем намерении), он возвращает его матери здоровым и невредимым; а она, приняв сына и не успев довольно нарадоваться на него, оставляет жизнь. И это не мало опечалило Авраама. Хотя она жила с ним долгое время, однако это нисколько не помогало ему легче перенести несчастье, напротив причиняло тем больше уныния; потому что мы особенно привязываемся к тем, которые долго жили с нами и представили нам много доказательств своей дружбы и добродетели. И что это действительно так, доказал сам патриарх своим сетованием и плачем о Сарре. А что сказать о заботах его относительно сына, жены его и (сводных) братьев его и всего прочего? Всякий, желающий вникнуть в подробности этого, увидит, что жизнь праведника была гораздо бедственнее и была исполнена больших забот, чем как изображено теперь. Писание сказало только о главнейшем, а все прочее, что обыкновенно бывает каждый день в доме, где множество слуг, и муж, и жена, и дети, и забота о многих делах, предоставило нашему соображению. Так, скажешь ты; но при всяком из этих огорчений величайшую отраду приносило Аврааму то, что он терпел все это для Бога. То же может служить утешением и для тебя; искушение

постигло и тебя не по чьему-либо иному попущению, а по Божьему. Если злые демоны, без Его позволения, не осмеливались некогда напасть на свиней, то тем более на твою драгоценную душу (Матф.8:30 и далее). Посему, как Аврааму великую награду доставило то, что он переносил все мужественно и с благодарностью, так то же доставит награду и тебе; только бы ты не унывал и не роптал, но за все благодарил человеколюбивого Бога. Так и блаженный Иов претерпел все, что он претерпел, по попущению Божию; но венцы доставило ему не то одно, что он претерпел, но и то, что мужественно устоял против всех бедствий; и все мы удивляемся ему не потому, что диавол лишил его всего, но потому, что Иов «во всем этом не согрешил и не произнес ничего неразумного о Боге» (Иов.1:22).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.